ВИТАЛИЙ ВАВИКИН

КвазиРазмерность

КНИГА ШЕСТАЯ

фантастика

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Скрываясь от хранителей Института всемирной иерархии в неиндексированных территориях Подпространства, бывший клирик вступает в союз с беглым адептом террористической организации «Мункара и Накира» – непримиримые враги, которым теперь нужно прикрывать друг другу спину, чтобы выжить вдали от цивилизованных районов мира.

- Виталий Вавикин
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая

Виталий Вавикин
КвазаРазмерность
Книга шестая

Глава первая

Отчеты об ошибках и нарушении защитных протоколов появились раньше, чем удалось проанализировать собранную информацию после пробного запуска созданного не без помощи ученых Энрофы первого в истории генератора, способного передавать энергию Подпространства в материальный мир.

– Что это значит, черт возьми? – нервничал Демир, рискнувший ради незаконного проекта не только репутацией, но и состоянием.

Бывший клирик по имени Легре смерил встревоженного арендодателя долгим взглядом, но ответа не дал. За многие годы жизни в двухуровневом мире КвазаРазмерности старый клирик понял одно – если работаешь с системным кодом схем жизнеустройства, то приготовься к сюрпризам, потому что Архитектор мира не терпит вмешательства в работу созданных им систем, особенно тех, что не вписаны в плитку многоуровневости бытия.

Впервые Легре столкнулся с этой истиной, когда был молод и амбициозен, работая на Институт всемирной иерархии. Тайно курируя проект извлечения энергии из Подпространства в местах тонких граней временных мембран, он создал группу единомышленников, расселившихся на базах класса «Виадос», курируемых квазацентристами, которые надеялись найти центр мира и продвинуться в понимании принципов действия дома жизни. Забегая вперед, можно сказать, что успехи квазацентристов будут мизерны, зато благодаря их исследованиям появятся теории, позволяющие надеяться, что наконец-то удастся решить проблему энергетического кризиса, открыв новые ресурсы для борьбы с Великим ледником, сковавшим уцелевшие после апокалипсиса жилые комплексы.

Сторонники Легре провели ряд экспериментов, пытаясь перенаправить энергию из Подпространства в материальный мир, но успеха удалось добиться только на базе «Виадос-12», где временные мембраны, разделявшие двухуровневую реальность, имели настолько тонкую грань, что практически сливались, в разы упрощая процесс перенаправления энергия.

В то время Легре был честолюбивым молодым клириком и заботился исключительно о благе Института всемирной иерархии, позиции которой могли пошатнуться, если бы сторонние разработчики первыми открыли альтернативный способ получения необходимой для борьбы с Великим ледником энергии. Впрочем, ныне существующие генераторы, способные

преобразовывать энергию холода, морально устарели, и вопрос их замены или модернизации давно поднимался сторонними разработчиками, пытавшимися лишить Иерархию монополии на снабжение Размерности необходимой для существования энергией. Доводы приводились разные, но главным был тот факт, что Великий ледник пробирался в жилые комплексы, заставляя уцелевшее человечество отступать к густонаселенным центрам, сдавая позиции.

Что касается экспериментов, проводимых Легре, то молодой клирик не сомневался, что Иерархия поддержит его в случае успеха, но судьба распорядилась иначе, и сторонники Легре погибли, пытаясь провести первый сеанс передачи энергии из Подпространства в материальный мир. Ядра их личностей распались, оставив след на системных слоях, что позволило узнать об экспериментах паре сторонних инженеров Размерности по имени Анк и Фарон, прибывшим на базу «Виадос-12» в надежде заработать. Объединившись с акеми по имени Аст-Пла, они начали собственное исследование, изучая оставшийся след от выгоревших ядер личности клириков. Опыты должны были зайти в тупик, но судьба снова решила посмеяться над Легре.

Точки сборки Фарона и Аст-Пла, необходимые для стабильного существования в Подпространстве, распались, а ядра личностей были поглощены созданным клириками коридором для перенаправления энергии сквозь тонкие грани временных мембран. Случившееся вынудило уцелевшую Анк обратиться к семейству Аст-Пла за помощью. В результате группа акеми смогла спасти пострадавших ученых, совершив в процессе ряд судьбоносных открытий, послуживших толчком к тому, чтобы Иерархия прекратила спонсирование исследований квазацентристов и закрыла все созданные базы класса «Виадос», превратив последнюю в поселение содомитов, куда ссылались самые опасные криминальные личности КвазаРазмерности.

Легре, желая избежать наказания, стал отступником. Покинув Всемирную иерархию, он долгое время скрывался от хранителей в неиндексированных территориях Квазара, заводя знакомства с рыскающими там отбросами, на которых общество поставило крест. Людям, получившим статус содомита, модифицировали точку сборки таким образом, чтобы они не могли вернуться в цивилизованные части Квазара. В случае нарушения территориальных границ Подпространства запускались интегрированные в точку сборки протоколы, разрушая необходимые для существования связи, превращая содомита в призрака. Сохранялись лишь ядра личности, но и те медленно угасали, потому что после распада ТС нарушалась связь

с оставленным в Размерности телом.

В те дни Легре познакомился с бывшим адептом террористической организации «Мункара и Накира», давно ставшей неофициальной властью второго уровня реальности. Адепта звали Мьюз, и он долго отказывался признаваться, за какую провинность последователи Малика вышвырнули его за борт своего мира.

Неиндексированные территории Квазара были рассадником убийц, маньяков и прочих криминальных личностей, не вписывающихся в современный мир. Их высылали из цивилизованной части Подпространства, лишая возможности вернуться. Легре не знал, присвоила ему Иерархия статус содомита или нет, но проверить не решился, считая свой проступок достаточно серьезным, чтобы оказаться вне закона.

Что касается Мьюза, то он, несмотря на то, что не считал себя содомитом, тоже не спешил покидать неиндексированные территории Квазара, полагая, что здесь находится в большей безопасности. Из разговоров Легре понял, что бывший адепт боится не только последователей «Мункара и Накира», но и хранителей Всемирной иерархии. Еще он не исключал возможности, что за ним начнут охоту независимые конторы Размерности, желая получить сохранившиеся в его голове сведения.

– Что за сведения? – спросил Легре, но получил ответ лишь годы спустя, когда в лаборатории акеми, куда их занесла судьба, группа ученых определила, что Мьюз был сосудом для предводителя адептов по имени Малик, принимая участие в процедуре Ан-Наби.

– Никогда не видел живых представителей Ан-Наби, – признался один из акеми.

Преследовавшая Легре и Мьюза группа содомитов пыталась взять лабораторию акеми штурмом, но алхимиков Квазара мало заботили бесплодные потуги горстки преступников и психопатов. Защитные системы лаборатории могли выдержать практически любую атаку. Неиндексированные территории Квазара изначально предполагали высокий уровень опасности, так что каждый, кто уходил в андеграунд, приняв решение выйти из системы двухуровневого мира, понимал, что нужно в первую очередь создать охранный комплекс, а затем думать о работе и исследованиях.

В неиндексированных территориях обычно, кроме лабораторий акеми, создавались тренировочные лагеря адептов «Мункара и Накира». Впрочем, последних Легре и его другу удавалось избегать, потому что Мьюз обладал каким-то

протоколом, интегрированным в ядра личности, позволявшим разгадывать ловушку адептов на уровне системного кода Подпространства.

– Думаю, это не единственная способность вашего друга, – сказал акеми по имени Ор-Дже.

– Что это значит? – удивился Легре, привыкший со времен работы на Иерархию не доверять акеми.

– Ядра личности Мьюза изменены так сильно, что мы не можем проследить связь его сознания с оставленным в материальном мире телом.

– Хотите сказать, что Иерархия присвоила ему статус содомита?

– Боюсь, здесь немного другой уровень программирования.

– Кто тогда? Адепты?

– Вы знаете представителей «Мункара и Накира», которые работают с изменением базовых ядер личности?

Вопрос был риторическим, поэтому Легре вместо ответа попросил акеми озвучить свои предположения.

– Ученые Энрофы, – не задумываясь сказал Ор-Дже.

– Откуда такая уверенность? Почему, допустим, это не могут быть акеми? – подозрительно нахмурился Легре.

– Ученые Энрофы ушли намного дальше в сфере взлома точки сборки и подмены ядер личности.

– Я слышал, что акеми близки к тому, чтобы научиться перепрограммировать ТС, подменяя внешний образ перенесенного в Подпространство сознания.

– Думаю, если бы ученые Энрофы ставили перед собой задачу взлома ТС, то давно решили бы эту проблему, – тяжело вздохнул Ор-Дже.

– Кто не хочет войти в историю, взломав код протоколов точки сборки?! – скривился бывший клирик.

– Ты мыслишь шаблонами и догмами, служитель Иерархии. Энрофа – это не группа ученых, а отдельный мир, выпадающий из рамок КвазаРазмерности. Их лаборатории созданы на системных слоях Подпространства и исключают взаимодействие с законами трехмерного времени. Подходы программирования Энрофы затрагивают схемы жизнеустройства, все время находясь на передовой линии развития науки. Вы, как бывший клирик, очевидно, считаете, что главное достижение ученых Энрофы – это создание гасителя резонансов, благодаря которому стало возможно создавать в трехмерном времени Подпространства миры, подобные Квазару, но это далеко не единственная разработка ученых Энрофы. – Ор-Дже выдержал паузу, изучая новый отчет касательно базовых ядер личности

бывшего адепта. – Думаю, можно с уверенностью сказать, что ваш друг не только принимал участие в процедуре Ан-Наби, но и успешно завершил ее.

– Что это значит? – спросил Легре, окончательно сбитый с толку.

– Полагаю, мой коллега хочет сказать, что ваш друг – это в каком-то роде завершенная реинкарнация давно почившего Малика, прославленного лидера «Мункара и Накира», – вмешался в разговор второй акеми по имени Фей-До. – Процедура Ан-Наби, конечно, прошла не совсем так, как планировалось, иначе бы Мьюза не было сейчас здесь, но…

– Что «но»? – поторопил Легре акеми.

– Мы не смогли разобраться в деталях, но, судя по базовым протоколам, к которым удалось получить доступ, ученые, модифицировавшие ядра личности Мьюза, использовали экспериментальные технологии, что позволило поглотить копированные ядра личности предводителя адептов…

– То есть вы хотите сказать, что кто-то украл у «Мункара и Накира» личность их лидера? – не выдержал Легре.

Акеми переглянулись и осторожно кивнули. Бывший клирик выругался на диалекте коренного жителя Размерности, поставив ученых в тупик непонятным потоком бранных слов.

– Думаем, сейчас личность Малика находится под полным контролем основных ядер личности Мьюза и переживать по этому поводу не стоит, – сказал Ор-Дже.

– Также мы не обнаружили протоколов слежения и прочих систем, способных вывести адептов на вора, – добавил Фей-До. – Признаться честно, мы проверили это еще до того, как предоставили вам убежище от содомитов. – Он замялся на мгновение, затем решил продолжить: – Если бы не особенность модифицированных ядер личности Мьюза, то мы вообще бы не обратили на вас внимания, предоставив самим разбираться с преследователями.

Легре промолчал, не понимая, какого ответа от него ждут акеми. Повисла тяжелая пауза, прервать которую бывший клирик решил, задав вопрос о том, кто мог модифицировать ядра личности Мьюза.

– Ученые Энрофы, – ответили в один голос Ор-Дже и Фей-До. – Только им под силу подобное, – акеми переглянулись, пытаясь решить, кто продолжит говорить.

– Пока рано делать выводы, но если вы дадите нам возможность провести ряд экспериментов с личностью Мьюза… – начал было Ор-Дже, но Легре прервал его, нетерпеливо взмахнув рукой.

– Почему вы спрашиваете меня об этом? – спросил бывший клирик. – Жизнь Мьюза не принадлежит мне.

– Но мы думали… – Акеми снова переглянулись.

– То, что я служил Всемирной иерархии, ничего не меняет, – заявил Легре.

– Дело не в этом, – сказал Фей-До. – Просто в точке сборки Мьюза заложен протокол контроля, корни которого, мы уверены, уходят к ядрам личности.

– И что это значит?

– Кто-то управляет им, – произнесли ученые Квазара в один голос.

– И вы решили, что это я? – Легре притворно рассмеялся. – Это не так. В неиндексированных землях сложно выжить в одиночку. Поэтому мы объединились. Ничего другого… – бывший клирик нахмурился. – Думаете, этот протокол контроля может принадлежать адептам?

– Нет. Будь оно так, то мы бы не стали рисковать, пуская вас в свою лабораторию.

– Но почему тогда представители «Мункара и Накира» не заметили этого?

– Протокол мог активироваться после завершения процедуры Ан-Наби, – сказал Фей-До. – Если рассматривать Мьюза как шпиона Энрофы, то это многое объясняет. Вот только никогда прежде не слышал, чтобы ученые Энрофы решались переходить дорогу адептам «Мункара и Накира», тем более на таком уровне.

– А что если просто никогда не удавалось поймать шпионов Энрофы? – оживился Ор-Дже. – Всем известно, какая сложная система защиты их мира. Ходят слухи, что Иерархия наняла группу акеми, чтобы проникнуть в лаборатории Энрофы, выкрав основные информационные протоколы местных ученых с целью внедрить их добровольцам из клириков, которые смогут создать собственный отдел разработчиков Энрофы… И все знают, что ни один акеми не смог взломать защитный код мира, а каждая попытка проникнуть в их ряды заканчивается провалом, так как ученые Энрофы работают в альтернативных мирах с использованием модернизированной точки сборки, что дает возможность хранить накопленные знания в отдельных ядрах, уничтожая их после того, как шпион покидает затерявшийся в системных слоях Подпространства исследовательский центр Энрофы… – Акеми не собирался молчать, но, заметив вошедшего Мьюза, прикусил язык.

Бывший адепт преодолел созданную из энергии стену, нарушая все законы существования Квазара.

– Я не позволю вам проводить надо мной опыты, – сказал он,

обращаясь к акеми.

Установленные в ядра личности защитные протоколы сканировали окружающую среду помимо воли Мьюза, меняя его восприятия в соответствии с обстоятельствами. Он чувствовал, как мировоззрения переворачиваются с ног на голову. Уничтожить противников, вернуться в мир Энрофы, доставив местным ученым украденную личность Малика. Вот только кого считать противником? Мьюз так много времени провел рядом с бывшим клириком, не раз спасая друг другу жизнь, что часть прежнего сознания отказывалась видеть в нем врага.

– Беги, – приказал он Легре, преобразуя стены лаборатории акеми.

Что касается самих акеми, то к ним жалости не было. Мьюз не знал, как у него это получается, но энергия, из которой был построен мир Квазара, стала пластичной, подчиняющейся силе мысли. Внедренные в ядра личности протоколы действовали на субуровне системного кода Подпространства, превращая мир энергии в иллюзию. Отступившие от лаборатории содомиты увидели, как неприступные стены становятся прозрачными, и недоверчиво замерли. Затем в сознания безумцев полились информационные протоколы, направленные Мьюзом, чтобы акеми лишились защиты.

– Нет, ты не посмеешь! – не поверил в происходящее Фей-До, наблюдая, как содомиты, пострадавшие чуть ранее от защитных систем акеми, осторожно приближались к лаборатории.

– Мы никому не расскажем, – попытался торговаться с Мьюзом Ор-Дже.

Агент Энрофы даже не взглянул в сторону алхимика Квазара.

– Мы ведь спасли вас! – разозлился Фей-До.

– Энрофе не нужны свидетели, – произнес Мьюз нараспев, словно читал мантру, затем повернулся к Легре и приказал бежать, формируя для него коридор из энергетических стен, защищающих от содомитов. – Беги! – взревел Мьюз, увидев сомнения на лице бывшего клирика.

Невидимая сила ударила Легре в спину, заставляя двигаться. Акеми попытались спастись, следуя за бывшим клириком, но энергетические стены перестроились, преграждая им путь. Легре услышал крики Ор-Дже и Фей-До, когда на них набросились содомиты, но обернуться не осмелился. Он скрылся в неиндексированных территориях Квазара, решив, что настало время вернуться на территорию бывшей базы «Виадос-12».

Что касается Мьюза, то он еще долго скитался по неиндексированным территориям Квазара, не решаясь вернуться в исследовательские центры Энрофы. С одной стороны,

защитные протоколы активировали информационные ядра, подтверждавшие догадку акеми о его причастности к миру Энрофы, но с другой, многие вопросы оказались недоступными для понимания. Самым главным из них был факт кражи у адептов личности Малика. Зачем ученым Энрофы переходить дорогу своим союзникам? Ведь «Мункара и Накира» всегда поддерживала молодой мир, пользуясь услугами центров Энрофы, отвечающих за клонирование. К тому же повсюду действовали открытые Энрофой незаконные терминалы переходов, позволявшие перемещаться в двухуровневом мире, избегая контроля Всемирной иерархии.

«Что если информационные ядра моего сознания восстановились неполностью?» – размышлял Мьюз, потому что каждый день обнаруживал, что вспомнил что-то новое.

Он не выбирал дороги – считал, что передвигается по Квазару не имея цели, но однажды оказался у оставленного под защитой протоколов куба переносов, способного доставить его в цивилизованные части Квазара. Понимание процесса управления кубом, используя точки энергетической сцепки для передвижения, появилось сразу, как только Мьюз приблизился к транспорту Подпространства. Защитные системы прочитали ключи ядер сознания и открыли доступ на площадку куба. Адресов новых точек энергетической сцепки для остановки после прыжка не было, но агент Энрофы не сомневался, что ответ найдется в процессе.

Из установленного в центре шестигранника вырвались тонкие нити-лучи, зацепившись за ТЭС, стягивая пространство Квазара, чтобы набрать необходимую для прыжка энергию. Затем протоколы блокировки обнулились, швырнув куб в направлении цивилизованных территорий. Восприятия мира нарушились, принося хаос. Сложно было даже думать. Точка сборки, необходимая для существования в Квазаре, сбоила так сильно, что Мьюз в какой-то момент счел это за процедуру распада, решив, что за время скитаний его объявили содомитом, запретив возвращение. Неясно было только, как ему смогли внести необходимые для саморазрушения протоколы в ТС, но это уже был другой вопрос, над которым в свете последних событий можно было не задумываться – вокруг происходили более странные вещи. Взять хотя бы навыки управления кубом или способность переписывать системный код Квазара, отвечающий за строения в мире Подпространства.

Покинув неиндексированные территории, Мьюз бросил куб на окраинах жилого комплекса Galeus longirostris, отраженного на энергетических слоях Подпространства, и добрался

при помощи внутренней транспортной сети пульсар до маяка, расположенного вблизи терминала переходов. Новые способности придавали уверенности, но угрозу в лице адептов «Мункара и Накира» никто не отменял. Вопрос лишь в том, смогут или нет они вычислить предателя, вернувшегося в цивилизованные территории Квазара, учитывая, что его ядра личности модернизированы так сильно, что превратили его практически в бога, способного менять сотканный из энергии мир, не говоря уже о поглощенной личности Малика. Впрочем, последнее было скорее не личностью, а точной копией доступных для сканирования ядер сознания давно почившего лидера адептов. Именно эти знания записывали поверх личности специально подготовленных добровольцев во время процедуры Ан-Наби.

Сейчас, вспоминая дни своего добровольного отречения от жизни ради условной реинкарнации лидера «Мункара и Накира», Мьюз не сомневался, что поступил верно, предав адептов, но почему и зачем это сделал – не знал. Ответы были, казалось, перед самым носом, нужно было лишь сосредоточиться, и они всплывут в памяти, но каждый раз, как только агент Энрофы пытался сделать это, удавалось заметить лишь тень, призрака. Все остальное скрывалось за дымовой завесой искусственных ядер воспоминаний, созданных для того, чтобы адепты не смогли ничего заподозрить, принимая агента Энрофы в члены Ан-Наби.

Мьюз знал, что не был единственным, кого заслали в организацию «Мункара и Накира» с целью похитить копию личности Малика, – понимание этого приходило на подсознательном уровне. Вообще большинство мироощущений были какими-то инстинктивными, мешая сосредоточиться и мыслить рационально, требуя беспрекословного подчинения, словно от этого зависит жизнь. Хотя, наверное, так оно и было. Замешкайся Мьюз в цивилизованной части Квазара, и адепты сели бы ему на хвост – тогда забудь о возвращении в мир Энрофы. Придется снова скрываться и выжидать, пока все не уляжется, как это было после похищения копии личности Малика. Если, конечно, адепты не доберутся до него прежде и не лишат жизни за предательство.

Мьюз добрался до терминала переходов, постоянно ожидая нападения. Он не знал, но чувствовал, что гонка с ищейками из «Мункара и Накира» идет на часы, возможно на минуты, начиная с момента, как он вернулся в цивилизованную часть Квазара. Адепты не прощают предательства, тем более на таком уровне. Неофициально, но мир считает их единственной властью

второго уровня реальности. Так что нужно срочно сваливать из недружелюбного Квазара в Размерность, где у руля стоят клирики Института всемирной иерархии, которым помогают блюсти закон верные хранители. Впрочем, верность хранителей была тоже весьма относительной величиной, учитывая ежегодные курсы коррекции сознания, проводимые над ними в стенах Иерархии.

Когда Мьюз вошел в искрящееся энергетическими всплесками здание терминала переходов, то женщина, работавшая там, спросила у него ключ перехода, необходимый для существования в Квазаре. Мьюз не знал, сохранился ли у него оригинальный ключ, который он получил, когда покинул Размерность, или его подменили адепты, приняв его в ряды добровольцев, готовых стать сосудом для сохраненного сознания Малика. Была еще вероятность того, что ученые Энрофы продумали и это, заложив в ядра личности протокол подмены ключа, после того, как Мьюз сбежал, завершив процедуру Ан-Наби полным поглощением личности Малика вместо слияния и последующего собственного обезличивания. Впрочем, отвечать на заданный женщиной вопрос было не нужно, потому что стоило ему войти, как системы уже начали сканировать его точку сборки, сверяя доступный ключ.

– Да, с ключом все в порядке, – сказала женщина, проверила доступный личный счет посетителя и его кредитоспособность, затем предложила подготовиться к процедуре перехода, напомнив, что сейчас будет лучше лечь на специально отведенную для этих целей площадку, потому что, вернувшись в Размерность, он обнаружит себя в физической оболочке, находящейся в капсуле терминала переходов первого уровня реальности. – Судя по результатам тестирования ключа, вы находитесь в Квазаре очень давно, поэтому возвращение в материальный мир может оказаться тяжелым. По крайней мере, придется заново привыкать к восприятиям реальности, – заботливо проинформировала женщина, активирую процедуру перехода.

Мьюз лег на указанную площадку и закрыл глаза. Чувства спутались. Мимолетный дискомфорт уступил место абсолютной пустоте, в которой застряло сознание, находясь в промежуточной стадии между реальностями двухуровневого мира. Затем Мьюз ощутил холод – абсолютный, нестерпимый. Это длилось несколько мгновений, когда разрывались последние связи с точкой сборки, необходимой для существования в Подпространстве. Потом реальность материального мира навалилась грузностью и непластичностью на физическую оболочку, в которую вернулось сознание.

Мьюз открыл глаза и жадно втянул в легкие воздух. Молодая девушка, работавшая в терминале переходов, задала ряд стандартных вопросов, проверяя связи ядер воспоминаний личности, после чего сообщила, что Мьюз может идти.

«Куда идти?» – растерянно подумал он, хотя вслух ничего не произнес.

Поднявшись, он неуклюже направился к выходу. Нейронный медицинский помощник исправно следил за телом, пока он находился в Квазаре, но после легкости точки сборки мира Подпространства земное притяжение Размерности казалось злейшим врагом. И пусть тело находилось в замечательной физической форме, а нейронные сети, опутавшие окруженные Великим ледником жилые комплексы, исправно поставляли необходимую для жизни энергию, перераспределяемую внутри тела посредством интегрированного жидкого чипа, отвыкнуть от эфемерности Квазара оказалась крайне сложно. Плюс ко всему напряжение усиливали обострившиеся инстинкты. Мьюз понимал, что за ним могут следить и бегство из Квазара не поставило точку в теме преследования. Адепты, скорее всего, узнали о том, что он появился в цивилизованной части Квазара, и теперь нет гарантии, что не пошлют силовиков за ним в Размерность. Конечно, здесь правят клирики, но…

«А что если адепты вообще не заметили моего бегства из Квазара? – попытался успокоить себя Мьюз. – Ведь если ученые Энрофы смогли модифицировать ядра моей личности, то разве им сложно было обойти протоколы слежения представителей «Мункара и Накира»! Да и в Размерности адепты всегда чужаки. За ними охотятся хранители, а местные люди опасаются, считая их, поддавшись пропаганде Института всемирной иерархии, террористами».

Мьюз замер, пытаясь определиться, что ему делать дальше. Где-то подсознательно он понимал, что Размерность – это промежуточная станция на пути к миру Энрофы, но как найти нужный терминал, способный доставить не в Квазар, а на субслои системного кода Подпространства? «Может быть, меня должен встретить какой-нибудь связной или нужно снова просто довериться инстинктам, как это было в случае управления кубом переносов?» – гадал Мьюз, бездумно продвигаясь по шумным улицам жилого комплекса Galeus longirostris.

Он не заметил, как добрался до станции общественного транспорта. Пропустил пару подошедших к перрону капсул, затем слился с толпой, зайдя в ту, что шла к окраинам комплекса. Обледеневший пневмотоннель казался знакомым. Даже нейронная реклама современных игровых проектов выглядела

узнаваемой, если не говорить о тех проектах, что были созданы после того, как сознание Мьюза подготовили для предстоящей миссии. Так, например, бесконечные нейронные потоки, вгрызавшиеся в сознание, касательно новой игровой площадки под названием «Мекка» были чужими и непонятными. А вот «Голод» и «Фивы» выглядели знакомыми. Специально отведенных для них информационных ядер памяти, кажется, не было, но общая информация имелась.

«Может быть, когда-то я тоже принимал участие в этих проектах?» – подумал Мьюз, наблюдая, как капсула общественного транспорта отходит от очередной станции. Он ждал внутреннего сигнала, знака, подсказавшего бы, на какой станции нужно выходить… Но знаков не было вплоть до конечной остановки.

«И что дальше?» – озадачился Мьюз, покинув капсулу общественного транспорта. Нейронные сети, подключившись к интегрированному жидкому чипу, информировали о возможных маршрутах и пунктах назначения с парой пересадок, куда можно добраться с той станции, где находился Мьюз. «Ладно, попробуем построить маршрут с учетом пересадок», – решил он, надеясь, что окончательно не запутается, сбившись с нужного направления.

Странно, но сделав шесть пересадок, основываясь на инстинктах и внутреннем голосе, Мьюз оказался там же, где и начинал, – на конечной станции промерзших окраин окруженного льдами жилого комплекса. Начинался вечер обычного будничного дня. Открылся ряд салонов, не работавших днем. Появились дополнительные рекламные потоки, напрягавшие нейронные сети. Один из них предлагал услуги терминала переходов, сертификаты которого выглядели крайне сомнительно. Мьюз не знал почему, но внимание заострилось именно на этом терминале. «Попробуем довериться инстинктам», – решил он, направляясь к сомнительному терминалу, получив вместе с нейронной рекламой информацию о маршруте.

На пороге его встретила угрюмая безволосая девушка. Она была высокой и очень худой, разговаривала с преобладанием выражений, свойственных коренным жителям Квазара. Проверив личный счет посетителя, девушка спросила, не нуждается ли он в постоянной медицинской помощи, так как нейронный медицинский помощник, согласно распоряжению Иерархии, не работает с телами, у которых извлечено сознание в обход официальной индексации жителей. О том, что терминал является незаконным, девушка не сказала, но Мьюз понял это и так.

– Не понравилось в Размерности? – спросила девушка, когда он забрался в капсулу, готовясь к переходу на второй уровень реальности.

– С чего вы взяли?

– Ну как же… Доступный мне информационный отчет о вашем пребывании в Размерности свидетельствует, что вы недавно покинули Квазар, пробыв там довольно долго… Правда, по вашему внешнему виду не скажешь, что вы коренной житель Подпространства, но…

Девушка замолчала, увидев, что Мьюз закрыл глаза, потеряв к разговору интерес.

«Если инстинкты подведут меня, то скоро вернусь», – хмуро подумал он.

Извлечение сознания прошло быстро, не вызывая дискомфорта, но затем, когда Мьюз решил, что сейчас очнется в Квазаре, восприятия обострились, заставив почувствовать вселенский холод, словно что-то пошло не так. Компенсатор резонансов считал рисунок ядер личности и перенастроил систему. Системы управления поместили извлеченное сознание в модернизированную точку сборку, созданную для существования на субслоях системного кода Подпространства, и направили в один из многочисленных исследовательских центров мира Энрофы.

– Добро пожаловать домой, – сказал Мьюзу наставник по имени Клуд.

Модифицированная точка сборки содержала необходимые для понимания информационные ядра, принадлежащие Мьюзу до того, как он покинул этот мир. Это были те самые недостающие элементы мозаики, которые тщетно пытался отыскать в своих воспоминаниях Мьюз после того, как акеми, желая превратить его в подопытную крысу, активировали протоколы защиты.

Вопросов не осталось. Нет, ученые Энрофы не собирались вступать в открытую конфронтацию с адептами «Мункара и Накира», похитив копию воспоминаний их почившего лидера, но личность Малика, украденная Мьюзом, была нужна клирикам, с которыми пришлось заключить неофициальный договор, в обмен на то, что Институт всемирной иерархии закроет глаза на исследования способностей нейропатов и разработку новых способов переходов в двухуровневой реальности без необходимости оставлять физическую оболочку в старых терминалах.

Но задание для Мьюза не закончилось на этом. Поглощенная копия ядер воспоминаний Малика стала частью его собственной

личности. Пусть ученым Энрофы удалось модифицировать сознание своего шпиона таким образом, что, пройдя процедуру Ан-Наби, он смог подавить постороннюю личность, но как извлечь поглощенные ядра, пока оставалось загадкой. Поэтому Мьюз стал частью сделки, носителем необходимой клирикам информации о тайнах адептов.

Он покинул мир Энрофы, став осведомителем Всемирной иерархии. К нему был приставлен хранитель по имени Тенш, превратившийся в его тень. Вначале это выводило Мьюза из себя, но затем он примирился и даже подружился с представителем клириков. К тому же в мире Энрофы, в отличие от Квазара, никогда не было стереотипов касательно представителей других культур и уровней реальности. Да и сами клирики вели себя достойно, используя знания поглощенной личности Малика исключительно в целях защиты от адептов, вытеснявших Всемирную иерархию с территорий Квазара.

Модифицированный учеными Энрофы жидкий чип обеспечивал доступ к ядрам памяти Малика в любое время, вот только Мьюзу нравилось копаться в чужих воспоминаниях с каждым годом все меньше и меньше. Да и не было в тех воспоминаниях ничего достойного внимания, словно, делая слепок сознания, ученые времен жизни реального Малика поставили целью сохранить как можно больше самого плохого.

Тенш рассказал агенту Энрофы, что адепты скрыли факт кражи и возобновили процедуру Ан-Наби, загрузив новому добровольцу резервную копию слепка сознания Малика. Причину повторения процедуры они объяснили несчастным случаем с прежним сосудом, намекнув, что инцидент произошел не без участия противников «Мункара и Накира».

– Знаешь, а ведь действительно есть много людей, готовых пожертвовать свою жизнь, чтобы у адептов появилась реинкарнация бессмертного лидера, – сказал Мьюз, когда Тенш выразил сомнения касательно добровольного превращения участников Ан-Наби в сосуды для интеграции копий ядер сознания Малика.

– Скажи еще, адепты – это не бич КвазаРазмерности, – скривился хранитель.

– Скажу, что мир давно разделился на несколько реальностей, и то, что хорошо в одной, в другой совершенно неприемлемо.

– Не обижайся, но вы, представители Энрофы, всегда были бесхребетными либералами, которые держатся наплаву благодаря своим разработкам. Но поверь мне, стоит вам зазеваться на пару лет, утратив первенство открытий в сферах переноса сознания

и переходов между мирами энергии и материи, как вас тут же затопчут те, кого вы считаете союзниками, – Тенш улыбнулся, показывая, что не имеет ничего против своего подопечного.

– Во-первых, представители Энрофы самодостаточны и никого не считают союзниками. У них есть только деловые партнеры, которым они продают технологии. Во-вторых, не думаю, что теперь уместно называть меня одним из них.

– Почему? Разве, вернувшись к ним, ты не получишь свою прежнюю точку сборки? – удивился хранитель. – Я не очень разбираюсь в деталях, но разве часть ваших навыков, знаний и убеждений не хранится в ядрах личной ТС, гарантируя, что вы не сможете продать накопленные сведения, покинув мир Энрофы?

– Даже если и так, то сомневаюсь, что я смогу вернуться, прожив в Институте всемирной иерархии несколько лет. Нет гарантии, что меня не подвергнут коррекции, превратив в двойного агента.

– Так ты думаешь, что не сможешь вернуться?

– Думаю, что теперь в этом нет смысла. Я превращусь в мире Энрофы в изгоя. Лучше уж податься в Квазар после того, как вы найдете способ извлечь ядра воспоминай Малика из моей личности.

– Ты ведь понимаешь, что тебя не отпустят, не подвергнув серьезной коррекции.

– Я не боюсь коррекции. Вы уничтожите ядра воспоминаний, отвечающие за годы моего сотрудничества с клириками, плюс, скорее всего, период, когда я был агентом Энрофы и внедрился к адептам. Что-то все равно останется. Поверь мне, без всех этих интриг можно жить. Когда я только сбежал от адептов и заложенные на уровне протоколов инстинкты заставляли меня скрываться, заметая следы, то я знал о себе не больше, чем буду знать после процедуры коррекции воспоминаний. Поглощение сознания Малика потребовало немалых жертв… Я встретил бывшего клирика, и вместе с ним мы скитались по неиндексированным территориям Квазара. Было неплохо. Сейчас я вспоминаю те времена с улыбкой и буду не против все повторить.

– Бывший клирик, говоришь? – недоверчиво прищурился хранитель.

Он был высоким и стройным, напоминая коренного обитателя Квазара, который не забывал, в отличие от большинства жителей Подпространства, следить за своей материальной оболочкой. Если бы не преклонный возраст, то Мьюз счел бы нового друга пижоном… Да, как ни странно, но именно друга.

Сначала они вели себя настороженно друг с другом. Затем постоянно спорили, не соглашаясь абсолютно во всем, пусть даже иногда это было исключительно ради принципа. В конце концов они устали от пререканий и начали осторожно соглашаться с некоторыми суждениями оппонента: сначала исключительно в мыслях, боясь проронить неосторожное слово, но в итоге в голову закралось подозрение, что у них очень много общего. Особенно во взглядах на КвазаРазмерность. Если бы не огромная разница в возрасте – Тенш был старше Мьюза почти втрое, – то их дружба обозначилась бы гораздо раньше, а так… Так открытое проявление дружеских чувств созревало еще несколько лет, пока Мьюз не разрушил последнее препятствие, последний стереотип, стоявший между ними – отрекся от мира Энрофы и подал официальное прошение в Институт всемирной иерархии позволить ему пройти обучение и стать хранителем.

Предупреждение о необходимой процедуре корректировки сознания не остановило бывшего агента Энрофы, а, учитывая его опыт и модифицированные ядра личности, позволявшие действовать в Квазаре, обходя большинство созданных акеми запретов и защитных систем, превращали положительный ответ клириков в решенное дело. Мьюз в роли хранителя мог принести Иерархии намного больше пользы, чем Мьюз в роли представителя Энрофы, личность которого обладала всеми доступными лидеру адептов знаниями. Последней загвоздкой была необходимость оберегать полученное немалой ценой сознание Малика, но клирики, к удивлению Тенша, заверявшего Мьюза, что Иерархия никогда не сделает его хранителем, решили, что пользы в полевых условиях от Мьюза может быть в десятки раз больше, чем сейчас. Главное – обеспечить новому хранителю хорошую защиту, хотя, учитывая его собственные способности, в Квазаре мало кто сможет причинить ему вред, а в Размерности его всегда прикроют обученные для этого хранители, навыки которых уступают адептам лишь в мире Подпространства.

Единственное условие, которое поставил перед клириками Мьюз, – это то, что его способности никогда не будут использовать против центров Энрофы. Договор, конечно, был условным, так как во время курса коррекции сознания ему могли просто стереть воспоминание об этом, но, как бы там ни было, за последующие годы работы Мьюз ни разу не участвовал в рейдах хранителей, закрывавших незаконные репродукционные центры, уничтожая клонов и ликвидируя терминалы переходов. Что касается Подпространства, то там лаборатории Энрофы, объединенные в сеть, постоянно меняя локацию, оставались неуловимы даже для способностей Мьюза.

Технологии программирования на субслоях системного кода ушли вперед на годы, а возможно, на поколения.

Единственное, что беспокоило клириков, – это развитие Энрофой технологий переходов в двухуровневом мире без использования терминалов, которым Иерархия неофициально дала зеленый свет в обмен на копию ядер памяти Малика. Еще одной больной темой было появление нейропатов – людей, способных проникать в мысли других посредством использования нейронных сетей. Детей с дремлющими способностями нейропатов появлялось все больше, и клирикам нужно было сделать официальное заявление, чтобы сказать жителям Размерности, как Институт всемирной иерархии относится к людям новой волны. Особую настороженность клириков вызывал тот факт, что нейропатами активно интересовались ученые Энрофы. Клирики создали неофициально целый аналитический отдел, где сторонние эксперты пытались выявить варианты развития общества с нейропатами, а также возможность продуктивного использования новых людей.

Желая доказать, что не зря получают колоссальные суммы единиц Влияния, вливаемые Иерархией в проект, аналитики придумывали одну фантастическую теорию за другой. Впрочем, пользы от этого клирикам было мало, так как в реальности ни один из аналитиков не смог объединить нейропатов с программированием на субслоях системного кода Подпространства, где новые люди чувствовали себя как рыба в воде. Подобная среда программирования мало интересовала Иерархию, так как не имела отношения к миру КвазаРазмерности – еще одно ошибочное заключение, сделанное тайным аналитическим отделом Иерархии, благодаря чему клирики долгое время будут закрывать глаза на деятельность Энрофы.

Понимание ситуации произойдет после того, как тесты на наличие способностей нейропата обнаружат новое поколение детей, способности которых значительно сильнее, чем у предшественников. Их назовут нейропатами новой волны, и, пока клирики будут разбираться в причинах и следствиях, ученые Энрофы начнут привлекать новых нейропатов в проекты создания переходов в двухуровневом мире без использования терминалов.

Процедура была экспериментальной, но в случае успеха обещала совершить переворот с использованием незадействованных прежде субслоев подпространства. Необходимый набор протоколов и дополнений планировалось поместить в интегрируемые от рождения жидкие чипы,

что позволяло активировать новую систему переходов в удобное для пользователя время и в любом месте. Еще одной катастрофой для Всемирной иерархии было то, что тела, помещаемые в старых терминалах в специальные капсулы, позволяли вести хоть какой-то учет, а в новом варианте терминалов переходили в пограничное состояние, находясь вне мира КвазаРазмерности.

Едва созданный клириками аналитический отдел получил подобную информацию, как тут же начал клепать дюжины отчетов о том, как возрастет уровень преступности после запуска новых технологий переходов в массовое производство. Группа специалистов объединила усилия, разрабатывая последствия новых технологий, которые позволят адептам «Мункара и Накира» действовать безнаказанно не только в Квазаре, но и культивировать свое влияния в материальном мире Размерности. Клирики изучили отчет и забили в колокола, решив помешать ученым Энрофы привести двухуровневый мир к краху, потому что Институт всемирной иерархии, по мнению клириков, был единственно возможной формой правления в современном мире. К тому же, обладая монополией на производство и использование генераторов, обеспечивающих жилые комплексы необходимой для существования энергией, Иерархия считала, что держит руку на пульсе жизни.

На закрытом заседании – впрочем, все серьезные заседания клириков были закрыты для общественности – постановили возобновить давление на центры Энрофы. Договор, достигнутый, когда клирикам передали личность Малика, был нарушен. Главной заслугой Энрофы перед современным обществом был гаситель резонансов, который позволил совместить линейность материального мира с трехмерным временем Подпространства, где в бесконечных резонансах отражена история человечества, изучением которой раньше занимались хронографы, жившие в эпоху до того, как был изобретен компенсатор резонансов, позволивший людям из разных временных отрезков материального мира пересекаться в одной точке Подпространства, компенсируя постоянно изменяющийся резонанс линейности.

Уже не одно поколение клирики вели разработки, способные заменить гаситель резонансов Энрофы, чтобы прибрать к рукам следом за генераторами и терминалы переходов, но особенных успехов добиться не удавалось, хотя решение всегда казалось близким. Да и люди уже привыкли к устоявшемуся положению вещей. Гаситель резонансов Энрофы стал частью современного мира, и подавляющий процент аналитиков, проводивших исследования общественного мнения, не выявил в изобретениях

Энрофы опасности для власти клириков в Размерности. Но так было, пока не появились нейропаты новой волны и возможность создания новых терминалов. И если с нейропатами аналитики нашли выход – использовать способности новых людей в своих целях, создав еще один аналитический отдел из нейропатов, воспитанных в стенах Иерархии с детства, – то новые терминалы не вписывались в видение мира клириками.

Так зеленый свет, некогда неофициально данный Всемирной иерархией ученым Энрофы, превратился в красный. Хранители, обходившие стороной исследовательские центры Энрофы, созданные в Размерности, начали закрывать их один за другим, ссылаясь на ряд нарушений – реальных и нет, – заставляя ученых снова уйти в подполье.

В дни, когда начались гонения на ученых Энрофы, Мьюз из молодого хранителя уже превратился в старика, каким был когда-то ныне покойный Тенш – его единственный настоящий друг в стенах Института всемирной иерархии. С другими как-то не заладилось. Одни хранители, с которыми работал Мьюз, боялись его сверхспособностей, позволявших менять мир Квазара, другие не доверяли, считая, что не бывает бывших шпионов или что если он смог предать Энрофу, то рано или поздно предаст и клириков. Встречались и те, кто просто был других с ним взглядов. С ними обычно и работал Мьюз.

Его способности долгое время держались в тайне, его готовили к серьезной операции, но затем клирики решили, что Энрофа, в свете появившихся разногласий, может продать технологии модернизации ядер личности адептам, что сделает противостояние с ними хранителей невозможным. Поэтому ускоренными темпами начались разработки модернизированного системного когда Квазара, чтобы устранить выявленные благодаря Мьюзу просчеты в системах защиты.

Доступные копии ядер воспоминаний лидера адептов, поглощенные личностью Мьюза, потеряли актуальность. Клирики крайне редко вспоминали о лидере «Мункара и Накира» и еще реже могли использовать доступные бывшему агенту Энрофы знания во благо Иерархии. Мьюз превратился в рядового хранителя с выдающимися способностями, которые больше пугали клириков, чем вселяли надежду применить их с выгодой. Так что проекты, где в основном после смерти Тенша задействовался бывший агент Энрофы, были связаны с модернизацией новых систем защиты Квазара.

О том, что клирики нарушили договор с Энрофой, Мьюз узнал от болтливых резонансных инженеров, занимавшихся разработкой новой системы защиты Квазара – проект,

развивавшийся ни шатко ни валко, пока Иерархия не вступила в открытую конфронтацию с Энрофой. Теперь разработка защитных систем стала приоритетной. Небольшой отдел исследователей разросся, персонал увеличился. Клирики закрыли проект модернизации находившихся в Подпространстве центров отправлений, которые доставляли с помощью кольца переносов извлеченные сознания жителей КвазаРазмерности из одного жилого комплекса в другой, где они использовали на время пребывания тела клонов.

Задача, поставленная перед группой ученых и контролирующими их работу хранителями, была предельно ясной – устранить дыры в системах защиты в кратчайшие сроки, учитывая обострившиеся отношения с учеными Энрофы. Мьюз окончательно превратился в подопытного кролика, тестируя каждую новую разработку, какой бы глупой и безнадежной она ни была. Но все усилия упирались либо в необходимость кардинального пересмотра системного кода петли Квазар, либо в создание дополнительного центра фильтрации помех, блокировавшего измененные личности. Причем каждое решение было практически одинаково невыполнимо, так как требовало радикальных перемен, а сроки реализации превышали десятилетия. Квазар строился и совершенствовался на протяжении столетий, и невозможно было изменить его, щелкнув пальцами.

Последние пробные запуски программа по блокировке сверхспособностей Мьюза проводились уже не в Квазаре, а в крошечной альтернативной петле, где временные резонансы Подпространства соответствовали резонансам Квазара. Отчаявшиеся добиться успеха ученые хмуро отмечали, что глупо бороться с разработками Энрофы, пока в базе системного кода лежат разработки этого мира – гаситель резонансов и связанные с этим протоколы управления.

– Мы не можем сдаться, – сказал молодой клирик по имени Один. – Не сейчас. Влияние Иерархии в КвазаРазмерности падает. Адепты «Мункара и Накира», акеми, ученые Энрофы и даже нейронные инженеры материального мира чувствуют нашу слабость и стремятся расшатать устоявшуюся систему. Поэтому настало время решительных мер. Если мы отступимся, то мир рухнет…

Он появился, желая подбодрить резонансных инженеров, но ученые воспринимали его слова как дешевую пропаганду, переставшую трогать образованных людей. Жители Квазара давно повернулись к Иерархии спиной, независимые финансисты вовсю пытались положить конец монополии клириков на использование

генераторов, преобразовывающих холод в энергию, и даже среди рядовых обывателей Размерности множилась если не антипатия, то безразличие уж точно.

Клирик либо действительно не замечал, что его присутствие в центре только накаляет и без того нервозную обстановку, помноженную на усталость и раздражение от ряда неудач, либо получил приказ оставаться с учеными, пока они не добьются результатов. Мьюз наблюдал за молодым клириком, в очередной раз убеждаясь, что служители Иерархии, проиграв гонку за разработками технологий, превзошли всех в искусстве самодурства.

Выбрав удобный момент, Мьюз на правах старшего попытался поговорить с молодым клириком, объяснив, что некоторые задачи бывают просто неосуществимы и не стоит давить на людей, заставляя их прыгнуть выше головы.

– Но ведь ученые Энрофы смогли модифицировать ядра вашей личности, значит, и нашим ученым это под силу, – возразил Один.

– Ученые Энрофы занимаются программированием на субслоях системного кода Подпространства уже не одно столетие, а вы хотите, чтобы группа резонансных инженеров решила за пару дней то, на что у других ушли века?

– Как-то так… – смутился клирик и рассказал об экспериментах ученых Энрофы, связанных с созданием терминалов нового образца. – Если мы потеряем контроль за перемещениями людей в КвазаРазмерности, то это сильно ударит по имиджу Института всемирной иерархии.

– Большая часть переходов уже сегодня осуществляется посредством запрещенных терминалов.

– И что вы предлагаете, окончательно потерять контроль? К тому же мир Энрофы подозревается в появлении нейропатов второй волны. Не мне вам говорить о том, что происходит с людьми, страдающими этим недугом.

– Я слышал, что Иерархия готовит проект по созданию аналитического отдела, где будут использоваться способности нейропатов.

– Это крайняя мера…

Их разговор длился больше часа, но к согласию они так и не пришли – долгая, бессмысленная трата времени. Нечто подобное ждало и проект по созданию новых систем защиты Квазара. Проект после того, как его возглавил Один, просуществовал больше года, затем отдел был расформирован, а сотрудников отписали другим конторам Иерархии. О неудаче предпочитали не говорить, решив, что успех ученых Энрофы,

модифицировавших ядра личности Мьюза так, что он смог менять системный код Квазара, был случайностью и повторно добиться успеха не сможет никто.

Однако тень, положившая начало новой конфронтации клириков с учеными Энрофы, мелькала во всех начинаниях Иерархии. Чем бы они ни занимались, казалось, все напрямую или косвенно связано с неофициальной конфронтацией.

– Словно адептов нам было мало, – ворчали старые хранители, одним из которых был Мьюз.

В отличие от других институтов, Всемирная иерархия не предусматривала выход сотрудников на пенсию. Даже дряхлые старики обеспечивались работой и продолжали приносить организации пользу. Конечно, престарелые хранители не использовались в оперативной деятельности, но их знания как аналитиков и координаторов могли пригодиться. За долгие годы службы они стали профессионалами и ходячими кладезями знаний и навыков, которые не сможет предоставить ни одна учебная программа, заливаемая в сознание посредством замещения ядер памяти.

Долгое время Мьюза держали в проекте, посвященном анализу деятельности адептов в Размерности, затем, словно забыв о его прошлом, перевели в группу аналитиков, в обязанности которых входило наблюдение за развитием проекта ученых Энрофы, связанного с разработками терминалов переходов нового образца. Впрочем, перевод мог быть обусловлен нехваткой специалистов или наоборот – осознанным риском, так как бывший агент Энрофы должен был разбираться в этом мире лучше других.

Мьюз счел перевод проявлением доверия и долгое время работал на пределе своих возможностей. В этом же отделе проводились параллельные разработки терминала переходов, созданного резонансными инженерами Всемирной иерархии, – затея бесполезная, но в нее было вложено уже слишком много, чтобы просто свернуть проект. Так что ученые всеми правдами и неправдами стремились изобрести хоть что-то, пусть в базе и будут лежать разработки Энрофы – под конец отчаявшиеся инженеры в открытую копировали идеи конкурентов.

Потеряв надежду внедрить своего агента в мир Энрофы, клирики начали привлекать акеми – ученых Квазара, которых аналитики Иерархии считали прародителями Энрофы, что стало очередной ошибкой коренных жителей материального мира, привыкших искать повсюду причины и следствия. В Квазаре понятия строились чуть иначе. Эфемерный мир накладывал отпечаток на сознания людей. Так что большинство возрастных

хранителей, особенно тех, что работали долгое время в Подпространстве, поставили на успехах акеми крест еще до того, как алхимики Квазара приступили к работе.

В результате отдел по разработке альтернативного терминала переходов расформировали, отправив акеми разрабатывать возможность внедрения шпионов в мир Энрофы. Часть хранителей попала в офисы Всемирной иерархии, часть была отправлена в соседние жилые комплексы. В основном клирики желали укрепить свое влияние в развивающемся комплексе Isistius labialis, долгое время находившемся под угрозой консервации в целях сохранения энергии. Но теракт, унесший жизни девяноста процентов жителей, остался в прошлом. Сейчас в Isistius labialis развивалось множество игровых проектов и тестировались нейронные сети седьмого поколения, обещавшие в разы сократить потребление энергии без ограничения доступных возможностей.

Еще одним плюсом использования старых хранителей в соседних жилых комплексах был тот факт, что после перехода представитель Иерархии получал тело клона, и никто не мог понять, что он находится в преклонном возрасте. Долгое время за тела клонов для хранителей и клириков отвечали центры Энрофы, но Иерархия активно развивала программы клонирования в собственных репродукционных центрах. Так что после неофициального конфликта с представителями Энрофы клирики отказались от их клонов, опасаясь скрытых систем прослушки и слежения, которые можно было установить в телах, полученных после перехода в другой жилой комплекс.

Несколько лет Мьюз отработал в Isistius labialis, контролируя разработчиков, занимавшихся созданием нейронных сетей нового поколения. Должность Мьюза считалась важной, так как при удачном развитии событий сети седьмого поколения могли решить проблему нехватки энергии, отложив вопрос о замене устаревших генераторов. Отдел, возглавляемый Мьюзом, разрастался по мере того, как разрастался проект замещения старых нейронных сетей новыми.

Вскоре аналитики обнаружили возросший процент нейропатов среди немногочисленных жителей Isistius labialis и Мьюзу поручили провести расследование. Клирики подозревали происки агентов Энрофы или негативное влияние игровых проектов, использующих незаконные генераторы, способствующие прогрессированию недуга. В черный список попали даже репродукционные центры, курируемые Институтом всемирной иерархии. Впрочем, главным врагом человечества, как заявил в отчете Мьюз, стала природа. Нейронные сети заставили людей

эволюционировать, приспосабливаясь к новым условиям жизни после наступления эры Великого ледника.

– Вы называете появление недуга нейропатии эволюцией? – скривился клирик по имени Один. – Да это скорее деградация!

Мьюз не стал спорить, усвоив за долгие годы работы на Иерархию непоколебимость суждений клириков, какими бы ошибочными они ни были. И не имело смысла указывать на факты, потому что клирики извернутся, исказив суть. С хранителями было чуть иначе, поэтому большинство служителей Иерархии не стремилось подняться до уровня клирика.

– Думаю, вы должны вернуться в Isistius labialis и продолжить расследование, – решил Один.

Мьюз не возражал, тем более что ему приглянулся оживавший после трагедии жилой комплекс. Аренда исследовательских и торговых площадок там была намного дешевле, чем в Galeus longirostris и Hexactinellida, так что цены привлекали многих молодых предпринимателей, конструкторов, разработчиков и финансистов. Ученые Энрофы поддержали пострадавший комплекс, снизив цену на переходы и необходимых для этого клонов. К тому же как грибы после дождя начали повсюду появляться незаконные терминалы, окончательно сбивая цены на путешествия между жилыми комплексами.

Впрочем, несмотря на положительный экономический климат для развития, долгое время главными источниками прибыли в Isistius labialis оставались экспериментальные нейронные сети седьмого поколения, в разработки которых готовы были вкладывать, казалось, все влиятельные финансисты КвазаРазмерности. Тестирование сетей проходило с поддержкой жителей, чего не удавалось добиться в других комплексах. Жители обнищавшего после теракта Isistius labialis радовались любой возможности заработать, и нейронные сети седьмого поколения давали такую возможность. К тому же теракт был совершен в Подпространстве, и теперь люди как огня боялись всего, что связано с Квазаром.

Плюс не нужно забывать, что развитие сетей седьмого поколения начало привлекать в Isistius labialis новых разработчиков. Представители игровой индустрии предпочитали сворачивать проекты в Galeus longirostris и Hexactinellida (где аренда и оплата энергии, потребляемой нейронными сетями шестого поколения, становились непомерными даже для грандов, не говоря уже о новичках) и перебираться в Isistius labialis. Появлялись новые рабочие места и возможности заработать. Следом за строителями и координаторами в комплекс потянулись

толпы туристов, желавших увидеть процесс, как функционируют игровые площадки изнутри, или хваленые прелести новых сетей. Об одних только нейронных лифтах было сказано так много, что появились заказы богачей из Galeus longirostris и Hexactinellida на установку таких систем в их офисах и частных домах, когда сети седьмого поколения пройдут сертификацию и будут допущены к использованию за пределами Isistius labialis.

О возросшем проценте нейропатов среди жителей старались не думать. Да и сторонники новшеств начали с удовольствием нанимать на работу нейропатов второй волны. Особенно это касалось тех должностей, что подразумевали ведение переговоров и общение с прессой, где способность читать мысли оппонента была как нельзя кстати.

Продолжая расследование, Мьюз столкнулся с группой ученых, проводивших эксперименты над нейропатами-добровольцами, желавшими не избавиться от сверхспособностей, а наоборот – усилить их. Следствие выявило длинную цепочку, объединившую независимых ученых с представителями Энрофы, тайно продолжавшими проект новых терминалов. Связь была неявной, и клирики велели Мьюзу продолжать расследование, заставившее его, старика, доживавшего последние годы отмеренной ему жизни, снова встретиться с давним другом по имени Легре, который, казалось, практически не постарел.

Бывший клирик сотрудничал с исследовательскими центрами Энрофы, представляя интересы скрывавшихся в Подпространстве разработчиков. Когда Мьюз только увидел его, то решил, что сошел с ума или обознался. Сколько прошло лет с их последней встречи? Семьдесят? Восемьдесят? «Может быть, это клон Легре или что-то еще, но только не старый друг», – гадал Мьюз, чувствуя, как бешено колотится сердце в груди клона, предоставленного ему на время нахождения в жилом комплексе Isistius labialis.

– Вот уж не думал, что мы когда-нибудь снова встретимся, – сказал Легре, развеяв последнюю надежду, что память сыграла с Мьюзом злую шутку, заставив увидеть старого друга в незнакомце.

– Как ты узнал меня? – выдавил престарелый хранитель, который почти забыл, что когда-то был агентом Энрофы.

– Слава о неуловимом хранителе, способном менять системный код Квазара, идет впереди тебя.

– Я давно отошел от оперативной деятельности.

– Думаю, о том, что мог делать ты, не забудут даже после твоей смерти. Вот только… – бывший клирик окинул старика-хранителя внимательным взглядом. – Мало кто, наверное, знает,

что ты когда-то был агентом Энрофы.

– Ты жив благодаря мне, так что не болтай лишнего.

– Когда мы были друзьями, я выжил благодаря тебе, – уточнил Легре. – А сейчас я жив благодаря Фарону и Анк. И буду жить после того, как не станет тебя, твоих детей и детей твоих детей.

– О чем ты болтаешь?

– А ты разве не видишь? Твое тело, оставленное в Galeus longirostris, доживает последние дни, а мое пышет свежестью и здоровьем.

– В мире КвазаРазмерности не стоит верить всему, что видишь.

– Еще одна догма Института всемирной иерархии? Не забывай, когда-то я стоял выше тебя на их служебной лестнице.

– Но променял свои достижения на роль беглеца и содомита.

– Будь я содомитом, то не смог бы вернуться в Размерность. К тому же я не считаю, что предал Иерархию. В те дни, если бы мой эксперимент по извлечению энергии из Подпространства с использованием тонких граней временных мембран закончился успехом, то Иерархия смогла бы отыграть все утраченные позиции мирового лидера в разработке технологий, необходимых для существования КвазаРазмерности, – Легре помрачнел. – Но клирики всегда были слишком трусливыми, чтобы рисковать, принимая решения в соответствии с меняющейся обстановкой. Они палец о палец не ударят, пока не проведут десяток заседаний, рассмотрев все возможные варианты развития событий. Политика в современном мире – это игра в шахматы. А Всемирная иерархия соглашается действовать, только когда заранее знает каждый предстоящий ход противника. Поэтому мне пришлось действовать тайно, за это меня исключили из клириков.

– Твой эксперимент закончился провалом. По твоей вине погибли люди.

– Лес рубят – щепки летят, – недобро улыбнулся Легре. – Сам понимаешь, в большом деле не бывает без ошибок, просчетов и жертв.

– С нейропатами, на которых вы ставите эксперименты, будет то же самое?

– Лично я ни на ком эксперименты не ставлю – эта роль отведена ученым Энрофы. Не забывай, кстати, что на них ты когда-то работал. Что касается меня, то мои интересы распространяются исключительно на тонкие грани временных мембран: так было в годы моей службы Всемирной иерархии, так есть сейчас.

– Только в бытность клириком ты работал на пользу обществу, а кто твой работодатель сейчас? Союз независимых энергетиков? Частные финансисты?

– Старый, глупый хранитель, – устало протянул Легре. – Никогда не понимал, почему Иерархия считает себя непогрешимой и благочестивой, в то время как в помыслах других видит только зло и корысть?

– Потому что так оно и есть, – хмуро подметил Мьюз. – Не знаю, почему ты не стареешь, но то, что твоя встреча со мной в надежде переманить на свою сторону, – это ошибка, уверен.

– Разве ты не хочешь продлить свою жизнь?

– Это угроза?

– Я предлагаю тебе бессмертие, дурень! Секрет, за который многие готовы на любые жертвы.

Они долго смотрели друг другу в глаза, затем Мьюз сказал, что должен задержать Легре, отправив на допрос в Институт всемирной иерархии.

– Ты не посмеешь! – не поверил бывший клирик.

– Однажды я отпустил тебя. Не нужно было снова вставать у меня на пути. – Мьюз активировал нейронные браслеты, сковавшие запястья Легре силовым полем.

В какой-то момент старый хранитель подумал, что сейчас бывший клирик извернется, избежав чудесным образом ареста, но тот лишь растерянно вытаращил глаза. «Да нет, у него должен быть план бегства, – думал Мьюз, транспортируя задержанного в расположенный в Isistius labialis офис Всемирной иерархии. – Не мог же он так поглупеть, что доверился мне, помня о былой дружбе. Я бы так не поступил. И он не должен был».

Мьюз специально отказался от официального транспорта, решив доставлять задержанного с помощью систем общественных пневмотоннелей, где будет проще сбежать. «Почему же он медлит? – гадал старый хранитель. – Неужели не понимает, что, проведя задержание, я уже не могу отпустить его, не став изгоем?» Решив, что старый друг просто тянет время, Мьюз убедил себя, что Легре сбежит в последний момент.

Они сделали несколько пересадок на шумных, оживленных станциях. Мьюз ждал, что у Легре появятся сообщники или бывший клирик предпримет какую-нибудь хитрость, потому что удобнее момента для бегства не придумать, но ничего не случилось.

– Я думал, что мы друзья, – сказал Легре. – Думал, что годы, проведенные плечом к плечу в неиндексированных территориях, что-то значат.

– Просто сбеги – и дело с концом, – процедил сквозь зубы

Мьюз.

– Я не могу.

– Ты ведь бывший клирик. Неужели ты не знаешь, как обойти защитные протоколы нейронных браслетов?

– Клирики – не волшебники, а простые люди, которым жители Размерности вложили в руки власть. Без поддержки населения мы никто. Будь на мне одежда клирика, то люди, возможно, вступились бы за меня, помогли освободиться, но сейчас я такой же, как они, поэтому беспомощен и бесправен, и никто не станет вставать на пути хранителя, задержавшего простого жителя Размерности.

– Ты хоть и стал отступником, но красноречия тебе до сих пор не занимать, – ухмыльнулся Мьюз, окончательно убедившись, что Легре тянет с бегством, желая переубедить его, переманить на свою сторону.

На последней станции хранитель задержался чуть дольше, вглядываясь буквально в глаза каждому встречному, ожидая нападения.

– Где же твои сообщники, черт возьми? – потерял он терпение. – До офиса Иерархии в Isistius labialis осталось меньше квартала. Если у тебя был план бегства, то самое время его осуществить. Удобнее возможности не будет. Как только мы покинем станцию, защитные системы усилятся.

– Зачем мне план бегства, если я считал тебя другом? – грустно покачал головой бывший клирик.

– Только не начинай… – поморщился Мьюз.

– Ты мог бы присоединиться к нам и продлить свою жизнь.

– Чушь! – хранитель схватил бывшего друга за локоть и потянул прочь со станции общественного транспорта, надеясь, что это развеет последние сомнения Легре касательно его намерений.

«Давай же, глупец! Беги!» – скрипел Мьюз зубами, продвигаясь по кварталу.

Офис Иерархии виднелся в конце улицы – массивное, неуклюжее строение, украшенное нейронными образами.

– Кто это? – спросили хранители на входе в офис Иерархии, уставившись на задержанного Мьюзом бывшего клирика.

Анализ личности посредством считывания информации с интегрированного жидкого чипа занял меньше минуты, заставив молодых хранителей растерянно открыть рты.

– Как беглый клирик, которому должно быть больше девяноста лет, смог так хорошо сохраниться? – спросил один из них.

– Понятия не имею, – отмахнулся Мьюз. – Наверное, поручил

незаконному центру Энрофы сделать клона.

Ответ удовлетворил хранителей, и они потеряли интерес к задержанному старику.

– Что, черт возьми, ты задумал? – спросил Мьюз бывшего клирика, когда нейронный лифт поднял их на уровни, где находились установки для проведения коррекции личности.

Легре предпочел промолчать. Мьюз передал его группе хранителей, занимавшихся транспортировкой арестованных в здание суда. Система была отлажена до автоматизма. На вынесение приговора потребовалось менее суток, да и то задержка произошла по причине того, что Мьюз забыл перенаправить судьям Иерархии слепок своего сознания, содержащий детали разговора с бывшим клириком. Дальше система заработала быстрее. Легре приговорили к принудительной копии всех доступных ядер воспоминаний и пожизненному содержанию в коррекционной тюрьме без возможности завершения цикла исправления при положительном коэффициенте.

Мьюз все еще ждал, что бывший клирик сбежит, когда Легре забирался в капсулу коррекционного центра офиса Иерархии в Isistius labialis. Ждал, когда проводивший процедуру коррекции клирик отсчитывал последние секунды до извлечения сознания заключенного.

– Да не может быть, – сказал Мьюз, когда получил официальный отчет о том, что задержанный им преступник успешно подвергнут процедуре коррекции.

Спустя два дня старого хранителя вызвали в центральный офис Института всемирной иерархии в комплексе Galeus longirostris и поручили новое задание, отправив в неиндексированные территории Квазара с целью выявить сторонников бывшего клирика. На возраст Мьюза никто не обратил внимания. Также клирики не смогли выявить связь полученного слепка сознания Легре с копией воспоминаний старого хранителя. Особенно настораживали нестыковки разговора с Мьюзом и личных воспоминаний, словно кто-то уже почистил часть информационных ядер, но тогда возникал вопрос, как Легре вообще смог разговаривать о вечной жизни и о тайных разработках ученых Энрофы касательно новых терминалов. Разве что ядра воспоминаний распались во время ареста или часть воспоминаний была помещена в информационный протокол, транслируемый нейронной сетью, дополняя воспоминания?

– Может быть, он просто спятил? – предложил Мьюз, но клирики заявили, что провели детальный анализ, не обнаружив в молодом теле Легре ни намека на клонирование.

– Только этого достаточно, чтобы отправиться в Квазар и попытаться разобраться в происходящем, – сказал клирик по имени Один, снова назначенный главой наспех образованного отдела, призванного решить загадку воспоминаний Легре.

– Так говоришь, словно собираешься пойти в неиндексированные земли с нами, – не сдержался Мьюз.

– Если будет нужно, то пойду, – не задумываясь ответил Один. – К тому же не тебе жаловаться. Ты ведь неуязвим в Квазаре.

– Я многое могу в Подпространстве, но о неуязвимости речи не идет.

– Не придирайся к словам! – поморщился молодой клирик.

Старый хранитель решил не спорить, вспомнив слова Легре о глупости и упертости служителей Всемирной иерархии. Проще либо стать отступником, либо смириться, научившись игнорировать. Мьюз выбрал последнее и неплохо уживался с этим на протяжении долгих лет. Тем более что идеальной системы все равно не существует, и каждая власть имеет свои плюсы и минусы. Главное, чтобы оставалась возможность выбрать что-то приемлемое. Мьюз, например, выбрал Всемирную иерархию. Если сравнивать жизнь хранителя с жизнью агента Энрофы, которую он некогда вел, то последняя ему нравилась намного меньше.

«И все-таки у Легре обязательно должен быть какой-то план», – хмурился старый хранитель, покидая Размерность.

В Квазаре он старался держаться вместе с группой других хранителей, выделенных клириками для расследования деятельности Легре. Отчеты о том, чем он занимался в бытность клирика, прислали Мьюзу уже в офис Иерархии в Квазаре, считавшемся непогрешимым в плане защиты. Бывший агент Энрофы никому не говорил, но при желании ему не составило бы труда взломать устаревшие протоколы безопасности, даже не пользуясь сверхспособностями, появившимися у него после поглощения копии ядер воспоминаний Малика.

«В конце концов, не все агенты Энрофы получают доступ к протоколам программирования защитных схем Иерархии», – убеждал себя Мьюз держать язык за зубами, понимая, что стоит заикнуться об уязвимости, и клирики на уши поставят свои офисы в Подпространстве, углядев в собственном технологическом застое происки врагов, желающих уничтожить установившийся в Размерности порядок, предлагая более дешевые и безопасные современные генераторы взамен устаревших систем Иерархии… Впрочем, о последнем никогда не говорилось, ограничиваясь поисками врагов, возведенных в абсолют для мира Размерности. Когда-то клирики пытались

запустить свою пропаганду в Квазаре, но местные жители Подпространства просто перестали продлевать подписки на информационные и развлекательные каналы Иерархии, в результате чего проект пришлось закрыть.

Коренные жители Квазара вообще не жаловали власть держащих представителей Размерности в своем мире. Ничего личного, но за долгие годы правления клирики тысячи раз доказали свою косность во всем, что связано с новшествами и переменами, коими искрился мир Подпространства. Взять хотя бы их гонения на акеми, которым Иерархия планировала придать статус официальных преследований, если бы в Квазаре после вынесения этого предложения не начались погромы центров отправлений и офисов клириков. В те дни больше всех выиграли владельцы незаконных кубов переносов. Заказов на период приостановки деятельности колец переносов было хоть отбавляй. Клирики, желая извиниться за ошибку, быстро придумали якобы давно поднимаемый ими вопрос о лицензиях владельцам кубов переносов, благодаря чему они смогут формировать официальные транспортные компании с легальным доступом к точкам энергетической сцепки колец переносов. Решение подносилось как высшая степень милости Иерархии, но коренные жители Квазара отреагировали на «подарок» весьма прохладно, особенно когда узнали, что клирики собираются брать немалую плату в единицах Влияния за информацию о точках энергетической сцепки, необходимых для переносов на большие расстояния. В итоге реформу назвали еще одной глупостью Института всемирной иерархии и забыли о ней.

Выгоду получили разве что жуликоватые управляющие, спешно организовавшие небольшие конторы с парой кубов, что дало возможность пользоваться официальными информационными щитами, предлагая услуги переноса путешественникам, и получать базы данных ТЭС, которые менялись после каждой перезагрузки Квазара. Большую часть рабочих в таких конторах составляли частники со своими кубами, приносившие львиную дозу доходов, в то время как официально конторы находились на грани разорения.

Мьюз помнил, как в свое время едва смог отвертеться от необходимости расследования незаконной деятельности агентств, предлагавших услуги переносов. Сейчас, получив указание изучить деятельность беглого клирика Легре в Подпространстве, Мьюз сравнивал эти два задания, не видя в них особой разницы. Квазар был пластичен, но Иерархия, кажется, совершенно не понимала этого. Здесь невозможно было что-то ограничить или подогнать под набор правил. Как формы

цивилизованных территорий постоянно менялись и перетекали из одной в другую, так и судьбы местных жителей – адепты «Мункара и Накира», осуществляющие надзор за миром, предпочитали не вмешиваться в жизни простых людей, позволяя им самим определять свои ценности и свободы. Все было поделено на мелкие общины и семьи. Централизованная власть отсутствовала. Не было и гонки за обладанием территориями, как в окруженных Ледником жилых центрах Размерности, – Квазар мог вместить всех, а если потребуется, то всегда можно было расширить эту петлю за счет неограниченного резерва в слоях Подпространства.

Да и не верил Мьюз, что удастся что-то нарыть на Легре. Если бывший клирик действительно был связан с чем-то масштабным и сложным, как думала Иерархия, то концов никогда не удастся найти, по крайней мере не теми средствами, что предоставляют своим служащим институты власти Размерности. Впрочем, старый хранитель не верил, что бывший друг замешан в чем-то важном и грандиозном. Легре скорее просто дурак, решивший напоследок громко хлопнуть дверью, напомнить о себе, вернувшись в Иерархию, чем заговорщик, связанный с созданием новых терминалов переходов.

– Почему я не вижу результатов вашего расследования? – спросил возглавлявший проект клирик по имени Один. – Разве мы не предоставили вам все имеющиеся сведения о деятельности Легре в годы его работы на Иерархию? Не смейте говорить, что у вас нет зацепок. Человек, который занимался изучением тонких граней временных мембран, собрав вокруг себя целую группу клириков, мечтавших перевернуть мир, открыв новые способы получения энергии, используя в качестве источника Подпространство, просто обязан оставить после себя кучу следов!

– То, о чем вы говорите, случилось почти век назад. Все сторонники Легре мертвы. Проекты заморожены. Иерархия сама стремилась скрыть детали этой истории. Удивлен, что остались вообще хоть какие-то сведения.

– А как же база «Виадос-12»? – спросил Один. – Кажется, именно там у Легре было больше всего сторонников.

– Базы «Виодос-12» давно не существует. Клирики превратили исследовательский центр квазацентристов в пристанище для преступников, психопатов и садистов, присвоив месту, способному изменить мир, статус поселения содомитов.

– Говоришь как безумный Легре за пару минут до того, как подвергнуться пожизненной коррекции, – подметил клирик.

Мьюз пожал плечами, обозначив свое безразличие.

– В цивилизованной части следов Легре нет, – сообщил он

монотонно после паузы.

– Кто бы сомневался, – проворчал себе под нос Один. – Вы подготовили группу для проведения расследования в неиндексированных территориях?

– А что там расследовать?

– Ну, судя по анализу ядер ваших воспоминаний, когда-то давно Легре и вы много времени провели в неиндексированных территориях, скрываясь от хранителей Иерархии.

– От хранителей скрывался только Легре, – хмуро напомнил Мьюз, заставив клирика снисходительно улыбнуться.

– Не обижайтесь. Мы не ставим под вопрос вашу преданность Институту всемирной иерархии, просто когда-то Легре был одни из нас, так что его судьба вызывает немалый интерес, а учитывая, чьи интересы он представлял при встрече с вами и чем занимался в молодости…

– Представителей Иерархии не любят в обжитых частях Квазара, – прервал Мьюз клирика. – Расследование в неиндексированных территориях может быть крайне опасным.

– Риск допустим.

– Но не оправдан! – начал злиться бывший агент Энрофы. – У нас ничего нет на Легре. Если бы не его работа по изучению тонких граней временных мембран и голословные заявления, что он представляет разработчиков новых терминалов, то его просто сочли бы сумасшедшим.

– Совершенно с вами согласен, – улыбнулся клирик, и его снисхождение начало сводить Мьюза с ума. – Не будь того, о чем вы сказали, то никто не обратил бы на историю Легре внимания…

– Но это есть… – процедил сквозь зубы старый хранитель.

Один терпеливо кивнул.

– Но у нас нет ни одной зацепки касательно того, где в неиндексированных территориях начинать расследование. Нельзя же копать наугад. Для этого нам не хватит ни людей, ни ресурсов.

– Начните с бывшей базы «Виадос-12», – посоветовал клирик.

– С поселения содомитов? – не поверил Мьюз. – Вы знаете, что оттуда никто не возвращался.

– Вы знаете кого-то с такими же сверхспособностями, как ваши?

– Нет, но…

– Тогда собирайте группу и делайте свою работу.

– Группу? – губы старого хранителя изогнулись в презрении. – Неиндексированные территории опасны даже для меня, я уже не говорю о других людях без сверхспособностей.

Вы хотя бы представляете, что это за место? Резонансные провалы, исследовательские базы акеми и тренировочные лагеря адептов – это меньшее из тех зол, с которыми приходится сталкиваться в неиндексированных территориях. Бытует мнение, что длительное пребывание там способно свести человека с ума.

– И сколько вы сами находились там в бытность агентом Энрофы? – задал риторический вопрос молодой клирик, желая подчеркнуть на примере старого хранителя, что выжить в неиндексированных территориях можно.

– Я говорю не за себя, а за других хранителей.

– Хотите отправиться на базу «Виадос-12» в одиночку?

– Это уже не база «Виадос-12». Это поселение содомитов, где от прошлого ничего не осталось. Не думаю, что мы сможем найти там следы деятельности Легре.

– Иногда не нужно думать – достаточно выполнять то, что от нас требуют.

– Тогда я отправлюсь в поселение один.

– Исключено.

– Я не хочу вести на смерть молодых хранителей.

– Вы не понимаете. Ваша связь с Легре ставит под сомнение наше доверие к вам, – признался Один.

– Легре был моим другом в далеком прошлом!

– Но ведь был.

– Твою мать… – Мьюз отвернулся, понимая, что сейчас больше всего на свете хочет свернуть тщедушному хранителю шею. – Либо я пойду один, либо вообще откажусь от задания. Мой возраст заставит многих в Иерархии пойти мне на уступки.

– Только не в случае с альтернативными терминалами и источниками энергии. Сейчас на карту поставлено слишком многое. Под угрозой находится вся Размерность. Не думаю, что возраст бывшего агента Энрофы в подобной ситуации имеет значение… – молодой клирик выдержал тяжелый взгляд старого хранителя. – Не думаю, что имеет значение даже ваша дружба с Легре. Сейчас на карте куда более важные ценности, чем риск потерять пару хранителей во время задания.

– Тогда пусть это будут ветераны, – сдался Мьюз. – Не хочу, чтобы среди тех, кто пойдет со мной в поселение содомитов, была молодежь.

– Это не вам решать. Вопрос будет рассматриваться с точки зрения эффективности, а не возраста. Мы отберем лучших оперативников… Для нас эта миссия очень важна.

Подготовка заняла чуть меньше недели. Вопреки пожеланию Мьюза двое из трех хранителей, выбранных сопровождать его, были молодыми. Третий – средних лет. Мьюз решил, что спорить

нет смысла. Единственным вопросом оставалось присутствие в команде акеми. Его звали Лит-Бон, но старый хранитель отказывался запоминать это имя, словно чувствовал, что долго алхимик Квазара не продержится в команде.

– Просто прими это как должное, – посоветовал Один в день отправки.

Странно, но не проявлявшие интереса к деятельности Иерархии коренные жители Квазара, пронюхав о том, что горстка хранителей собирается сделать вылазку в неиндексированные территории, собрались на краю города, чтобы проводить безумцев в последний путь. В нескольких тотализаторах стали принимать ставки десять к одному, что хранители либо вернутся через пару дней, изобразив видимость работы в опасных условиях, либо погибнут, растерзанные содомитами, защитными системами лабораторий акеми, которые не любят, когда посторонние люди суют в их дела нос, или сгинут в тренировочных лагерях, где представители Иерархии придутся всем по вкусу.

Что касается временных провалов Квазара, встречавшихся в большом количестве в неиндексированных территориях, то здесь люди считали, что эти резонансные ловушки – не что иное, как результат либо халатности, либо тайных разработок, возглавляемых инженерами Размерности по приказу Всемирной иерархии. Так что ставки на то, что группа хранителей и одного акеми погибнет во временном провале, не принимались, так как никто бы не стал ставить на это.

– Надеюсь, ты сгинешь первым, – сказал Мьюз алхимику Квазара, когда они покинули цивилизованные территории.

Акеми не ответил, но предпочел держаться подальше от бывшего агента Энрофы. Что касается других хранителей в группе, то в них Мьюз видел скорее желание клириков установить за ним слежку, чем реальные помыслы помочь во время опасной экспедиции.

«Что ж, надеюсь, вы сгинете следом за акеми», – подумал бывший агент Энрофы, устав от постоянного клейма ненадежного представителя Института всемирной иерархии. Мало того что он был агентом Энрофы, внедрившимся в закрытую группировку «Мункара и Накира», украв личность их лидера Малика, так потом он предал свой мир, выбрав дорогу хранителя. О том, что другого выбора просто не было, да и представители Энрофы ни разу не выразили протеста по этому поводу, никто не думал. Главным оставался факт, что агент смог обмануть адептов, а затем предал своих, переметнувшись к врагам. О том, что в то время между клириками и учеными Энрофы было установлено неофициальное перемирие, тоже никто не вспоминал. Главным

оставалась нынешняя напряженная обстановка.

Еще одной ложкой дегтя в бочку доверия Мьюзу стала его дружба с Легре. Беглый клирик посмеялся над Иерархией, заставив их свернуть проект постепенного развития баз квазацентристов, где они надеялись развернуть свои исследовательские центры по изучению возможности извлечения энергии посредством тонких граней временных мембран. По сути, проступком Легре стало лишь то, что он видел реальное положение вещей – в современном промерзшем до основания мире, где новые источники энергии помогают не только улучшить благосостояние, но и в прямом смысле выжить, не замерзнув, никто не будет стоять в стороне и ждать, когда клирики сподобятся заменить свои устаревшие генераторы. Если бы не нейронные сети седьмого поколения, потреблявшие меньше энергии, имея больший перечень возможностей по сравнению со старыми, то безраздельная власть Иерархии в Размерности давно пошатнулась бы и удержать монополию на обладание необходимыми для существования источниками питания оказалось бы крайне сложно. Так что Легре лишь пытался помочь другим клирикам, начав втайне собственные исследования.

Мьюз не сомневался, что стоявшие во главе Иерархии люди знали о проекте Легре, но предпочитали молчать, готовя отступные пути на случай неудачи, превратив молодого и прогрессивного собрата в отступника.

«Сейчас нечто подобное происходит со мной», – подумал Мьюз, заставляя себя чуть ли не впервые задуматься над возможностью, что старый друг не спятил, а действительно продолжал заниматься своими исследованиями, на которых Иерархия поставила крест. Ход мыслей дошел до слов Легре о вечной жизни и споткнулся. «Нет, к черту, такого не бывает», – решил бывший агент Энрофы, который чувствовал себя в Квазаре почти что богом. И пусть его способности так и не удалось объяснить, в них все равно было больше смысла, чем в вечной жизни. «Это еще хуже, чем мечты о появлении детей Квазара», – подумал Мьюз, бросая взгляд на акеми, державшегося от него на приличном расстоянии.

– Что-то не так? – спросил молодой хранитель по имени Квент, отметив задумчивость Мьюза.

– Да вот думаю, удастся или нет акеми создать новый вид людей, не имеющих привязанности к Размерности посредством материальных тел, с которыми связана жизнь сознания. Энергия в чистом виде.

– Дети Квазара?

– Именно.

– Это как-то связанно с нашим заданием?

– Нет.

– Значит, и говорить не стоит, – отмахнулся хранитель.

Он вообще будет самым замкнутым и подозрительным в группе, практически не скрывая, что назначен приглядывать за бывшим агентом Энрофы. Впрочем, с другими дела обстояли не лучше. Нейтральным был разве что акеми, но его пугливость и недоверчивость раздражали так сильно, что никто из хранителей почти не разговаривал с ним. Позднее именно эта отчужденность и послужит причиной его гибели.

Куб переносов, разработанный инженерами Всемирной иерархии, был неуклюжим и требовал частых остановок, в отличие от кубов частников Квазара. Но клирики запретили хранителям пользоваться услугами сторонних разработчиков, так что выбирать не приходилось. Сами протоколы куба были современными, но о пассажирах при создании совершенно не думали. Скорость передвижения превосходила стандартные разработки черного рынка, но перегрузки при старте и остановки стали просто чудовищными, не говоря уже о сбоях точки сборки, когда во время движения подменялись восприятия и связи с сознанием. Если раньше при переносе, находясь внутри куба, человек пытался пошевелить рукой, а вместо этого шевелилась нога, то сейчас казалось, что точка сборки просто разваливается на части. Правда, разработчики, чтобы успокоить пассажиров, добавили в свое творение информационный протокол, сообщавший, что сбой восприятий – это временное и безопасное явление, к которому нужно просто привыкнуть. Особенно странным и нелогичным подобный подход выглядел на фоне модернизации кубов черного рынка Квазара, направленный на баланс скорости и нарушений точки сборки.

– Такое ощущение, что инженеры Размерности вернулись в прошлое, когда кубы только создавались и главным была идея переноса, а не заботы о комфорте пассажиров, – сказал акеми, когда группа, условно возглавляемая Мьюзом, сделала первую остановку.

Никто не обратил внимания на ворчливого алхимика Квазара. Мьюз, например, вообще не понимал, зачем в команде нужен акеми. Какая от него польза на пути в поселение содомитов? Или клирики думали, что хранителям удастся подобраться к тайне Легре достаточно близко, чтобы Лит-Бон смог изучить ее? «Чушь!» – сказал бы Мьюз вначале, но после того, как признал в одном из сопровождавших его хранителей резонансного инженера, всерьез задумался о том, что Иерархия

ждет от этой опасной компании дивидендов, как, очевидно, они ждали, когда молодой Легре, до того как стать отступником, проводил несанкционированные исследования тонких граней временных мембран, – знали обо всем, но притворялись мирными овечками, готовые отречься от Легре в случае его неудачи и повесить на шею лавровый венок в случае успеха.

– Не отходи далеко от куба! – крикнул Квент ворчливому акеми.

Лит-Бон пробормотал что-то бессвязное, остановившись в десяти шагах от выбравшейся из куба группы хранителей. Отражавшийся в Подпространстве материальный мир являл взору бесконечную ледяную пустошь, в которую превратилась планета вне жилых комплексов. Центр цивилизации Квазара, а также призрачный пейзаж Galeus longirostris остался далеко позади.

– А правда, что в мире Энрофы скрывают от жителей отражения материального мира? – спросил Мьюза хранитель по имени Квент.

– Мир Энрофы создан на субслоях Подпространства, где никогда не отражался первый уровень реальности.

– Я слышал, что там просто внушают это жителям с детства, чтобы они не видели реальность Размерности.

– Какую реальность? – Мьюз театрально огляделся. – Здесь кругом только лед! – Он чувствовал, что начинает заводиться, намереваясь вправить мозги молодому хранителю, но его прервал крик державшегося в стороне акеми.

Ученый довольно неплохо разбирался в резонансных провалах и прочих тонкостях неиндексированных территорий, готовясь к самому изощренному нападению со стороны адептов или собратьев по учению, посчитавших его предателем, потому что он сотрудничал с Иерархией. Но опасность таилась не в передовых технологиях.

Отражавшееся в Подпространстве ущелье материального мира было скованно льдом, искрящимся в лучах далекого солнца. Блики очаровали Лит-Бона, заставили утратить на мгновение бдительность. Этого хватило, чтобы притаившийся возле точки энергетической сцепки содомит выскочил из укрытия и схватил акеми. Хранители активировали разработанные Иерархией дезинтеграторы, способные выбросить сознание из Квазара, вернув в оставленное в Размерности тело, но точка сборка содомита давно была модифицирована акеми, в плен к которым он имел глупость попасть. Акеми изучали способы противодействия оружию служителей Иерархии, мечтая в случае успеха продать разработки адептам «Мункара и Накира». Успеха достичь не удалось, а группу содомитов, на которых проводили

опыты, изменяя их точки сборки, отпустили.

В отличие от молодых хранителей, выстреливших практически сразу, как только содомит схватил акеми, Мьюз запоздал с реакцией, хотя в отличие от коллег он и не был никогда настороже в этом враждебном мире, зная, что может менять ряд здешних правил и законов. Изменения точки сборки содомита отреагировали мгновенно, нейтрализовав направленные протоколы дезинтеграторов. Хранители растерянно переглянулись, не веря, что кому-то удалось создать защиту от дезинтеграторов. Особенно смущал тот факт, что защитой этой воспользовался не адепт, а дикий содомит, который так долго скитался по неиндексированным территориям, что забыл о том, что такое двухуровневый язык, сохранив лишь способность рычать да источать, словно защитный кокон, ауру ненависти. Отчасти хранители оказались правы – не существовало полноценного оружия, способного защитить от дезинтеграторов, базовыми разработками которых для Иерархии занимались резонансные инженеры, курирующие ежедневные перезагрузки Квазара.

Содомит задрожал и неожиданно начал светиться изнутри. Его точка сборки поглотила протоколы распада, но не смогла преобразовать, сделав частью себя. Вместо этого протоколы послужили катализатором к распаду ядер личности, превратив дикаря в энергетическую бомбу, – Мьюз понял это слишком поздно, чтобы успеть спасти акеми. Опасность активировала созданные давным-давно системы защиты. Пространство выгнулось, превращаясь в щит. Яркая вспышка ослепила глаза. Ядра вспыхнули, превратившись в огненный шар, выжигая любую личность, попавшую в радиус действия. Созданный Мьюзом щит помог отразить энергетический удар, а пару мгновений спустя огненный шар сжался до размеров горошины, не в силах противостоять притяжению временных мембран, разделявших миры энергии и материи.

Хранители поняли, что опасность миновала, и выругались, используя выражения коренных жителей Размерности, когда спасший их щит растворился в пространстве следом за искрящейся горошиной. Странно, но точки сборки акеми и содомита сохранились, правда, лишившись управлявших ими сознаний, больше напоминали призраков, чем жителей Квазара.

– Нужно проверить куб переносов! – пришел в себя Квент, вспомнив, как огненный шар облизал точку энергетической сцепки и часть доставившего их сюда транспорта.

Обратившись к напарнику, специализирующемуся на резонансном программировании Подпространства, он велел

ему осмотреть куб и сообщить о повреждениях.

– А что будем делать с ними? – спросил самый молодой хранитель, кивнув в сторону точек сборки акеми и содомита.

– А что с ними сделаешь? – передернул плечами Квент, вспомнив, что если бы не Мьюз, то стоял бы сейчас здесь таким же истуканом. Причем понимание, что его спас бывший агент Энрофы, заставляло содрогнуться так же, как понимание собственной смерти.

– Жутко как-то, – признался молодой хранитель. – Никогда не видел, как выгорают ядра сознания.

– Думаю, кто-то ставил над содомитом эксперименты. Подобное часто случается в неиндексированных территориях. Обычно это либо адепты, либо акеми. Хотя ходят слухи, что подобным кощунством не брезгуют и ученые Энрофы… – Квент бросил косой взгляд в сторону Мьюза.

– Это правда? – потребовал ответа молодой хранитель у старого коллеги.

– Представители Энрофы никогда не интересовались Квазаром, – сказал Мьюз, заставляя себя отвернуться от застывших образов акеми и содомита. – Тем более они никогда не занимались такими незначительными проектами, как защита от дезинтеграторов хранителей.

– Говоришь так, словно в глубине души остался агентом Энрофы, – скривился Квент.

– Думаю, если бы твои слова были хотя бы на десять процентов близки к истине, то вас бы уже не было в живых, – монотонно произнес старый хранитель, заставив оппонента замолчать.

Молодой хранитель по имени Барман растерянно уставился на образы акеми и содомита, только сейчас всерьез задумавшись о том, что мог погибнуть.

– А ведь мы сами спровоцировали взрыв, – тихо сказал он.

– Какая теперь разница? – отмахнулся Квент, радуясь, что сменилась тема разговора.

– Лит-Бон погиб из-за нашего просчета, – напомнил молодой хранитель. – Тебе этого недостаточно?

– Акеми погиб, потому что отошел от куба. Нужно было следовать указаниям, и ничего бы не случилось.

– Но… – Барман замолчал, уставившись на до сих пор активированный дезинтегратор в своих руках.

– Ты бы спрятал оружие, а то пристрелишь кого-нибудь еще ненароком, – посоветовал Мьюз, направляясь к готовому для следующего прыжка кубу переносов.

Установленный в центре куба шестигранный стержень начал

пульсировать. Появившиеся тонкие нити вцепились в точку энергетической сцепки, стягивая пространство, чтобы набрать необходимую для прыжка энергию. Гул стал невыносим. Казалось, еще мгновение – и ядра личности выгорят, как это случилось с акеми и содомитом.

– Почему не происходит сброс протоколов блокировки? – попытался докричаться Мьюз до хранителя, осматривавшего куб после недавнего взрыва.

Хранитель не ответил, да и не было времени для этого – установленный в центре куба шестигранник начал гнуться, теряя стройность протоколов, благодаря которым энергия соблюдала необходимую для взаимодействия с миром и точками сборки форму. Тонкие нити, вцепившиеся в точку энергетической сцепки, затрещали, слепя глаза пробивающимся из разрывов ярким светом.

«Это нехорошо», – успел подумать Мьюз за мгновение до того, как одна из нитей лопнула. Случившееся должно было послужить началом цепной реакции обрыва остальных нитей или разрушения энергетического стержня, но вместо этого системам удалось сбалансировать нагрузки и сбросить протоколы блокировки, позволив кубу совершить прыжок, нырнув в разверзшийся перед ним тоннель.

Перегрузки были такими большими, что смещение протоколов точек сборки для некоторых оказалось критическим. Клирик, специализирующийся на программировании резонансов, распался. Его образ вспыхнул изнутри, и в какой-то момент Мьюз подумал, что сейчас хранитель взорвется, как это случилось с содомитом, уничтожившим личность акеми, но вместо выгорания ядер сознания с последующим выбросом больших объемов энергии рассыпались на составляющие протоколы точки сборки, заставив образ, необходимый для существования в Квазаре, осыпаться, словно вырезанный из бумаги коллаж. Но нет худа без добра – смерть хранителя-инженера помогла системам куба перераспределить баланс, снизив нагрузки. Распад остальных пассажиров замедлился.

Мьюз пытался заставить себя ни о чем не думать, понимая, что сейчас от него ничего не зависит, а полное отстранение от происходящего – залог снизить дискомфорт от переноса. Единственный вопрос, крутившийся в голове, – получил ли куб координаты новой точки сцепки, чтобы остановиться, и хватит ли оставшихся нитей для торможения? Он не следил за временем, но перенос длился очень долго. Что-то определенно было не так… Хотя «не так» началось с момента активации куба.

«Интересно, если мы разобьемся, смогут ли меня спасти

сверхспособности?» – отрешенно подумал Мьюз.

Распад точки сборки не страшил его, как не страшила перспектива проскочить место остановки и затеряться в неиндексированных территориях Квазара. Конечно, глупо надеяться, что энергия куба закончится и они остановятся, потому что на это потребуется не одна неделя, а возможно, и больше – никто не знает, потому что все заканчивается во время ежедневной перезагрузки систем. Резонанс построенного в Подпространстве мира меняется, и не один фильтр не сможет уловить колебания находящегося в движении куба, чтобы перенастроить их на существование в мире, который будет сформирован после перезагрузки. Пассажиры такого куба превратятся в призраков, затерявшихся в трехмерном времени Подпространства. Терминалы переносов, где остались их тела, не смогут проиндексировать сознания, и связь с материальными оболочками нарушится, прекратив снабжать сознание необходимой для существования энергией, без которой начнется медленное угасание.

Неожиданно куб замедлил скорость, а из шестигранника, установленного в центре, вырвались тонкие нити, почувствовав близость точки энергетической сцепки. Извиваясь, они рассекали пространство в опасной близости от пассажиров, которые из-за смещений точек сборки не могли пошевелиться. Остановка обещала быть жесткой, не исключены новые жертвы. Нити натянулись, вцепившись в точку энергетической сцепки. Образы хранителей вытянулись, готовые распасться от перегрузок. Стержень в центре куба изогнулся. Гул и свист разбавились треском. Мьюз попытался закрыть глаза, чтобы не видеть момент удара о поверхность, но сбоившие связи ТС не позволили ему этого.

Куб пронесся над точкой энергетической сцепки, пытаясь вырваться из замка протоколов блокировки, но нити выдержали нагрузку, разрывая поверхность ТЭС. Мьюз видел, как стержень в центре начинает разваливаться на составлявшие его протоколы, ослепляя глаза вырывающимся из него ярким светом высвобождающейся энергии. Еще мгновение – и либо нити, либо точка энергетической сцепки уступят, и куб умчится дальше, в бесконечность неиндексированных территорий Квазара. На таких скоростях протоколы линейного времени сдадут позиции, уступив трехмерности Подпространства. Час до ежедневной перезагрузки превратится в вечность, которую им придется провести на площадке куба, пока не придет желанная смерть посредством угасания личности, потерявшей связь с оставленным в Размерности телом.

Треск разрываемой поверхности Подпространства перекрыл остальные звуки. Шум был такой силы, что протоколы восприятий нарушились, принеся абсолютную тишину.

Куб замер, остановленный растянувшейся материей Квазара, и резко метнулся назад, к центру точки энергетической сцепки. На компенсацию остановки энергии уже не осталось. Куб ударился о поверхность, выбросив пассажиров. Нарушение связи точки сборки с сознанием, вызванное высокими перегрузками и скоростью, прекратилось. Инстинкты Мьюза взяли верх над его ТС, активировав комплексную защиту. Другим хранителям повезло меньше. Удар о поверхность оказался таким сильным, что пострадали протоколы восприятий. Точка сборки Бармана сбоила, переливаясь оттенками фиолетового, которые волнами пробегали по его образу. Плюс плохо слушалась левая рука. Квенту повезло меньше. Его точка сборки не выдержала перегрузок, распавшись на две половины. Причем нижняя часть туловища деловито расхаживала по месту аварии, когда грудь, руки и голова лежали в куче искрящихся преобразований энергии, некогда составлявших куб.

– Почему я не умер? – уставился Квент на бывшего агента Энрофы, требуя ответа.

– Откуда я знаю, – пожал плечами Мьюз, и его непострадавшая точка сборки четко отработала жест, передавая команду образу. – Скажи, что это не твои проделки! – вытаращил глаза хранитель. – Я знаю, ты можешь многое, но я… Я… – служитель Иерархии смотрел на свой изуродованный образ, и казалось, что он балансирует на грани паники. Еще мгновение, и…

– Наверное, виной всему сбой точки сборки во время движения, – сказал Мьюз, надеясь отвлечь Квента.

– Думаю, мы побили существующий рекорд скорости переноса среди кубов, – вмешался в разговор Барман.

– Точно, – поддержал молодого хранителя Мьюз. – Скорее всего, ты на какое-то время выпал из резонанса Квазара, поэтому полученные тобой критические повреждения не были зарегистрированы, и ты возвратился в Размерность.

– Твою мать! – застонал Квент.

– Думаю, если дождаться плановой перезагрузки, то твой образ либо исцелится, либо сознание вернется в материальную оболочку, – сказал Барман.

– Говоришь так, словно это игровая площадка! – скривился Квент. – Но это не так! Здесь все… по-настоящему… – он выругался, используя сленг коренных жителей Размерности, злясь, что не может подобрать нужных слов. – Кажется, сбоит

не только мой образ, но и восприятия, потому что у меня такое чувство, что я проживаю последние секунды аварии снова и снова!

Нижняя часть его туловища, бродя за спиной Бармана, слепо ткнулась в хранителя, заставив вздрогнуть.

– Проклятие! Ты можешь заставить их остановиться?

– Не знаю… – Квент на мгновение сосредоточился. – Прости. Кажется, ноги не подчиняются мне.

– Как это не подчиняются? Они ведь принадлежали тебе!

– Я не знаю!

– А кто должен знать?

– Мне сейчас не до этого! – заорал Квент, чтобы скрыть слезы бессилия.

Молодой хранитель наблюдал за коллегой какое-то время, затем подошел к Мьюзу и осторожно спросил, не лучше ли будет прикончить Квента.

– Потому что он так мучается…

– Нельзя, – качнул головой бывший агент Энрофы. – А что если он выпал из системы, и, уничтожив то, что осталось от точки сборки, мы отправим его в производный временной набор, как это делает экспериментальное оружие адептов. Ты слышал, что случается с этими людьми?

– Я думал, слухи о таком оружии – байки, – сказал Барман дрогнувшим голосом и настороженно огляделся. – Выходит, мы можем превратиться в призраков при встрече с адептами?

– Если хочешь, то можешь верить, что это только слухи. Официально клирики не заикались об этом.

– А ты… Думаешь, тебе под силу противостоять этому оружию?

– Откуда мне знать? Чтобы говорить о чем-то с уверенностью, нужно сначала испытать это, а я прежде никогда не встречался лицом к лицу с адептом, у которого было бы такое оружие… – Квент застонал, заставляя старого клирика замолчать.

– Думаешь, я правда могу превратиться в призрака, если прикончить меня до перезагрузки? – спросил он бывшего агента Энрофы.

– Полагаю, подобное возможно и во время перезагрузки, если система фильтрации не сможет распознать тебя, но с меньшей вероятностью.

– Черт! – Квент собирался еще что-то сказать, но, услышав далекий вой, замолчал, испуганно вытаращив глаза. – А это еще что такое?

– Кажется, содомиты, – неуверенно высказался Барман, бросая заискивающий взгляд на Мьюза, понимая, что сейчас они

зависят от него. – Что будем делать?

– Нужно занять оборону! – запаниковал Квент.

– Не говори ерунды! – одернул его Мьюз, вглядываясь в подступавшие со всех сторон ледяные горы. – Думаю, мы сможем скрыться в одной из пещер. Если повезет, то образы окажутся достаточно плотными, чтобы нас не заметили.

– А как же твои сверхспособности?

– Они спасают меня, но не вас.

Мьюз послал молодого хранителя осмотреть отражавшиеся в Квазаре детали материального мира, а сам взвалил Квента на плечи, велев крепко держаться.

– Ноги мои не забудь забрать! – засуетился тот, несмотря на то, что вой повторился, прозвучав на этот раз намного ближе, чем прежде.

– Понять бы, где мы вообще сейчас находимся, – проворчал бывший агент Энрофы, направляясь в найденную Барманом ледяную пещеру.

Внутри было темно, и Мьюз счел это хорошим обстоятельством, увеличивающим шансы остаться незамеченными. Группа содомитов тем временем добралась до места крушения куба. Молодой хранитель увидел их и не смог сдержать смачного ругательства. Мьюз был слишком стар, чтобы понимать молодежный сленг, но ему вполне хватало интонаций в голосе Бармана, чтобы понять – дело дрянь. Бывший агент Энрофы переживал не из-за появления содомитов, а потому что страх Бармана может сейчас передаться Квенту, и он снова поднимет хай, привлекая местных обитателей.

– Ну, кто тебя там напугал? – спросил Мьюз нарочито небрежно, обращаясь к Барману.

Молодой хранитель не ответил, продолжая наблюдать за уродливыми содомитами, собравшимися возле места крушения. Всего Мьюз насчитал пять особей. Различить детали было невозможно, потому что содомиты не имели определенных форм. Их внешний облик постоянно менялся. Впрочем, в Квазаре формы и размеры не имели особого значения.

– Как такое возможно? – шепотом спросил Барман, когда увидел, как один из содомитов превратился в повозку, на которую другие стали грузить искрящиеся обломки куба.

– Думаю, кто-то поработал над их точками сборки, – ответил Мьюз.

– Что там? – засуетился Квент, и нижняя часть его туловища начала кружить по ледяной пещере.

– Ничего такого, с чем бы мы не справились, – небрежно бросил бывший агент Энрофы.

Неожиданно содомиты прервали погрузку обломков куба и начали жадно принюхиваться, словно только сейчас сообразив, что если есть транспорт, то где-то должны находиться и пассажиры. Двое из них превратились в сложные машины с искрящимися ножами, вращающимися возле поверхности с бешеной скоростью, создавая завихрения и всполохи света, когда задевали верхние слои Квазара. Еще один содомит трансформировался в летательный аппарат с пропеллером, вращающимся по непостижимой траектории над сформировавшимся объектом. Поднявшись над ледяными горами, содомит начал изучать окрестности.

– Куда мы попали, черт возьми? – спросил Мьюза молодой хранитель.

Мьюз промолчал, пытаясь решить, как ему действовать на случай, если их обнаружат. Но опасность крылась не в содомитах. Ледяная пещера, где укрылись хранители, была не отражением материального мира, а ловушкой, идеально вписанной в призрачный пейзаж. Превратившись в пасть, вход в пещеру захлопнулся. Ледяные стены начали сжиматься, открывая новый, похожий на зев проход. Можно было либо остаться и погибнуть, либо двигаться в указанном направлении.

Взвалив на плечи Квента, Мьюз велел Барману держаться рядом.

– Ноги мои не забудьте! – заорал Квент, но нижняя часть его туловища сама пошла за ними, слепо натыкаясь на стены время от времени.

Импровизированная глотка привела пленников в крошечное помещение с низкими сводчатыми потолками и овальными стенами, которые пульсировали, угрожая сжаться в любой момент. Пол был мягким и напоминал человеческие мышцы, покрытые слизью.

– Вы стали пленниками тренировочного лагеря «Мункара и Накира», – сообщил появившийся образ с неопределенным коэффициентом восприятия. – Соблюдайте спокойствие и подчиняйтесь приказам.

Хранители растерянно переглянулись, понимая, что их спутали с содомитами.

– Это ненадолго, – сказал Квент, показывая глазами на зависший образ адаптивных алгоритмов ловушки. – Думаю, сейчас нас сканируют.

Мьюз согласно кивнул. Если адепты поймут, что поймали хранителей, то усилят охрану, но если они поймут, что один из пленников – бывший агент Энрофы, укравший некогда копию воспоминаний их лидера, то шансов на спасение не останется.

Значит, нужно нанести превентивный удар… Мьюз еще продолжал думать об этом, когда инстинкты активировали защитные протоколы модифицированной личности, рождая защитный купол, мгновенно заполнивший свободное пространство вокруг.

Адаптивные алгоритмы ловушки отреагировали мгновенно, но противостояние двух систем длилось недолго – ловушка начала разваливаться, а гул поднялся такой силы, что почти сравнялся с тем, что был незадолго до того, как разбился куб. Мьюз не знал, удастся им выбраться или нет, но остановить процесс не мог. Такое уже было прежде – защитные механизмы активируются автоматически, отказываясь подчиняться тому, кого защищают. Но ни разу они не дали сбой. Так почему что-то должно измениться сейчас?

Мьюз закрыл глаза, не в силах выносить яркий свет, льющийся из трещин разрываемой изнутри ловушки. Спустя мгновение раздался хлопок, и гул внезапно стих. Защитные системы бывшего агента Энрофы устранили угрозу и переключились в режим ожидания. Мьюз выждал несколько секунд, затем осторожно открыл глаза. Вокруг была бескрайняя ледяная пустыня. Рядом лежала верхняя часть туловища Квента. Чуть поодаль его ноги деловито расхаживали взад-вперед.

– Где Барман? – спросил Квент, пытаясь подняться на руках и оглядеться. – Я его не вижу. Что случилось?

– Думаю, взрыв уничтожил его точку сборки, – сказал Мьюз.

– Почему уцелели мы?

– Меня защищают модернизированные протоколы ядер личности, а ты… Вероятно, причина в том, что твоя личность не индексируется сейчас системами Квазара. Поэтому, кстати, ты остаешься в живых, хотя повреждения твоей точки сборки критические.

– Никогда не слышал ни о чем подобном.

– А разве кто-то прежде разбивался на кубе, скорость которого во время переноса вызывает смещение точки сборки? Учти, что наша скорость была выше. Плюс мои защитные механизмы спасли нас. Не думаю, что подобное стечение обстоятельств имело место быть до сегодняшнего дня. Остается лишь надеяться, что Барман не превратится в призрака, а вернется в оставленное тело.

– Почему, если я застрял здесь, то с ним не могло произойти то же самое? Просто его точка сборки не пострадала, и мы не могли проверить это.

– Не стану отрицать такой возможности.

– Черт!

Они притихли, услышав далекий стрекот. Над ледяными горами появился летательный аппарат, в который чуть раньше превратился содомит.

– Только этого не хватало! – шумно выдохнул Квент.

– Может быть, так даже лучше, – задумчиво произнес Мьюз.

– Ты спятил?

Вместо ответа бывший агент Энрофы подхватил Квента на руки и бегом понес его в небольшую выбоину во льдах, где можно было укрыться.

– Что ты делаешь? – заорал искалеченный хранитель.

Мьюз грубо бросил его в укрытие.

– Лежи и не высовывайся, – буркнул он, возвращаясь на открытую ледяную поляну, где оставшаяся нижняя часть туловища Квента привлекла внимание содомита.

Летательный аппарат замер, поворачиваясь к чужаку. Чуть ниже безумно вращавшегося винта виднелись два глаза, большие и синие.

– Жертва! – произнес содомит, раскрывая расположенный над глазами беззубый рот.

Воздушные завихрение, рождаемые вращающимся винтом, подхватили пухлые губы и потянули вверх. Рот вывернулся наизнанку, обманув ловушку собственного тела. Содомит оглянулся, посмотрев на бесхозные ноги и нижнюю часть туловища Квента, затем снова посмотрел на Мьюза, взвешивая, какая из двух жертв выглядит привлекательней. Оценка проводилась с опорой исключительно на ценности и правила свихнувшегося сознания.

– Ноги без туловища никуда не денутся, в отличие от меня, – сказал Мьюз. – Разделайся сначала со мной, а потом займешься остальным.

Рот содомита раскрылся в хищном оскале, но завихрения от винта, находящегося в опасной близости от пухлых больших губ, заставили его спешно закрыться. Мьюз не двигался, готовясь к нападению. «Лишь бы мои защитные системы не уничтожили полностью точку сборки содомита», – думал он, наблюдая, как приближается летательный аппарат, которым управляло сознание, принадлежащее когда-то жителю КвазаРазмерности. Если повезет, то удастся просканировать временные воспоминания, сохранившиеся в точке сборки содомита. Главное – сделать все быстро.

Летательный аппарат приблизился к Мьюзу и ударил его в грудь появившимся из центра огромным кулаком. Точка сборки старого хранителя мгновенно отреагировала острой болью, передавая необходимую информацию сознанию. Защитные

системы не сработали, не сочтя опасность смертельной.

– Вот ведь! – Мьюз с трудом поднялся, активируя дезинтегратор. – Надеюсь, ты не взорвешься, как ранее твой собрат?

Летательный аппарат не ответил, готовясь к новой атаке. Мьюз прицелился в уродливый рот и выстрелил. Содомит ловко увернулся. Удалось выпустить еще три заряда, попадания которых летательный аппарат также сумел избежать. Теперь вместо огромного кулака появился острый шип. Наконечник, нацеленный Мьюзу в грудь, искрился накопленной энергией, готовый не только повредить точку сборки противника, но и, возможно, добраться до ядер личности. Никогда прежде старый хранитель не встречал содомитов с подобными модификациями. Впрочем, раньше он никогда не попадал в такое количество неприятностей за один день, особенно в последние годы. Возможно, стареющее тело уже не может поставлять столько энергии в извлеченное сознание, и поэтому сверхспособность не активируется?

Понимание, что помощь может не прийти, заставила Мьюза засуетиться, пытаясь найти выход своими силами, но ничего, кроме как снова попытаться использовать дезинтегратор, в голову не пришло. Старый хранитель выстрелил два раза. Содомит вильнул сначала влево, затем вправо и неожиданно резко ускорился. Охранные системы Мьюза наконец-то активировались, образовав защитное поле, в которое врезался содомит, не успев остановиться, выбив сноп искр. Энергетическая волна прокатилась по ледяной поляне, опрокинув бесхозную нижнею часть туловища Квента.

Содомит завыл, разинув рот. Пухлые губы тут же засосало в винт, который разваливался после столкновения с силовым полем. Летательный аппарат потерял управление и начал хаотично крутиться, пока, ударившись о поверхность, не развалившись на составляющие, к большей из которых подошел старых хранитель, надеясь, что успеет проанализировать сохранившиеся в протоколах точки сборки воспоминания.

Дневной отчет о перемещениях содомита, покрывавшего, будучи летательным средством, немалые территории, показал много ненужной информации подключившемуся к ТС Мьюзу, который использовал специально разработанные для хранителей протоколы анализа, но нужного долго не удавалось найти. Сведения о расположенном неподалеку лагере адептов не интересовали бывшего агента Энрофы. Он искал рабочую точку энергетической сцепки, чтобы убраться отсюда, а также, если повезет, информацию о поселении содомитов. Ему повезло –

удалось не только найти ТЭС, но и составить достаточно неплохую карту окрестностей.

– Выдвигаемся сейчас или дождемся перезагрузки? – спросил Квент.

Мьюз окинул его изуродованный образ внимательным взглядом, затем покосился на его ноги, деловито расхаживающие неподалеку, и решил, что не сможет возиться с двумя частями одной точки сборки. А ноги бросить нельзя – неизвестно, как система фильтрации отнесется к половине тела.

– Надеюсь, завтра увидимся, – сказал Квент незадолго до перезагрузки. – Хотя если я очнусь в Размерности, то не расстроюсь, – хранитель криво улыбнулся, желая скрыть страх превратиться в призрака, выброшенного из системы в случайный временной набор.

– Все будет хорошо, – пообещал ему Мьюз.

Они заснули в крохотной пещере, отражающей материальный мир, сменив локацию на случай, если на месте крушения куба появятся адепты, желая разобраться, что случилось с их ловушкой.

Снов не было, по крайней мере Мьюз их не запомнил – что-то густое и темное, словно кровь или слизь, в которой он тонул, пока не понял, что это сон, и не перестал сопротивляться. Тогда кровь превратилась в абсолютную темноту.

Когда закончилась перезагрузка и загрузился созданный в Подпространстве мир нового дня Квазара, проснулись местные жители. Мьюз открыл глаза, не увидел Квента и решил, что хранитель либо вернулся в свое тело, оставленное в терминале материального мира, либо превратился в призрака.

Выбравшись из убежища, бывший агент Энрофы проверил добытую вчера информацию о ближайших ТЭС. Путь был неблизким, учитывая, что местность кишела ловушками. Согласно добытой карте нужно было миновать несколько каньонов, контролируемых группой содомитов, промышлявших возле расположенного на границе их территорий исследовательского центра акеми, где алхимики Квазара экспериментировали с точками сборки. Материал ученым поставляли представители тайного альянса крупных торговцев Квазара, базировавшихся в районах отражений жилого комплекса Hexactinellida. Акеми считали, что им поставляют содомитов, но наемники, которым торговцы платили за охоту на отбросов общества, иногда доставляли в исследовательский центр туристов из Размерности, имевших глупость отклониться от официальных маршрутов.

Альянс собирался отделить территории жилого комплекса

Hexactinellida от остального мира Квазара, хотя некоторые говорили, что планы их распространяются и на материальный мир Размерности. Причиной служило недовольство гегемонией Galeus longirostris над тремя уцелевшими комплексами. Торговцы считали, что большинство законов принимается с учетом экономических особенностей и в пользу исключительно главного жилого комплекса, игнорируя два других. Особенно остро подобный подход стал ощущаться после теракта в Isistius labialis.

Большинство патентов и сертификатов Институт всемирной иерархии либо заворачивал, либо подбивал под установленные законы так, что все выгодные и полезные нововведения проходили в центральном комплексе. Hexactinellida получала жалкие крохи. Даже собственные изобретения, которых в последнее столетие значительно прибавилось, отправлялись сначала в Galeus longirostris, а затем перераспределялись клириками. Подобное положение вещей совершенно не устраивало инвесторов Hexactinellida, вложивших в реформу образования родного комплекса немалые средства единиц Влияния, ожидая дивидендов в виде новых технологий, которые присваивали себе клирики, палец о палец не ударившие, чтобы повысить уровень образования жителей Hexactinellida.

Институт всемирной иерархии знал о недовольствах периферии, но не придавал этому значения, не обнаружив в ходе тщательной проверки угрозы власти Размерности. О том, что происходит в Квазаре, они заботились еще меньше, считая альянс торговцев головной болью адептов «Мункара и Накира». Сейчас для Иерархии главным был эксперимент с использованием нейронных сетей седьмого поколения, проходивший в жилом комплексе Isistius labialis. Образуйся альянс торговцев там, то клирики, несомненно, отреагировали бы мгновенно, организовав офис по борьбе с несогласными.

«Хотя, если мне удастся вернуться в Размерность и показать, как далеко зашли эксперименты альянса, то это, пожалуй, вызовет интерес Иерархии», – подумал Мьюз, пытаясь не обращать внимания на внезапный приступ слабости, случившийся, едва он выбрался из убежища. Кажется, вчерашние приключения высосали из ядер личности слишком много необходимой для существования энергии, чем хотелось.

Покинув окруженную горами ледяную поляну, Мьюз увидел Квента. Точка сборки после перезагрузки Квазара обновилась, и теперь верхняя и нижняя части туловища снова стали одним целым.

– Рад, что с тобой все в порядке, – искренне произнес бывший агент Энрофы.

Квент обернулся, смерив его хмурым взглядом.

– Что не так? – насторожился Мьюз. – Недоволен, что система вернула тебя в Квазар вместо Размерности?

– Если бы… – Квент замолчал и пошел прочь.

– Куда ты? – крикнул ему вслед Мьюз.

– Понятия не имею. Эти ноги иногда подчиняются мне, а иногда живут своей жизнью… – Он остановился. – Вот, сейчас контроль вернулся на какое-то время. Потом снова все повторится… Я, когда проснулся, сначала обрадовался, хотел тебя разбудить, но не смог, а потом ноги сами пошли прочь с поляны…

– Ты говоришь, что не смог меня разбудить? – перебил коллегу Мьюз.

– Да, мне это тоже показалось странным, – согласился Квент. – Обычно в Квазаре все просыпаются и засыпают примерно в одно время, но тогда… Мои ноги отказались служить мне и понесли прочь. Сам понимаешь, ни о чем другом я думать не мог. У тебя есть догадки, почему это происходит со мной?

– На сбой точки сборки не похоже.

– Согласен.

– Значит, повреждения на уровне ядер личности?

– Не исключаю.

– Черт! – Квент пытался держать себя в руках, не поддаваясь панике. – Выходит, есть шанс, что, вернувшись в Размерность, я тоже не смогу ходить?

– Если повреждены ядра личности, то – да.

– И что послужило причиной?

– Возможно, перегрузки, когда мы были в кубе переносов. Вчера, например, когда я сражался с содомитом, мои сверхспособности не активировались с первого раза, а сегодня я чувствую непонятную слабость. Не исключено, что я тоже пострадал во время вчерашнего переноса.

– Или во время аварии.

– Сомневаюсь.

– Я говорю не о тебе. Ты в порядке, а твои жалобы – это ерунда. Я думаю, что твои сверхспособности, примененные во время моего спасения, могли повредить мою личность.

– Маловероятно.

– Но ведь они работают непосредственно с системным кодом Подпространства и ядрами личности. Разве нет?

– Процесс плохо изучен, Квент…

– Вот именно! – хранитель выругался, потому что вышедшие из-под контроля ноги снова понесли его прочь. – Если останусь калекой, когда вернемся в Размерность, то я никогда тебе этого

не прощу!

– Вчера ты мог превратиться в призрака, но вел себя достойнее… – Мьюз собирался добавить о том, что они хранители и должны держать себя в руках, но приступ внезапной слабости заставил его замолчать. Мир затянула тьма.

Когда он очнулся, то понял, что Квент несет его на плечах к точке энергетической сцепки. В руках у хранителя был энергетический хлыст, которым он охаживал свои ноги каждый раз, когда они пытались своевольничать. Какое-то время Мьюз продолжал притворяться, что находится в отключке, решив, что трудности, похоже, идут Квенту на пользу. Особенно те, где нужно не думать, а действовать через не могу, превозмогая боль и усталость. Похоже, это трезвило сознание хранителя лучше, чем сотни слов. Да и Мьюз не был уверен, что сможет сейчас передвигаться самостоятельно – сознание вернулось, но слабость продолжала сковывать тело. Что-то определенно было не так, но вот что?

Сбой точки сборки отпадал, так как неприятности начались сразу после перезагрузки. Разве что на связи ТС с сознанием влияло само место? Не зря ведь резонансные инженеры советуют держаться подальше от неиндексированных территорий! «Или у меня просто начали угасать ядра сознания, – спокойно отметил ветеран, пытаясь решить, что могло послужить причиной угасания. – Либо погибло мое тело, оставленное в терминале Размерности, и разорвалась связь с сознанием, либо ядра личности получили сильные повреждения. Но как?»

Мьюз гадал над ответом до тех пор, пока Квент не добрался до точки энергетической сцепки. Проведенный анализ показал искусственную природу ТЭС. Иерархия знала о подобных разработках. Вначале клирики пытались с этим бороться, решив, что созданные акеми точки энергетической сцепки смогут навредить колесу переносов, но затем поняли, что это бесполезно и бессмысленно. Искусственные ТЭС были нестабильны и вместо того, чтобы напрямую черпать энергию Подпространства, использовали собственные источники. Они не могли остановить куб и тем более колесо во время настоящего переноса и действовали немногим лучше пульсара – примитивной системы передвижения по городам Квазара. Искусственные ТЭС обычно использовали адепты или ученые акеми, обитавшие в неиндексированных территориях. Они создавали свои базы и лаборатории вдали от основных зон, где появлялись точки энергетической сцепки. Искусственные ТЭС заменили морально устаревший пульсар, взаимодействуя с настоящими кубами, позволяя им совершать короткие переносы.

– Думаю, ты можешь поставить меня на ноги, – сказал Мьюз, когда напарник запустил анализ полученной днем ранее от содомита информации.

Квент планировал вычислить систему, согласно которой на искусственной ТЭС появлялись кубы переносов, но системы не было.

– Куб может появиться здесь завтра, а может через месяц, – сказал Квент.

– Боюсь, я не смогу ждать месяц, – произнес Мьюз, сообщив, что причиной своей слабости считает повреждения ядер личности. – Не знаю, сколько мне осталось, но… – он замолчал, услышав нарастающий гул.

Искажая пространство, куб переносов появился так неожиданно, что хранители не успели активировать дезинтеграторы. Яркие вспышки заставили закрыть глаза. Перегрузки искусственной ТЭС вызвали неконтролируемый выброс энергии. Ударная волна сбила хранителей с ног – еще одна причина, почему изобретение акеми не могло заменить устаревший пульсар в населенных пунктах Квазара.

Акеми и хозяин куба уставились на посторонних возле ТЭС, решив сначала, что это содомиты. Хозяин куба по имени Чи-Гри активировал дезинтегратор. Ему нужно было продержаться пару минут, чтобы настроить куб на прыжок до лаборатории акеми. С модифицированными содомитами у него, конечно, не было бы шансов, но акеми, проводившие над ними опыты по указке торговцев из цивилизованной части Квазара района Hexactinellida, добавляли подопечным протоколы блокировки, запрещавшие нападать на кубы переносов. Так что во время переноса если опасность и грозила, то исходила она разве что от обычных изгоев, выброшенных системой из цивилизованного мира, которые могли забрести в этот район случайно. Других непрошеных гостей уничтожали модифицированные содомиты, превращенные в первую защитную линию лаборатории акеми.

Что касается адептов, то они знали о контролируемой акеми территории и предпочитали обходить ее стороной, соблюдая нейтралитет, но если было нужно, то их оружие, способное выбрасывать сознания в свободный временной набор Подпространства, превращало машины смерти акеми в груды бессмысленной энергии, скрепленной набором протоколов, после того как сознание содомита покидало резонанс Квазара.

Хранителей в этих территориях не было отродясь, так что хозяин куба замешкался, увидев образы служителей Института всемирной иерархии.

– Вы стали модифицировать содомитов, делая их похожими

на хранителей? – спросил Чи-Гри пассажира.

Акеми качнул головой.

– Тогда какого… – хозяин куба вскинул руку, собираясь выстрелить из дезинтегратора, но предыдущей паузы хватило хранителям, чтобы прийти в себя после энергетического удара.

Квент выстрелил дважды, опережая Чи-Гри, но защитные системы куба остановили заряды дезинтегратора. Ответ последовал незамедлительно. Хранители прыгнули в стороны. Квент выстрелил еще трижды, затем его ноги, выйдя из-под контроля, пошли прочь. Хранитель выругался, пытаясь изогнуться так, чтобы продолжить обстрел куба.

Никогда прежде Чи-Гри не сталкивался лицом к лицу с хранителями. Сейчас, понимая, что может забрать жизнь одного из них, он чувствовал приятное волнение. Оставалось лишь прицелиться и выстрелить. Мьюз продолжал обстрел куба, но защитные системы успешно сдерживали его атаку.

– Эй! – заорал он хозяину куба, надеясь привлечь его внимание. – Стреляй в меня! Слышишь?

Бывший агент Энрофы понимал, что сил у него осталось мало, но сейчас выбирать не приходилось – пусть сверхспособности еще один раз послужат ему. Но Чи-Гри уже выбрал себе жертву. Он выстрелил Квенту в спину, разрушая целостность точки сборки, после чего образ бедолаги исчез почти сразу, и тут же хозяин куба прицелился второму хранителю в грудь.

– Кажется, он сдается, – неверно истолковал находившийся в кубе акеми действия Мьюза.

– Плевать, – процедил Чи-Гри, вошедший в азарт.

Победить двух хранителей за один день… Подумать только!

Системы защиты Мьюза активировались одновременно с выстрелами хозяина куба. Силовое поле помогло избежать попаданий. Понимая, что силы скоро закончатся, Мьюз перешел в атаку. Не было у него времени ждать нового появления здесь куба, да и смысла в отступлении не было. Так что оставалось бежать вперед, надеясь, что сверхспособности окажутся сильнее защитных систем куба.

Чи-Гри продолжал стрелять, не понимая, почему заряды не достигают цели, когда Мьюз врезался в защитное поле куба. Энергетический выброс сбил Чи-Гри и акеми с ног, выбросил с поверхности транспортного средства Квазара. Защитные системы отключились, позволяя Мьюзу без особого труда подключиться к органу управления и заставить куб совершить перенос к предыдущей точке энергетической сцепки.

Появившиеся нити вцепились в искусственную ТЭС,

перекачивая необходимую энергию. Хозяин куба очнулся, понял, что происходит, но не успел даже выстрелить – куб исчез.

Дискомфорта от переноса не ощущалось – скорость была небольшой, и связь точки сборки с сознанием оставалась на минимально допустимом уровне, позволяя контролировать свой образ.

Добравшись до настоящей ТЭС, пригодной для дальних переносов, Мьюз серией прыжков вернулся на прежний маршрут к поселению содомитов – помогли огромная база данных хранителей, добавленная перед отправлением в Квазар в ядра воспоминаний, и полный доступ ко всем появлявшимся точкам энергетической сцепки, которые удавалось зарегистрировать системам контроля переносов, созданным резонансными инженерами.

Дорога заняла у Мьюза почти два дня, и, когда он добрался до поселения содомитов, сил осталось совсем мало. Ядра его сознания угасали слишком быстро. Мьюз понимал, что пройдет еще пара недель, и он превратится в призрака, но старался не думать об этом. От судьбы не убежишь. И даже если вернуться в Размерность, то это ничего не изменит. Он стар, и его век подходит к концу. Использование сверхспособностей просто немного приблизило неизбежный конец. Подобное угасание наблюдается и за некоторыми древними жителями Квазара. Старики блекнут, теряя необходимую для существования ядер сознания энергию. Так распорядилась природа… Или таинственный Архитектор мира, как считают квазацентристы, на бывшую базу которых прибыл Мьюз.

Его встретила группа диких содомитов, рыскающих вокруг поселения. Миф о рае для изгоев КвазаРазмерности давно разлетелся по миру, заставляя людей искать поселение. Обычно это были содомиты, но иногда и просто смельчаки, уставшие от безмятежной жизни и желающие пощекотать себе нервы. Они нанимали отчаянных владельцев кубов переносов, которые доставляли их в сектор, где находилось поселение. Конечно, девяносто девять процентов из них врали, выбрасывая доверчивых туристов где-нибудь в неиндексированных территориях, взяв плату за перенос и тут же сбежав, но некоторые держали слово. Здесь смельчаков встречали дикие содомиты. Протоколы их ТС давно утратили человеческий облик, став похожими на уродливых монстров, с которыми они ассоциировали себя… Сейчас, клацая зубами, эти монстры приближались к Мьюзу.

Он выстрелил в них несколько раз из дезинтегратора, понял тщетность попыток и воспользовался сверхспособностями,

потратив часть драгоценной энергии. Созданная бывшим агентом Энрофы световая волна ослепила диких содомитов, но в мире энергии зрение было не главным органом чувств, особенно для тех, кто позиционировал себя охотником.

Мьюз выругался и повторил атаку. На этот раз световая волна расчленила нападавшую группу диких содомитов на уровне пояса, лишив мобильности. Собрав оставшиеся силы, бывший агент Энрофы предпринял короткий спурт до границ поселения, где его ожидал новый сюрприз – защитный барьер, едва не разрушивший точку сборки. Спасли сверхспособности, создав защитный кокон, позволивший преодолеть препятствие.

– Новенький? – задал вопрос говорящий дом, не успел Мьюз отдышаться. – Мы любим новеньких. Поиграем?

Бывший агент Энрофы не ответил.

– Не капризничай! – промурлыкал дом и начал приближаться. – Меня зовут Лат-Ри, а тебя?

– Мьюз.

– Мьюз, – протянул нараспев дом. – Хорошее имя. Мне нравится… Давай поиграем, Мьюз.

Дверь в дом гостеприимно открылась. Мьюз замер, не зная, что делать.

– Не вздумай войти туда, – сказала женщина, образ которой был настолько уродлив, что хранитель подумал, не пробрался ли на территорию поселения дикий содомит.

У женщины была крохотная голова и огромные раскосые глаза, занимавшие большую часть лица. На голове красовались два пучка рыжих волос. Волосяной покров подчеркивал в ней жительницу Размерности, поскольку у коренных обитателей Квазара волосы на теле, как правило, отсутствовали. Если, конечно, образ уродливой женщины не был изменен – в последние время тенденция переписывать протоколы ТС становилась дурной модой богачей и преступников.

– Меня зовут Эсфирь, – представилась женщина.

– Мьюз, – ответил бывший агент Энрофы.

– И что привело тебя к нам, Мьюз?

– Легре.

– Легре? – большие глаза уродливой женщины начали вращаться быстрее.

– Что ты знаешь о нем? – спросил Мьюз, стараясь следить не только за говорящим домом и Эсфирь, но и за другими местными содомитами, выходившими из строений, чтобы посмотреть на новичка.

«Пожалуй, еще одной заварушки мне не пережить», – подумал бывший агент Энрофы.

– Легре сказал, что здесь я смогу получить ответы, – осторожно произнес он, не особенно надеясь, что с содомитами удастся вести диалог.

– Откуда ты знаешь Легре, хранитель? – спросил содомит-мужчина, выступая из толпы.

– А откуда ты знаешь, что я хранитель? – ответил вопросом на вопрос Мьюз.

– Когда-то я был таким, как ты, – он подошел ближе. – Теперь ты ответь на мой вопрос.

– Я познакомился с Легре много лет назад, когда скрывался в неиндексированных территориях от адептов. Легре тоже скрывался от кого-то, поэтому мы объединились.

– Легре скрывался от таких, как ты, хранитель, – сказал содомит-мужчина.

– В те годы я не был хранителем.

– Вот как?

– Это долгая история, истоки которой не касаются моей дружбы с Легре.

– Это уже не тебе решать, – вмешалась в разговор Эсфирь.

– Так вы не отрицаете, что знакомы с бывшим клириком?

– Нет, – осторожно произнесла уродливая женщина. – Но мы давно его не видели. У него свой путь. Как сказала одна сложная система КвазаРазмерности, способная предсказывать будущее, – у каждого из нас своя судьба, свое место в истории и свое время выходить на сцену жизни. Часть спектакля мы уже сыграли. Осталось выступить в финальной части. У Легре, согласно сценарию, выход состоялся чуть раньше.

– Понятно, – протянул Мьюз, решив, что общаться на старости лет с содомитами – это слишком даже для бывшего агента Энрофы. – Если бы я еще знал, что такое спектакль…

– Когда-то давно так называлась постановка, разыгранная актерами, которым заранее был известен финал.

– Понятно…

«Ну, точно сборище чокнутых, – подумал Мьюз. – И что самое печальное – Легре, кажется, действительно жил здесь».

– Не вижу ничего в этом печального, – вмешался в разговор еще один содомит.

Это был немолодой мужчина, и, когда он подошел ближе, Мьюз почувствовал, как обострились инстинкты, реагируя на исходившую от мужчины опасность.

– Меня зовут Фарон, – представился содомит, обернулся, бросив взгляд на женщину за своей спиной. – Это моя спутница Анк. Бывшего хранителя, не поверившего в твою историю, зовут Рафаэль, а с нашей молодой союзницей по имени Эсфирь ты,

кажется, уже познакомился.

– Как вы смогли прочитать мои мысли? – спросил Мьюз.

– Ты слышал о нейропатах?

– Нейропатия не действует в Квазаре.

– Я хотел сказать, что технологии не стоят на месте.

– Нейропаты – это процесс эволюции, а не результат разработок ученых.

– Правда? – на губах Фарона появилась горькая улыбка. – И ты думаешь, что они могли появиться, если бы Размерность не была пронизана нейронными сетями? Нет, мой юный друг, сейчас такое время, что эволюцию человечества диктует не природа, как раньше, а технологический прогресс.

– И какой технологический прогресс позволил вам читать мысли в Квазаре?

– А какой активировал твои сверхспособности? – Фарон широко улыбнулся, увидев растерянность на лице собеседника. – Иногда в нашей жизни многое определяет случай. Конечно, найдутся те, кто станет утверждать, что все прописано в плитке многоуровневости бытия и каждый наш шаг предрешен, но я не сторонник подобного фатализма.

– Легре говорил мне, что узнал секрет вечной жизни. Ваши слова имеют к этому какое-то отношение?

– Не только слова, но и вся моя история, – новая улыбка появилась на губах Фарона. – Полагаю, ты знаешь, что миры материи и энергии разделяют временные мембраны. В некоторых местах грани со временем теряют прочность, становятся тоньше, позволяя одному миру просачиваться в другой. Квазацентристы считают, что подобное происходит незадолго до очередной перезагрузки нашего мира.

– Я не верю в учения тех, кто занимался поисками центра мира и считал, что существование миров зависит от воли и потребностей Архитектора.

– Не веришь всем сердцем или отрицаешь потому, что подобное не вписывается в догмы Всемирной иерархии?

– Что это меняет?

– Ничего, если не считать, что ученые Энрофы не отрицают существование Архитектора мира.

– Я уже давно не имею ничего общего с Энрофой.

– А то, что клирики спонсировали исследования квазацентристов, для тебя не имеет значения? То, что базы класса «Виадос», занимавшиеся поиском и изучением тонких граней, спонсировались Иерархией, – тоже неважно?

– Что это меняет? Клирики старались сохранить мировой порядок, не позволив частным компаниями заняться

разработками альтернативных источников энергии.

– Поверь мне, мировой порядок бы не рухнул, закончи квазацентристы свои исследования. Просто клирики испугались, что на новом этапе развития жизни Всемирной иерархии не нашлось бы места.

– Допустим, в этом есть доля истины, – согласился Мьюз. – Но какое это отношение имеет к… – он замолчал, не зная, как передать детали разговора с Легре.

– Ты хочешь спросить, как это связано с вечной жизнью? – не стал ходить вокруг да около Фарон.

– Я не верю в вечную жизнь, – спешно ответил Мьюз. – Мне просто интересно: как мой старый друг смог сохранить молодость? Клирики считают, что это может быть как-то связано с тем, что он некогда изучал возможность перекачивания энергии Подпространства в материальный мир посредством тонких граней временных мембран.

– А ты знаешь, что он верил в тебя? Верил, что ты поддержишь его и, возможно, присоединишься к нам? – взгляд Фарона стал колким. – А чем отблагодарил его за эту веру ты?

Мьюз смутился на мгновение, затем решил играть в открытую.

– Я сдал Легре клирикам, которые приговорили его к пожизненному сроку в коррекционной тюрьме, – сказал бывший агент Энрофы, решив, что Фарон давно уже увидел это в его мыслях.

Содомиты недовольно зашептались. Фарон поднял руку, заставляя их замолчать, дождался, когда воцарится тишина, и предложил Мьюзу продолжить разговор у него в доме, вдали от любопытных глаз.

– Я познакомился с Легре во времена, когда на месте нынешнего поселения содомитов находилась база квазацентристов «Виадос-12», – сказал он после того, как энергетические стены его строения оградили их от возмущенной толпы. – Мы с Анк были молодыми инженерами Размерности, не нашедшими себе места в материальном мире. В Квазаре, как мы надеялись, все будет по-другому. К тому времени эксперимент Легре по передаче энергии Подпространства в Размерность посредством тонких граней провалился. Ошибка стоила жизни группе ученых – таких же отступников, как и Легре, веривших, что спасают своими тайными разработками судьбу Иерархии… – Фарон грустно улыбнулся. – Мы с Анк потратили на переезд все имевшиеся сбережения. Превратность судьбы в том, что организатор нашего переезда оказался пройдохой, поселившим нас в дом, где некогда

проживала группа ученых, возглавляемая Легре. Так наши с ним судьбы пересеклись – мы нашли результаты незаконченных экспериментов, в которых я или Анк вряд ли бы смогли разобраться, если бы не помощь акеми по имени Аст-Пла. В общем, увлеченные, мы решили продолжить эксперимент погибших клириков и едва не погибли сами. Родственники Аст-Пла смогли спасти нас, но изменения буквально заново собранных ядер наших личностей оказались настолько критическими, что нарушилась связь с оставленными в Размерности телами. Терминалы сочли нас погибшими. Мы застряли в Квазаре. Долгое время ждали, что начнем угасать, превращаясь в призраков, но потом оказалось, что инцидент изменил нас настолько, что теперь мы черпаем необходимую для существования энергию непосредственно из Подпространства, осуществляя связь с субслоями посредством тонких граней. Родственники Аст-Пла хотели продолжить эксперимент, ведь наш случай приближал всех акеми к их мечте – созданию детей Квазара, но клирики, узнав о провале группы отступников, решили закрыть базы квазацентристов класса «Виадос», отправив на ликвидацию представителей агентства «Энеида», чтобы стереть все упоминания об экспериментах. Большинство баз не представляло интереса, так как исследования временных мембран только начинались и многие центры исследований были созданы вдали от необходимых для передачи энергии тонких граней. По существу, главную ценность из всех баз представляла только «Виадос-12». К тому же к этой базе были привязаны я и Аст-Пла. Покидая ее, мы начали угасать, превращаясь в призраков. Учитывая, что других живых доказательств возможности перенаправлять энергию не было, наши жизни имели большую ценность. Легре понимал, что ему грозит за проступок, но решил, рискуя всем, вернуться в Иерархию, чтобы убедить клириков, не желавших мараться в устранении последствий неудачи, позволить ему исправить содеянное… Так на свет появилось поселение содомитов, организованное на месте базы «Виадос-12», которое, как уверял клириков Легре, должно было лишить сторонних разработчиков возможности продолжить его исследования тонких граней. В действительности это позволило мне и Аст-Пла вернуться сюда, когда суета ликвидации баз класса «Виадос» улеглась… – Фарон замолчал, предаваясь нахлынувшим воспоминаниям.

Несколько минут Мьюз терпеливо ждал, затем новый знакомый продолжил.

– В первые годы было очень сложно. Нужно было работать с содомитами бок о бок, а это означало, что любая потеря

бдительности смерти подобна. К тому же клирики приглядывали за поселением долгие годы. Так что время от времени нам приходилось спешно сворачивать исследования и сдавать позиции, прячась в неиндексированных территориях Квазара. В такие моменты мы с Аст-Пла снова начинали угасать. Забавно, но наши точки сборки реагировали на это, передавая образу процесс старения. Часть родственников Аст-Пла вернулась к своим проектам, часть осталась с нами. Одни из них верили в науку, надеясь вписать в историю свои имена, другие работали, потому что верили творению Чанго, которое могло предсказывать будущее. Чанго был нейропатом первой волны, разрабатывавшим сторонние программы для модулятора тестов эмпатии, созданного Иерархией. Мы познакомились с ним, как и с Аст-Пла, здесь, на базе «Виадос-12». Никогда не понимал, что нейропату делать в Квазаре, хотя мне и Анк здесь тоже было делать нечего. Наверное, у каждого своя история и свои перекрестки, как иногда говорит созданная Чанго программа. Она хочет, чтобы мы называли ее Юмико, но большинство ученых, пытавшихся анализировать детище Чанго, сошлись на том, что это очередное выпадающее уравнение схем жизнеустройства, призванное привести мир к балансу, заставляя двигаться маршрутом, заданным Архитектором. Впрочем, в существование последнего я никогда особенно не верил… Чанго признается, что и сам не знает, как создал Юмико…

– Похоже на случай с появлением у меня сверхспособностей, – прервал собеседника Мьюз.

– В каком-то роде, – согласился Фарон, смерив его внимательным взглядом.

– Выходит, я тоже – выпадающее уравнение? – старый хранитель криво улыбнулся.

– В каком-то роде, – согласился Фарон. – Только не выпадающее уравнение в целом, а его мизерная часть – так будет ближе к истине.

– А кем ты считаешь себя в этой истории?

– Такой же мизерной частью. Мы все – лишь хлебные крошки, из которых выложена дорога к разгадке тайн науки. Сейчас мы бродим в дебрях знаний. Но шаг за шагом продвигаемся вперед. Ты знаешь, что такое хлебные крошки и какова их роль в древних сказаниях?

Бывший агент Энрофы покачал головой.

– Тогда забудь о хлебных крошках и вернись к пониманию выпадающего уравнения, где мы с тобой – одни из множества постоянных среди бесконечной череды переменных. И ответ узнать невозможно. Сменятся, возможно, десятки поколений,

прежде чем завершится одно из выпадающих уравнений ныне существующей реальности. И таких уравнений очень много. Они повсюду. Большие и маленькие. Сложные и нелепые до простоты. Говорят, подобные уравнения появляются даже на игровых площадках. Но в итоге каждое из них служит чему-то большему, а момент зарождения может уходить корнями в далекие времена. Юмико, например, зародилась задолго до наступления Великого ледника. Вряд ли ее создатель думал в те дни о том, какую роль сыграет его детище тысячелетия спустя.

– И какую роль, по-твоему, оно должно сыграть? – спросил Мьюз, устав от алхимии Подпространства и диких теорий, свойственных акеми и…

«Не нужно забывать, что вся их история может оказаться вымыслом, а они простыми содомитами», – сказал себе бывший агент Энрофы, однако вера его давно пошатнулась. Как бы там ни было, но Легре оставался его другом, которому он не раз доверял жизнь. А Легре, судя по всему, верил этим людям…

– Мы думаем, что появление Юмико необходимо для того, чтобы человечество перешло на новую ступень бытия, – ответил Фарон на вопрос хранителя. – Пока мы не можем рассчитать хотя бы приблизительно, что нас ждет, но в процесс переформирования втянуты практические все важные элементы современного мира: клирики, хранители, адепты, ученые Энрофы, инженеры Размерности, влиятельные финансисты и монополисты, нейропаты и даже разработчики современных игровых площадок. Я уже не говорю о множестве простых людей и второстепенных открытий, которые вносят свою лепту в процесс формирования выпадающего уравнения Юмико. Представь, сколько переменных было задействовано давным-давно, когда Юмико только зарождалась. И не забывай, что она не смогла бы уцелеть без развития нейронных сетей, история которых вбирает в себя миллиарды судеб и тысячи важных исторических событий.

– Так Легре тоже верил в Юмико? – задал Мьюз давно вертевшийся на языке вопрос.

Положительный ответ Фарона показался логичным и закономерным, особенно информация о том, что на встречу с Мьюзом его отправила Юмико.

– Вот только какой прок от того, что Легре попал в коррекционную тюрьму? – спросил хранитель, решив, что нашел брешь в теории Фарона.

– Череда событий иногда движется по неизъяснимому пути. Одни развиваются быстрее, другие – медленнее. Поэтому, чтобы они пересеклись в нужной точке, необходимо подгонять одни

и замедлять другие.

– Так Легре, по мнению Юмико, жил слишком быстро?

– Возможно, хотя не исключено, что это ты жил слишком медленно. И, послав к тебе Легре, Юмико спровоцировала череду событий, благодаря которым ты оказался в нашем поселении.

– И какой вам от меня прок? Ядра моего сознания угасают. Скоро я превращусь в призрака.

– Возможно, по дороге сюда ты мог столкнуться с кем-то, кто станет переменной в гигантском уравнении или повлиял на что-то очень важное. Я вижу, что твой путь сюда был нелегок…

– Все это похоже на очередную алхимию акеми.

– Работать, глядя в будущее, всегда сложнее, чем с оглядкой на прошлое.

– Не думаю, что доживу до дня, когда ты сможешь доказать свои слова.

– Сомневаюсь, что кто-то из ныне присутствующих здесь доживет до этого, – примирительно улыбнулся Фарон. – Наука, как и мир, складывается из поколения в поколение, а не пишется за несколько лет. Грани и базисы давно стерлись. Мы строим многоэтажный дом, забыв о том, каким был фундамент, и перестав вести счет этажам.

Глава вторая

Эсфирь оставалась в поселении содомитов до тех пор, пока ядра сознания Мьюза не угасли, превратив его в призрака. Бывший агент Энрофы оказался хорошим и мудрым собеседником. Эсфирь нравилось слушать его истории. Если бы не тот факт, что по его вине Легре оказался в коррекционной тюрьме, то она, возможно, смогла бы назвать старого хранителя другом.

Фарон учил быть терпимым, принимая любые превратности судьбы как дар, а не проклятие, но Эсфирь, наверное, была пока слишком молода, чтобы понять эту мудрость. Она смотрела на Фарона и убеждала себя, что когда-то он тоже был другим. Бессмертие меняет людей, заставляет смотреть на вещи под другим углом. Что касается Эсфирь, то терпимость никогда не была ее положительным качеством, особенно до того, как Иерархия присвоила ей статус содомита, заставив переселиться в неиндексированные территории Квазара.

Говорят, что мир стал терпимее, развив к шестому тысячелетию кроме множества технологий еще и самосознание, сочувствие, понимание других, но Эсфирь знала, что это не так. Будучи генетической аномалией, мозг которой был таким неразвитым, что врачи предложили родителям отказаться от ребенка еще до его рождения, она с раннего детства столкнулась со множеством трудностей.

Конечно, ученые в репродукционном центре, куда обратились родители Эсфирь, чтобы получить ребенка, нашли выход, исправив генетическое отклонение, но легче от этого не стало. Они вырастили дополнительный мозг, установив его в грудь Эсфирь вместо легкого, затем долго бились, чтобы создать новый жидкий чип, интегрируемый людям при рождении, чтобы можно было взаимодействовать с нейронными сетями, став полноценным членом общества КвазаРазмерности.

Честолюбивые ученые превратили ребенка в подопытную крысу, гордясь новыми технологиями и гениальными решениями, принятыми во время создания дополнительного мозга и разработки жидкого чипа. Конечно, как и обычно в таких проектах, подопытный так и остался сырым материалом, незавершенным шедевром, созданным с целью получить грант на новые проекты. Недоработки проглядывались повсюду. Во-первых, родной мозг отвечал главным образом за моторику и эмоции, тогда как дополнительный – за все виды памяти и взаимодействие с жидким модулем. Остальные функции были

поделены между ними примерно в равных долях, но о том, как все это повлияет на личность ребенка, его сознание, никто особенно не думал.

– Время покажет, – отмахивались врачи, если всплывали подобные вопросы.

В результате, когда Эсфирь подросла, время показало, что связи между восприятием внешнего мира и ответными реакциями происходят совсем не так, как у обычных людей. Девочка реагировала на одни и те же факторы с поразительным непостоянством, словно в ней уживался десяток личностей вместо одной. Врачи, к тому времени увлекшиеся другими экспериментами, сказали, что ничего нельзя сделать.

Вторым не менее важным недостатком оказалась неспособность Эсфирь находиться на втором уровне КвазаРазмерности. Об этом узнали сразу, как только девочка покинула материальный мир. Оставленное в терминале Размерности тело продолжало хранить часть сознания, и девочка буквально разрывалась между двумя реальностями, заставив родителей спешно покинуть Подпространство.

Третьим и, пожалуй, самым незначительным недостатком стала внешность Эсфирь. Людям хватало беглого взгляда, чтобы понять – перед ними генетическая аномалия. Но если с недоработками интеграции в двухуровневый мир можно было справиться, избегая переносов в Квазар, а с непостоянством реакций на одни и те же раздражители смириться, то к своей странной внешности и реакции на нее людей привыкнуть так и не удалось.

Впрочем, два мозга вместо одного давали ряд небольших преимуществ. Например, память Эсфирь была значительно лучше, чем у обычного человека. Анализ ситуации происходил в разы быстрее, позволяя мгновенно реагировать, если, конечно, ее не охватывал внезапный приступ меланхолии или апатии.

Не сказать, что Эсфирь была гением, но инженер из нее получился неплохой. Если бы не постоянные насмешки людей, то, вероятно, когда ученая по имени Манх предложила ей исправить ряд недочетов взаимодействия, она бы отказалась. Проект курировался клириками, и Эсфирь решила, что ничего страшного ей не грозит. Но цели Манх изменились, когда к ней присоединился акеми по имени Мей-Ар. Проект перешел к изучению связей между двумя мозгами на уровне ядер личностей, чтобы сделать возможным существование человека сразу на двух уровнях реальности. Открытие могло произвести революцию, объединив Квазар и Размерность позволив им дополнять друг друга, а не соперничать.

Так Эсфирь снова превратилась в подопытную крысу, а пара ученых, нарушив почти все правила выступавшей куратором Иерархии, приблизилась к своей амбициозной мечте на расстояние вытянутой руки. Оставалось лишь проверить, сработает ли созданная ими система измененных ядер сознания с обыкновенным человеком, если ему установить дополнительный мозг.

Об Эсфирь, которую держали в искусственной коме, к тому времени уже забыли. Эксперименты сделали ее уникальной, но превратили в безумца. Новые связи ядер личности впервые позволили ей нормально функционировать в Квазаре, но превратили в психопата и садиста, стоило только очнуться и подключиться к нейронным сетям Размерности. Информационные потоки хлынули в сознание, выжигая остатки разума. Гнев стал абсолютным.

Позднее, когда судья обвинял ее в убийстве Манх, она сказала, что одной смерти для женщины, вновь превратившей ее в подопытную крысу, мало, и будь возможность, то она, Эсфирь, готова убивать Манх каждый день: утром, днем и незадолго до сна. Суд признал ее содомитом и приговорил к пожизненному изгнанию в неиндексированные территории Квазара. В тот момент Эсфирь не знала, что Мей-Ар изменил ядра ее личности так, что она сможет находиться сразу на двух уровнях реальности. Вспоминая визит в Квазар в детстве, Эсфирь просила клириков назначить ей другое наказание – сделать исключение из правил, приговорив к смерти, или на худой конец отправить в коррекционную тюрьму. Суд не внял ее мольбам – и к лучшему.

Хранители вывели Эсфирь за пределы цивилизованной части второго уровня реальности, предупредив, что в ее точку сборки внесены протоколы, которые спровоцируют распад, если она попытается покинуть неиндексированные территории. Эсфирь буркнула, что все поняла, все еще не веря, что Манх и Мей-Ар исправили ее неспособность находиться в Квазаре. Оставались, конечно, дискомфорт и ряд странных несоответствий, но к ним можно было привыкнуть. Даже к возможности очнуться в Размерности – эту особенность, впрочем, Эсфирь сможет еще не скоро развить.

Череда скитаний позволит ей познакомиться с Аст-Пла, который научит ее основам программирования акеми. Старый и уставший жить, он соврет новой знакомой, сказав, что такой же содомит, как и она. Исследования тонких граней временных мембран, которыми занимался акеми, утомили неудачами. После того, как он познакомился с инженером из Размерности по имени

Фарон и едва не погиб, пытаясь разобраться в экспериментах клириков на базе квазацентристов «Виадос-12», прошло так много лет, что Аст-Пла сбился со счета.

В те дни он был молод и амбициозен, как и все акеми. Желание прикоснуться к тайне едва не привело к трагедии – он и Фарон потеряли свои физические оболочки, оставшиеся в Размерности, но обрели возможность вечной жизни. Теперь их сознания черпали необходимую для существования энергию непосредственно из субслоев Подпространства. Какое-то время суета вокруг закрытия клириками баз класса «Виадос» помогала отвлечься от тяжелых мыслей, но затем реальность снова навалилась на плечи. И если Фарон смог принять свою судьбу, то акеми уперся всеми конечностями.

Его исследования тонких граней временных мембран сосредоточились не на вечной жизни, как в случае Фарона, и не на возможности перенаправлять энергию Подпространства в материальный мир, как у Легре. Он хотел вернуть себе тело – иррациональное желание для коренного жителя Квазара, которые всегда мечтали избавиться от материальных оболочек. В свое время Аст-Пла и сам кричал, что будет счастлив превратиться в абсолютную энергию, продолжив существование в мире Подпространства. Но как только мечта его сбылась – ему вдруг страшно захотелось побывать в Размерности, с головой окунувшись в громоздкость материального мира.

Родственники Аст-Пла помогли ему организовать совместные работы с независимым от Энрофы терминалом переходов, специализирующимся на игровых клонах. Проект был экспериментальным и объединил группу молодых ученых, среди которых был молодой нейропат по имени Рахаб. Позднее, когда ученые Энрофы возьмут проект под свой контроль, он и женщина-нейропат по имени Турелла возглавят новое исследование, связанное с возможностью переходов без использования терминалов. Но толчком к этому послужат разработки Аст-Пла и его родственников, помогавших ему вернуть возможность жить в Размерности.

За несколько дней до того, как все было готово к эксперименту переноса сознания акеми в тело игрового клона, Рахаб, подключившись к модулю нейропатов, используя разработанную Чанго программу под названием Юмико, увидел азиатскую девочку, поведавшую ему долгую историю о том, как она появилась в мире КвазаРазмерности, закончив объяснением, что такое выпадающее уравнение и его переменные. Рахабу надлежало стать одной из этих переменных. Пока он был подключен к модулю, все казалось понятным и логичным,

но после, вернувшись в реальность, он упустил почти все детали, словно после посещения мира Энрофы, используя гостевую точку сборки, в которой остаются фиктивные ядра полученных во время визита знаний. Сохранилась лишь та информация, которую было позволено запомнить.

Встретившись с основными разработчиками, Рахаб рассказал о нестыковках систем, которые приведут к сбою и гибели Аст-Пла. Сначала ему не поверили, но затем, в процессе подготовки к запуску модифицированного компенсатора резонансов, выявили ряд некритических отклонений, тщательное исследование которых привело к обнаружению главных нестыковок. Это не было бы обнаружено, не устрой Рахаб перед запуском скандал.

Неудача повергла ученых в уныние. Ошибки говорили, что нужно пересматривать проект кардинально, возвращаясь к началу. Косые взгляды в сторону Рахаба стали нормой, словно он не предотвратил трагедию, а лично спровоцировал провал. Особенно много сомнений вызывало то, как он узнал о недоработках. Юмико могла общаться только с нейропатами, в то время как простые люди оставались недосягаемы для нее. Именно в те дни Фарон, которому Аст-Пла рассказал о случившемся, разработал теорию выпадающего уравнения, пытаясь объяснить феномен Юмико.

– И что это значит для меня? – спросил Аст-Пла. – Хочешь сказать, что какой-то набор алгоритмов и фиктивных ядер сознания не желает, чтобы я вернулся в Размерность?

– Не всегда мир крутится вокруг нас, – пожал плечами Фарон. – Порой жизнь ставит нам задачи, цель которых – повлиять на совершенно незнакомых нам людей.

– Я акеми, – снисходительно улыбнулся Аст-Пла. – Мы верим, что стоим в центре Вселенной. Эта вера двигает нашу науку. Будь мы как инженеры, и половина наших открытий никогда не случилась бы… Я помню, что ты когда-то тоже был инженером Размерности, так что не обижайся. Ничего личного.

– Я не обижаюсь, просто хочу, чтобы ты понял – сегодня кто-то спас тебя, сделал частью выпадающего уравнения. И не говори, что Рахаб здесь ключевая фигура. Он лишь приемник, гонец, оказавшийся в нужное время в нужном месте.

– И что это значит для меня?

– Может быть, кто-то хочет, чтобы ты отступился от своего проекта… Или наоборот – устранил недочеты и закончил начатое.

– И как мне узнать, что именно?

– Никак. К тому же есть всегда что-то неучтенное. Некий фактор, который невозможно проследить, пока ты часть процесса,

жизни.

– То есть ты предлагаешь делать то, что я делаю всегда, остальное предоставив случаю?

– Полагаю, если твои исследования важны, то будут и другие знаки, – сказал Фарон.

Но знаков не было – разве что дурное предчувствие, когда проект был изменен и готов к новому запуску. В прошлый раз Аст-Пла не сомневался, что все получится, в этот… Чем ближе становился день испытаний, тем меньше оставалось в нем уверенности, что он готов рискнуть жизнью ради призрачной возможностью совершить перенос в тело клона Размерности. Что если судьба подарила ему шанс, сделав бессмертным, а он хочет отказаться от этого дара? Разве каждый акеми не мечтает об этом? Грандиозные проекты требуют много времени. Ученым не хватает жизни, чтобы довести исследования до конца. Научные работы передаются из поколения в поколение, работая как испорченный телефон. Сейчас у него, у Аст-Пла, есть возможность разорвать круг. Он может начать новый грандиозный проект или довести до ума тот, что сделал их с Фароном бессмертными, подарив тайные знания всем акеми, чтобы они смогли победить своего злейшего врага – время.

Сомнений стало так много, что Аст-Пла сбежал из поселения содомитов, откуда руководил проектом переноса своего сознания в тело клона Размерности. Он не был ключевым игроком в этом исследовании, так что ученые могли справиться без него. Вопрос оставался только в добровольце.

«Найдут другого», – убедил себя Аст-Пла, подсознательно понимая, что выдает желаемое за действительное. Он и Фарон уникальны. Наука вечной жизни, лишившая их тел, но подарившая бессмертие, находится в стадии теорий. Пока это билет в один конец – ты разрываешь связь с Размерностью навсегда.

Несколько раз Аст-Пла беседовал с Анк, девушкой Фарона, прибывшей с ним на базу «Виадос-12», надеясь начать новую жизнь. Акеми хотел знать, боится ли она, что опыт по привязке сознания к энергии Квазара не удастся повторить.

– Ты спрашиваешь, боюсь ли я стать бессмертной? – рассмеялась Анк.

– Не страшно ли тебе лишиться тела и возможности вернуться в Размерность, – перефразировал вопрос Аст-Пла. – Потому что если мой эксперимент провалится, то это будет означать, что мы застряли в Подпространстве навсегда.

– А ты думаешь, что твой эксперимент провалится? – озадачилась Анк, признавшись, что все, кто посвящен в тайну

бессмертия, наблюдают за ним, надеясь на успех.

Эти слова должны были воодушевить акеми, но вместо этого превратили груз сомнений и ответственности в неподъемную ношу. Испугавшись, что не справится, Аст-Пла покинул поселение содомитов, решив, что вернется, когда успокоится и придет к гармонии с собой.

Он скитался по неиндексированным территориям Квазара, не задумываясь о том, куда идет и какие опасности грозят ему на пути. В конце концов, он был акеми, способным творить в Подпространстве буквально из пустоты. Создавать защитные системы и атаковать надоедливых содомитов, используя пронизывающую мир Квазар энергию.

О том, что вдали от поселения содомитов и тонких граней временных мембран его сознание медленно угасает, превращая его в призрака, он не думал, понимая, что процесс этот долгий и в запасе есть время.

Иногда он встречал беглых преступников или аферистов, спасавшихся в неиндексированных территориях Квазара от хранителей или адептов. С ними было приятно поговорить, притворяясь собратом по несчастью. Каждый раз Аст-Пла придумывал себе новую легенду. Он то превращался в ученого, связавшегося с адептами, став чуть ли не преступником номер один для Института всемирной иерархии, то становился честолюбивым агентом клириков, желавших объединить двухуровневый мир. Порой он представлялся безмозглым кутилой, залезшим в долги и потому вынужденным скрываться. Становился резонансным инженером, отправившимся на поиски энергетических фонтанов Подпространства, которые надеялся приобщить к ядрам личности, получив сверхспособности. Был хранителем, решившим бросить вызов системе. А как-то раз, устав от притворства, он представился самим собой, сохранив даже имя, выдававшее в нем принадлежность к акеми.

Это случилось незадолго до точки невозврата – времени, когда угасание его личности должно было достигнуть критической отметки. Встреча была странной. Аст-Пла смотрел на уродливую женщину, точка сборки которой передавала ее реальный образ, и думал, что в ее сознании нет разума и она безумный содомит. Сейчас он подойдет к ней, и девушка, подняв неестественно крохотную голову, зарычит на него или попытается атаковать – Аст-Пла сталкивался с подобным довольно часто. Еще он встречал содомитов, которые работали на тренировочные лагери адептов или исследовательские центры акеми, заманивая новичков, облегчая охоту на новый материал. Но странная девушка, родившаяся, судя по всему, генетической аномалией,

оказалась самой обыкновенной. Впрочем, таких Аст-Пла тоже встречал – большинство содомитов в начале жизни в неиндексированных территориях выглядят нормальными. Безумие приходит со временем, заставляя адаптироваться к суровым реалиям. Те, кто не хочет адаптироваться, погибают.

– Как тебя зовут? – спросил Аст-Пла, все еще ожидая нападения.

– Эсфирь, – сказала уродливая девушка с маленькой головой и огромными, сильно косящими глазами.

– Как ты оказалась в неиндексированных территориях, Эсфирь?

– Убила несколько человек.

– Ты не похожа на злодея.

– Они ставили надо мной эксперименты, превратив в подопытную крысу.

– Так ты убила ученых?

– Да.

– Размерности?

– Женщина была из Размерности. Мужчина, кажется, принадлежал к акеми, но он остался жив. Другие просто попались под руку.

– Я тоже акеми, – сказал Аст-Пла, решив проверить вменяемость новой знакомой: если она сейчас набросится на него, значит распад личности прогрессирует и скоро девушка превратится в безумца, а если нет, то у нее есть шансы сохранить рассудок.

Эсфирь и не думала о том, чтобы атаковать. Она узнала имя Аст-Пла и спросила, как он оказался в неиндексированных территориях.

– Я содомит, – соврал он, решив, что это поможет им сблизиться.

– И за какой проступок ты стал содомитом? – нахмурилась девушка. – Надеюсь, не ставил ни над кем опытов?

– Нет! – нарочито беззаботно рассмеялся Аст-Пла. – Ничего такого, просто… – он спешно попытался придумать себе легенду, но в голову ничего не приходило, поэтому молчание показалось уместным. К тому же оно, кажется, удовлетворило новую знакомую.

– Ладно, у каждого из нас есть свои тайны, – сказала она, решив не бередить раны. – Если о чем-то больно вспоминать, значит мы небезнадежны. Только глупцы или психопаты отрекаются от своих злодеяний или гордятся ими.

– А ты не гордишься тем, что убила своих мучителей?

– У меня все сложно, – помрачнела Эсфирь. – Ты, наверное,

заметил, что я не совсем похожа на нормальных людей…

– Я знал людей, которые предпочитали менять свою точку сборки так сильно, что в них с трудом угадывался человек.

– Я не умею менять свою ТС. То, что ты видишь, это то, какая я в действительности… Слышал что-нибудь о генетических ошибках?

– Немного.

– Мой мозг был настолько мал, что с трудом мог отвечать за моторику, – Эсфирь говорила, стараясь не встречаться с акеми взглядом. – Ученые сказали, что могут попробовать создать для меня еще один мозг, заменив им легкое. Родители согласились. В результате на свет появилась я – сплошное недоразумение и букет ошибок врачей. Модифицированный чип постоянно сбоил. Я не могла находиться в Квазаре. В двухуровневом мире раздвоение личности – частое явление, но моя личность сохраняла целостность, тогда как паттерны постоянно менялись, заставляя реагировать на один и тот же раздражитель десятками разных способов. Никакого постоянства, понимаешь? Потом, когда я попала к врачам и ученым во второй раз, они смогли изменить мою неспособность находиться в Квазаре, но что-то окончательно сломали в механизмах восприятия, превратив в убийцу, которая получает удовольствие, пуская своим жертвам кровь.

– Ты не похожа на свихнувшегося садиста, – признался Аст-Пла.

– Это потому что я в Квазаре. Если вернуть меня в Размерность и подключить к нейронным сетям… Не знаю, что сделали в последний раз ученые, но их разработки явно нарушили связи ущербного мозга с искусственным, происходящие посредством модифицированного жидкого чипа.

– Выходит, отправив тебя в Квазар, клирики сделали тебе великую милость?

– Сомневаюсь, что они думали о милости. Просто следовали процедуре, превращая убийцу в содомита.

– Могло быть и хуже.

– Это точно, но…

– Есть нестыковки?

– Мне кажется, что я продолжаю существовать на двух уровнях реальности.

– Как это?

– И в Квазаре, и в Размерности.

– Одновременно?

– Знаю, что такого не бывает, но мне кажется, врачи, которых я убила, занимались именно этим, ставя надо мной

эксперименты. Они хотели создать человека, способного жить на двух уровнях реальности сразу. Понимаешь? Захотел – оказался в Квазаре, захотел – вернулся в Размерность.

– Интересный проект, вот только как отказаться от терминалов?

– Пока никак, – Эсфирь нахмурилась. – Сейчас, например, я иногда понимаю, что нахожусь в терминале Размерности. Глаза открывать страшно, но я слышу голоса, чувствую свое тело.

– А ты уверена, что… – Аст-Пла смутился.

– Что не схожу с ума? – помогла Эсфирь. Акеми кивнул. – Вначале я думала об этом. Но потом решила, что это не так, ведь я и раньше, пользуясь терминалом, находилась в пограничном состоянии. Думаю, все дело в том, что у меня два мозга. Сознание меняется, начиная чуть иначе воспринимать процедуру извлечения. Ведь ядра личности сохраняют связь с телом после извлечения. Конечно, никто не знает пока, как осуществляется эта связь, но…

– Думаю, связь осуществляется посредством тонких граней временных мембран, – сказал Аст-Пла.

– Да, я тоже слышала такую теорию.

«Это не теория», – хотел сказать акеми, но предпочел промолчать.

– Ну а ты чем занимаешься? – решила сменить тему разговора Эсфирь. – Есть планы на ближайшую жизнь?

– На ближайшую жизнь? – растерялся Аст-Пла. – Это как?

– Ты ведь теперь содомит, а этот диагноз, боюсь, неизлечим.

– Это приговор, а не диагноз.

– Тебе напомнить, что мы не можем покидать неиндексированные территории Квазара?

– Я могу.

– Вот как?

– Да… – Аст-Пла нахмурился. – Я ведь акеми – забыла?

– Говоришь так, словно быть акеми – это почти то же самое, что быть богом. Ученые Энрофы, на мой взгляд, приносят миру намного больше пользы, чем акеми.

– Ученые Энрофы построили свой мир, практически третий уровень современной реальности, который настолько сложен, что обычный человек в ближайшее тысячелетие ни за что не станет жить там. Так что не нужно сравнивать акеми и ученых Энрофы. Мы работаем на принципиально разных уровнях реальности.

– И ты заявляешь, что научился обходить протоколы распада, прописанные в точках сборки содомитов, чтобы мы держались подальше от цивилизованных частей Квазара?

Аст-Пла кивнул, понимая, что заднюю скорость включать поздно.

– Тогда ты должен поделиться своей разработкой с другими! – оживилась Эсфирь.

– Почему?

– Потому что многие содомиты захотят покинуть неиндексированные территории!

– Не думаю, что нормальные жители Квазара обрадуются этому.

– Почему?

– Большинство содомитов – это убийцы, садисты и психопаты.

– Но ведь не все.

– Рано или поздно все содомиты сходят с ума.

– Ты не похож на безумца. Да и себя я не считаю безумной. По крайней мере, пока нахожусь в Квазаре.

– Твой случай можно назвать уникальным… – протянул Аст-Пла, решив, что Фарону будет интересно изучить Эсфирь, если, конечно, она действительно может находиться одновременно на двух уровнях реальности. – Что ты знаешь о поселении содомитов? – осторожно спросил акеми.

– Я думала, это миф.

– Оно действительно существует. Я был там.

– С трудом верится, что содомиты смогли построить микромир.

– Там живут те, кто отличается от большинства содомитов… Не совсем свихнувшиеся… Понимаешь? Как мы с тобой.

– Почему же, если все так хорошо, ты ушел оттуда?

– Потому что мне нужно кое-что сделать.

– Ты говоришь о надежде вернуться в цивилизованные части Квазара?

– Да, – сказал Аст-Пла, потому что врать сейчас было легче, чем говорить правду. Да и новая знакомая могла оказаться обыкновенным содомитом-социопатом.

– А ты не боишься, что твоя теория окажется неверной и ты превратишься в призрака?

– Боюсь.

– Может быть, тогда найти другого добровольца?

– Считаю, что эта ноша только моя, – произнес Аст-Пла.

Этот разговор состоялся не за один, а происходил в течение нескольких дней, сплетаясь в узор из разрозненных фраз и диалогов. Время, проведенное с акеми, позволило Эсфирь выпытать у него основы программирования в Квазаре.

Что касается Аст-Пла, то процесс его угасания достиг

критической точки. Странно, но, получив бессмертие, он совершенно иначе стал смотреть на свою жизнь. Перемены появились не сразу, но с годами мирская суета уступила место вселенскому покою. Аст-Пла понимал, что должен вернуться в поселение содомитов, позволив ядрам личности получить необходимую для существования энергию, но также он понимал, что если сделает это, то снова начнет сомневаться касательно успеха своего проекта. Так что он предпочел тянуть до последнего, держась вблизи своей лаборатории, где проводились исследования переноса сознаний людей, лишившихся физических оболочек, в тела клонов. Поэтому, когда точка невозврата была пройдена, то выбора не осталось – он либо превратится в призрака, либо соберется с духом и примет участие в эксперименте.

Жизнь разделилась на ту, что была до точки невозврата, и после. Суета и нервозность уступили место фатальному прагматизму. Теперь, чтобы уцелеть, необходимо было принять участие в пробном переносе. Тогда ядра сознания смогут снова получать энергию благодаря восстановленной связи с физической оболочкой материального мира.

Аст-Пла не волновало, каким будет его клон, – сейчас сгодится любое тело. К тому же, если все получится, то, чтобы снова разорвать связь с телом, он сможет воспользоваться разработками Фарона и других акеми, помогавших бывшему инженеру Размерности. Материальная оболочка превратится в некую форму одежды, материалом которой станет сложная биологическая субстанция. Аст-Пла, как и все акеми, был мечтателем, так что представить, как преображается мир, ему было несложно. Двухуровневая реальность выйдет на новый уровень. Жизнь победит смерть. Институт всемирной иерархии утратит одну из своих монополий – репродукционные центры, куда будущие родители обращаются, чтобы получить ребенка. Никто не будет умирать. Великие ученые получат время, которого прежде не хватало на исследования.

Конечно, мир Энрофы, например, где используют гостевые точки сборки и дополнительные ядра памяти, немного выиграет от подобного технологического прорыва. Они давно отделились от мира КвазаРазмерности, создав третий уровень реальности, где наука стоит выше человеческой жизни – умирают ученые, меняются руководители проектов, но цели и знания продолжают жить в новых исследователях, кому передаются точки сборки и ядра воспоминаний предшественников. Так что для этого мира победа над смертью не так важна, как, скажем, для акеми, проекты которых всегда настолько грандиозны,

что для реализации не хватает зачастую и нескольких жизней, – суть идеи разбавляется новыми планами продолжателей, искажая первоначальный замысел… А потом люди смеются и говорят, что акеми не доводят ничего до конца, – злопыхатели просто не хотят понять, насколько грандиозны в большинстве случаев планы алхимиков Квазара…

Готовясь к первому в истории переносу сознания, лишенного физической оболочки, Аст-Пла уже видел, как войдет в историю акеми. Его исследования поднимутся на одну ступень с компенсаторами резонансов Энрофы, а возможно, по своей значимости сквозь призму веков превзойдут их.

Вспоминая новую знакомую по имени Эсфирь, Аст-Пла признавал (при условии, что ее слова были правдой), что ученые, проводившие над ней опыты – Манх и Мей-Ар, – вероятно, вплотную подошли к тому, чтобы создать принципиально новую систему переходов, но им было далеко до бессмертия и способности разрывать связь с материальной оболочкой, полученной при рождении.

«Может быть, предыдущая заминка была нужна, чтобы я понял ценность своих исследований?» – думал эгоистичный акеми, готовясь к переносу, рассматривая созданную Чанго программу для нейропатов как некую путеводную звезду, указавшую ему дорогу в дебрях науки и собственных сомнений.

– На этот раз неудачи не будет, – сказал коллегам Аст-Пла незадолго до переноса и установления базовых связей личности с телом клона. – Если бы что-то было не так, то программа Чанго предупредила бы нас.

Но Аст-Пла, как и все акеми, стал жертвой веры в свою исключительность. Несомненно, мир начинал вращаться быстрее, но центром этого вращения Аст-Пла не был. Программа Чанго была частью уравнения мира. Остальным элементам, задействованным в процессе, отводилась роль переменных, которые появляются на сцене жизни, приводя следом за собой новых персонажей, необходимых для дальнейшего развития и возможности привести уравнение к равенству. И у кого-то роль в этом спектакле бытия больше, у кого-то меньше. У Аст-Пла, например, роль состояла из нескольких актов.

Сначала он появился на сцене, познакомившись с Фароном и Анк, когда они молодыми инженерами прибыли на базу «Виадос-12». Агент-пройдоха, помогавший им с переездом, высосал из них все сбережения, поселив в дом на окраинах базы. Конечно, агент не знал, что именно там группа отступников Всемирной иерархии во главе с клириком по имени Легре проводила эксперименты по извлечению энергии

Подпространства посредством тонких граней временных мембран. После трагедии, которой завершился один из экспериментов ученых, дом пустовал, и агент сумел заключить договор аренды практически даром, содрав с молодой пары втридорога. Не познакомься в те дни Фарон с Аст-Пла, то никогда не смог бы сам разобраться в исследованиях, оставленных погибшими учеными. Но вместе они смогли подобраться к тайне и чуть не погибли, если бы на помощь не пришли родственники Аст-Пла, ломавшие головы над защитным куполом Квазара, разработки которого помогли им создать защитный коридор в тонких гранях и спасти непутевого родственника и его друга…

Вторым выходом на сцену жизни для Аст-Пла стало участие в проекте, предполагавшем возможность вернуть себе материальную оболочку, – собственных тел они с Фароном лишились, когда обрели, пусть сами того не желая, бессмертие. Но на этот раз провидению, или, вернее, уравнению жизни, Аст-Пла нужен был не в роли ученого, а в качестве поводыря, которому предстояло явить миру нового персонажа, новую переменную – Эсфирь.

Что касается Аст-Пла, то его роль подходила к концу. Он научил Эсфирь базам программирования акеми, рассказал о поселении содомитов – знания, без которых она погибла бы в неиндексированных территориях, оборвав сложную цепь череды событий, необходимых для того, чтобы сложная формула жизни пришла к равенству. Затем, попрощавшись с Эсфирь, Аст-Пла отправился в свой исследовательский центр и стал первым подопытным, который, лишившись тела, должен был восстановить необходимые для существования в материальном мире связи с новой физической оболочкой. Он верил, что провидение на его стороне и что судьба позволила устранить ошибки первого запуска, дав второй шанс. Но вера порой дешево стоит, особенно если вас нет в уравнении жизни.

Новая серия ошибок вызвала критические нестыковки, но коллапс систем удалось выявить, когда запуск было невозможно остановить. Ядра сознания Аст-Пла, находящиеся на субслоях Подпространства, вспыхнули, создав настолько мощный выброс, что энергетический всплеск уничтожил не только лабораторию акеми, но и выжег целый сектор Квазара, создав временной провал, устранить который резонансным инженерам так и не удалось, обозначив как неизвестную аномалию неиндексированных территорий, подарив второму уровню реальности еще одну загадку, собиравшую возле себя тайны, привлекая исследователей и смельчаков, любящих пощекотать себе нервы в экстремальных путешествиях.

Эсфирь не узнает, что случилось с Аст-Пла, продолжая придерживаться его истории, согласно которой он думал, что смог снять протоколы распада, установленные Иерархией в точку сборки содомитов. В соответствии с этой версией, акеми либо погиб, превратившись в призрака, либо смог вырваться из плена, забыв о данном обещании рассказать о процедуре блокировки протоколов распада, чтобы другие содомиты могли проникать в цивилизованные части Квазара. Истину знал Фарон, но он предпочитал молчать, считая, что если судьбе, или, говоря точнее, уравнению жизни, будет угодно, чтобы Эсфирь узнала правду, то она узнает и без его помощи. В отличие от Аст-Пла бывший инженер Размерности не ставил себя в центр событий мира.

Долгое время он пытался понять, какая именно роль отведена Эсфирь в сложном уравнении жизни, переменной частью которого был он сам. Какие механизмы она должна задействовать, какие рычаги привести в движение?

Не нужно было получать доступ к ядрам воспоминаний Эсфирь, чтобы понять, делая вывод исходя из ее навыков, что она была знакома с Аст-Пла. Некоторые вещи, которые он выдал за основы программирования акеми, были экспериментальными и практически эксклюзивными. Впрочем, подобное можно было сказать о любом акеми – каждый из них старался выбрать свой путь и свои решения проблем. Так что, когда кто-то из акеми делился своими знаниями с кем-то другим, то эти навыки становились в каком-то смысле его визитной карточкой. Особенно если акеми был такого высокого уровня, как Аст-Пла.

Время, проведенное в неиндексированных территориях Квазара, повлияло на Эсфирь сильнее, чем она думала. Когда она наконец-то добралась до поселения содомитов, на плечах у нее уже висел груз ошибок и убийств, которые пришлось совершить по дороге.

Фарон и Анк позволяли жить в поселении группе содомитов, чтобы поддерживать легенду базы «Виадос-12». Когда клирики закрывали проект квазацентристов по поиску тонких граней временных мембран, то Легре смог убедить Иерархию превратить «Виадос-12» в поселение содомитов, объясняя это тем, что независимые разработчики не смогут воспользоваться потенциалом базы, потому что психопаты и садисты, поселившиеся здесь, превратятся в лучшую охранную систему.

Группа верных клирикам ученых разработала специальный информационный протокол, интегрируемый содомитам, заставляя их помимо воли искать бывшие базы класса «Виадос» – ход, необходимый для того, чтобы создать легенду о поселении.

Потом программу закрыли. Слухи о месте, где содомиты собираются в группы и пытаются строить новый мир, заполонили двухуровневую реальность.

Когда Фарон и Аст-Пла вернулись на территорию бывшей базы «Виадос-12», то столкнулись с сотнями психопатов, убийц и садистов, которые собрались там, ведомые информационными протоколами ТС, но что делать дальше, не знали. Сначала Аст-Пла хотел избавиться от них, но затем Анк предложила оставить самых разумных, позволив жить в поселении, поддерживая легенду.

Отбор проводился в соответствии с уровнем агрессивности, а также с учетом базовых знаний и навыков, чтобы защитные системы, которые планировали воздвигнуть вокруг поселения Анк и Фарон, выглядели логично, заставляя новичков думать, что это творение рук содомитов.

Из первой волны новоприбывших под установленные критерии не подошел никто. Анк прогнала их, но большинство содомитов, следуя установленным в точку сборки протоколам, настырно возвращались к поселению.

– Дикари! – ворчали родственники Аст-Пла, взявшиеся разработать надежные системы защиты, опоясывающие поселение неприступным барьером.

– Зато лучшего способа проверить работоспособность вашего купола и не придумаешь, – пытался подбодрить хмурых акеми Фарон.

Аст-Пла, во времена, когда только начинал свой провальный проект возвращения в Размерность, появился как-то раз в поселении, заметил множество содомитов, бродивших поблизости, и предложил сделать их частью защитных систем. Реализовать проект планировалось своими силами, но, столкнувшись с рядом проблем, Фарон и родственники Аст-Пла решили пригласить знакомого акеми по имени Кор-До, занимавшегося подобными разработками. У него было множество идей и теорий, но отсутствовала практическая составляющая. Зато, как и большинство акеми, он ничуть не сомневался в верности своих безумных идей, черпая вдохновение в разработках другого акеми по имени Пай-Мик, взломавшего защитный код базовых протоколов точки сборки.

Позднее часть родственников Аст-Пла, увлеченная работой Кор-До, присоединилась к его проекту, образовав независимую исследовательскую лабораторию в неиндексированных территориях. Именно с их творениями столкнется Мьюз, когда будет добираться в поселение содомитов. Но случится это много лет спустя. К тому времени группа Кор-До станет абсолютно

независимой, сменив не одно поколение ученых и практически утратив сведения о тайне поселения содомитов. Фарон поддерживал связь лишь с парой стариков, которые по непонятным ему причинам отказались от вечной жизни, которую он готов был им предоставить, предпочтя естественное угасание и переход на новый уровень бытия… Впрочем, насчет последнего Фарон сильно сомневался. Как человеческое тело, рождаясь из праха, превращалось после смерти в прах, так и сознание, будучи сложным энергетическим образованием, теряло во время затухания стройность, становясь простейшими формами субслоев Подпространства.

Первые эксперименты группы Кор-До, во времена его жизни в поселении содомитов, оказались настолько неловкими, что не вызывали ничего, кроме улыбки. Базовые протоколы точек сборки содомитов распадались, но заново собрать их долгое время не получалось. Так что вокруг поселения бродили не монстры, заставляющие туристов и прочих искателей приключений держаться подальше, а горстка калек. У одних отсутствовали руки или ноги, у других виднелись сквозные дыры в животах, груди. Некоторые лишились головы.

Прорыв наметился лишь после того, как Кор-До добился личной встречи с Пай-Миком, скрывавшемся в то время от хранителей, отправленных на его поиски клириками, желавшими не дать проекту ход. За долгие века существования КвазаРазмерности Всемирная иерархия давно доказала всем, что будь ее воля, то прогресс построенного в Подпространстве мира остановился, а всех акеми придали анафеме и подвергли гонениями. Так что Пай-Мик вместо славы получил официальный запрет от клириков на возвращение в Размерность, который, как планировала Иерархия, будет действовать, пока акеми не откажется от своих исследований. Под отказом понималось либо полное уничтожение имеющихся данных и коррекция сознания с удалением ядер памяти, либо сотрудничество с клириками, которые будут контролировать проект, создав собственную группу ученых, возглавить которых сможет Пай-Мик.

Акеми, естественно, отказался, понимая, что ни один хранитель не достанет его в Квазаре, а что касается оставшегося в Размерности тела, благодаря которому осуществлялось поступление необходимой энергии в ядра сознания, то он надежно спрятал его в незаконном терминале, запутав след серией переносов в тела клонов и даже совершив путешествие между жилыми комплексами. К тому же угрозы клириков дешево стоили. Они производились в основном, чтобы показать коренным жителям Размерности, что Всемирная иерархия имеет

власть над двухуровневым миром – не больше. Обычно все ограничивалось официальным постановлением, хотя в случае с Пай-Миком на его поиски клирики отправили в цивилизованные части Квазара группу хранителей. Именно в этот период к нему за помощью и обратился Кор-До.

– Услуга за услугу, – сказал он прославившемуся ученому. – Ты поможешь мне, я – тебе.

– И чем ты можешь помочь мне? – презрительно скривился Пай-Мик, утомленный недавним бегством с территорий комплекса Hexactinellida, где группа местных торговцев обещала дать ему убежище в обмен на модификацию ТС их телохранителей и силовиков. Клирики задушили договор в зародыше, послав хранителей, потому что кто-то из торговцев оказался агентом Иерархии, сообщив о предстоящем союзе.

– У меня есть связи с семейством Аст-Пла, – осторожно начал Кор-До, разыгрывая свой единственный козырь.

– Никогда не слышал о них. Как я понимаю, они акеми… – Пай-Мик задумался на мгновение, возвращаясь к своим проблемам.

Разговор с новым знакомым стал второстепенным. В сознании промелькнула призрачная догадка, благодаря которой он решил, что вычислил предателя в рядах торговцев. Если наблюдения окажутся верными, то, сообщив гильдии о шпионе, он отомстит ему за предоставленные неудобства и сделает торговцев должниками, что может пригодиться в дальнейшем.

– Чем занимается семейство Аст-Пла? – вернулся Пай-Мик к разговору с Кор-До. – Может быть, я слышал об их разработках?

– Они строят купол, способный создать микромир внутри Квазара.

– Это не ново.

– Их купол строится на уровне субслоев Подпространства, сохраняя связь с Квазаром, которую при желании можно разорвать, не повредив созданный внутри купола микромир, – Кор-До выдержал паузу, пытаясь понять, заинтересовал или нет собеседника.

Пай-Мик тоже, кажется, решил взять небольшую паузу, обдумывая возможности применения купола, о котором рассказал новый знакомый.

– Разработки купола в виде защитного поля велись во времена существования баз квазацентристов класса «Виадос», – решил Кор-До подогреть воображение Пай-Мика. – Если бы клирики не завернули проект, то купол мог превратиться в тоннель для работы на уровне временных мембран.

Пай-Мик недоверчиво заглянул новому знакомому в глаза,

но ничего не сказал.

– Я понимаю, что заявлять о подобной интеграции в схемы жизнеустройства – это бахвальство, особенно не имея практических подтверждений, но…

– На базе этого купола можно построить хорошую лабораторию, – прервал собеседника Пай-Мик. – При условии, конечно, что он действительно так хорош, как ты говоришь.

– В этом можешь не сомневаться, – самонадеянно заявил Кор-До.

– Допустим, – снова став осторожным, произнес Пай-Мик. – Теперь скажи, какую форму услуги, связанную с куполом, ты мне предлагаешь и что просишь взамен?

– Я работаю, базируясь на твоих открытиях взлома базовых протоколов ТС, но успеха удается добиться только на начальных этапах. Результаты нужны как воздух, так что если ты на какое-то время присоединишься ко мне и поможешь разобраться в нестыковках, то в обмен на это семейство Аст-Пла построит для тебя купол в неиндексированных территориях Квазара, где ты организуешь свою лабораторию.

– Неиндексированные территории – это не лучшее место для исследований, – хмуро подметил Пай-Мик.

– Зато тихо и никто не мешает… – пожал плечами Кор-До. – Ни один хранитель туда не сунется. К тому же купол всегда можно переместить, не опасаясь, что вывалишься из сетки координат, как в случае, если строить его в цивилизованной части Квазара.

– Ежедневные перезагрузки, как я понимаю, на него не влияют?

– Конечно, не влияют, он ведь не привязан к Квазару. Так что, если немного подкорректировать точку сборки, то можно будет работать сутками, забыв про сон и прочие мелочи жизни.

– Сон и прочие мелочи жизни находятся на уровне ядер сознания, – уточнил Пай-Мик, желая немного осадить собеседника. – Не знаю, какими исследованиями ты занимаешься, но каждый, кто изучает ТС, знает об этом.

– Не придирайся к словам.

– Дело не в словах. Ты просишь меня присоединиться к твоему проекту, и я хочу понять, насколько далеко ушли твои исследования. Потому что одно дело – помочь и направить, и совершенно другое – начинать проект с нуля.

– Так ты согласен на мое предложение? – оживился Кор-До.

– Я готов перейти к обсуждению твоего предложения. До согласия еще очень далеко, – снова осадил его Пай-Мик, но фундамент партнерства был заложен.

Следующие несколько дней уйдут на обсуждение деталей, затем еще пара месяцев потребуется семейству Аст-Пла, чтобы создать купол, соответствующий требованиям Пай-Мика. Время будет суетным, и Фарон, опасаясь что раскроется тайна поселения содомитов, несколько раз всерьез задумается о том, чтобы закрыть проект, но потом все наладится. Пай-Мик, вопреки большинству акеми, окажется не любителем совать нос в чужие дела. Он анонимно поможет Кор-До с исследованиями и, когда первые опыты с подменой протоколов ТС содомитов завершатся успехом, отойдет в тень.

Многим позже связи Пай-Мика с гильдией торговцев из Hexactinellida помогут Кор-До и группе родственников Аст-Пла принять сложное решение – покинуть поселение содомитов, потому что Фарон перестанет нуждаться в их услугах, связавшись с представителями мира Энрофы, и продолжить свой проект по изменению и модернизации точки сборки.

Мечтающие отделиться от мира КвазаРазмерности торговцы жилого комплекса Hexactinellida окажутся щедрыми и терпеливыми спонсорами, не требующими фантастических результатов в короткие сроки. Причины, побудившие жителей Hexactinellida решиться на отделение, мало интересовали Кор-До и его группу. Главным была возможность реализовать свой потенциал, не забывая при этом, время от времени направлять некоторых подопытных к поселению содомитов, чтобы легенда, созданная Легре, продолжала жить.

Родственники Аст-Пла, исчерпав теории касательно купола, решили перенести ряд идей из этого проекта в глубокую модернизацию ТС, а если удастся, то и в коррекцию ядер личности содомитов. Тем более что опыт подобного у них уже имелся, когда они спасали Фарона и своего непутевого родственника, застрявших в тонких гранях временных мембран, пытаясь разобраться в экспериментах группы Легре.

Когда в поселение содомитов пришла Эсфирь, то его охраняли в большинстве своем подопытные из лаборатории Кор-До, запрограммированные собираться здесь, следуя информационным протоколам, добавленным в точки сборки. В самом поселение начинал формироваться микромир, соответствующий легенде, – рай для содомитов, не успевших еще окончательно свихнуться. Эсфирь познакомилась с бывшим ученым, который умел менять образ ТС, превращаясь в дом. Был там и старый извращенец, охотившийся время от времени на диких содомитов, патрулировавших территории вокруг поселения, не в силах преодолеть защитный барьер…

Самым нормальным из новых знакомых оказался бывший

хранитель по имени Рафаэль, которого так часто подвергали коррекции сознания, что ядра его личности повредились, сделав его опасным для общества. Долгое время он скитался в неиндексированных территориях, пока не попал в лабораторию Кор-До, превратившись в подопытного. Ему повезло, и вместо кардинальных перемен точки сборки и ядер личности ученые ограничились тем, что подарили ему ряд сверхспособностей, одной из которых было умение проходить сквозь любые энергетические стены, а затем отправили к поселению содомитов.

Фарон встретил новичка, преодолевшего защитный барьер, и решил, что бывший хранитель может остаться на территории поселения. Позднее он станет другом Эсфирь, а Фарон… Фарон превратится в их врага. В отличие от большинства живущих в поселении содомитов, сознание Эсфирь не было безумным, по крайней мере в Квазаре. Поэтому она сразу заметила – с Фароном и его женщиной по имени Анк что-то не так. Ну не похожи они на обычных содомитов, коих Эсфирь успела повстречать за время странствий по неиндексированным территориям достаточно много!

Внешне Фарон и Анк тоже сильно изменились со времен расцвета баз квазацентристов класса «Виадос». Долгое время после того, как Аст-Пла и Фарон обрели бессмертие, они пытались разобраться в тонкостях процедуры, так что Анк продолжала стареть. Да и невозможно было проводить большинство исследований удаленно, а появляться на бывшей базе, превращенной клириками в поселение содомитов, представлялось небезопасным. Поэтому первым кандидатам на бессмертие – Анк и Легре – пришлось ждать не один десяток лет, прежде чем удалось вернуть контроль над поселением и провести необходимую подготовку.

К моменту, когда они наконец-то разорвали связь с материальными оболочками, Пай-Мик только начинал эксперименты по взлому базовых протоколов ТС, чтобы получить возможность менять образ находящегося в Подпространстве сознания. Вскоре об его открытии заговорил весь Квазар, но Анк и Фарон решили, что не хотят возвращать себе молодость подобным образом. Вернее, молодость нужно было возвращать только Анк – Фарон обрел бессмертие раньше и его образ соответствовал тем дням, когда они впервые прибыли на базу «Виадос-12», надеясь начать новую жизнь.

Позднее, когда Кор-До, не без помощи Пай-Мика, организовал собственную лабораторию, изучающую возможности изменения образа ТС, Фарон обратился к нему, попросив прибавить его образу два десятка лет. Это был его подарок Анк

за преданность и поддержку.

– Вы чокнутые! – сухо рассмеялся Легре, когда увидел изменившегося Фарона.

Они не знали, но в это самое время группа нейропатов, связанных с учеными Энрофы, похитила тело Легре из терминала и пыталась разобраться в причинах потери связи материальной оболочки с сознанием. Нейропатов направляла разработанная Чанго программа, называвшая себя Юмико – один из множества выпадающих уравнений жизни, без которых невозможно запрограммированное в плитках многоуровневости бытия функционирование жизни.

Не найдя в материальной оболочке причин для сбоя, ученые Энрофы погрузили продолжавшее жить тело Легре в стазис – крайняя мера, учитывая, что при проведении подобной процедуры с телом живого человека его извлеченное сознание начинало угасать. Многие пробовали продлить подобным образом жизнь, но связь сознания и материальной оболочки разрывалась всякий раз, как только жизненные показания тела приближались к критическим. Так что от продления жизни путем помещения человека в стазис давно отказались, признав идею ошибочной. Тем более что в мире и без этого оставалось много тайн и загадок.

Исследование личности бывшего клирика вызывало интерес и споры – почему Юмико заинтересовалась отступником Всемирной иерархии? Причины, по которым изгнали Легре, тщательно скрывались, но проследить его след во время официальной работы до базы «Виадос-12» не составило труда. Дальше след терялся, но сам факт, что клирик работал с тонкими гранями временных мембран, вызывал интерес и новые вопросы – что же все-таки хотела сообщить им разработанная Чанго программа, которая, как верили многие нейропаты, была способна предсказывать будущее?

На поиски Легре была послана группа независимых агентов Энрофы, не задействованных в других проектах. Не то чтобы на бывшем клирике сошелся клином свет, но это была тайна, а к тайнам в мире Энрофы относились трепетно, понимая, что рано или поздно даже самые безумные теории или разработки могут стать реальностью и нормой жизни. К таким теориям они относили исследования квазацентристов, связанные с поисками центра мира и пониманием роли Архитектора.

Вообще работа с ядрами сознания нейропатов показывала, что науки квазацентристов имеют право существовать и развиваться. Конечно, о понимании роли Архитектора в схемах жизнеустройства пока говорить рано, но вот попытаться

разобраться в самих схемах – это, пожалуй, можно. Конечно, наука о тонких гранях временных мембран призрачна и вызывает много вопросов, особенно если отталкиваться от теорий квазацентристов, согласно которым тонкие грани – это микроцентры мира, через которые Архитектор извлекает необходимую для дома жизни энергию во время коллапса известного человечеству мира.

Забавно, но только квазацентристы нашли мало-мальски достойное объяснение плитке многоуровневости бытия, рассматривавшей жизнь как запрограммированную цикличность, где каждый поступок, виток истории или элементарный выбор предрешены заранее. Известный человечеству мир проживает бесконечное множество рождений и коллапсов, цель которых заключается в накоплении и выбросе энергии, необходимой Архитектору для поддержания в функциональном состоянии дома жизни. Впрочем, сам термин «дом жизни» придумали акеми, но квазацентристов это мало заботило. Они были практиками, а не теоретиками, готовыми с пеной у рта спорить, кто первым придумал тот или иной термин. Жизнь КвазаРазмерности вообще интересовала их только потому, что была единственным местом в известной Вселенной, где двухуровневый мир энергии и материи сплетался между собой, не приходя к коллапсу. Главным связующим звеном являлось сознание человека, состоящее из сложных ядер не поддающейся анализу субстанции, способной существовать как в материальном мире, так и в мире энергии.

Некоторые ученые выдвигали теории, что ядра сознания являются основой внешнего мира Архитектора. Другие называли их маятником в работе схем жизнеустройства, способствующих расширению и последующему коллапсу мира. Что касается ученых Энрофы, то они склонялись к тому, чтобы считать ядра сознания, формирующие личность человека, случайной переменной в сложном уравнении системы мира, существование которой не играет в работе механизма жизни совершенно никакой роли. Они считали, что мир развивается по заданной программе, и были уверены, что в плитке многоуровневости бытия найдется ветвь развития одного из вариантов мира, где человечество не разовьется дальше приматов или вообще не появится в ходе эволюции.

Ученые, поддерживающие теории квазацентристов, выступали с предложением расширить поиски центра мира, не ограничиваясь КвазаРазмерностью, но космические программы давно были свернуты, да и сами квазацентристы заявляли, что искать центр мира нужно непосредственно на стыке

двухуровневой реальности – в районах тонких граней временных мембран, где трехмерное время Подпространства почти догоняло линейность материального мира.

Что касается ученых Энрофы, то они, столкнувшись с новым видом ядер личности, открывавших человеку доступ к развитию способностей нейропатии, решили, что, возможно, появление нейропатов – это ответ жизни на изменившийся мир. Люди эволюционируют в соответствии с нормами двухуровневого мира. Если подобная тенденция продолжится, то рано или поздно изменятся все люди. Какие плюсы и минусы это принесет КвазаРазмерности? Во-первых, учитывая, что у нейропатов при развитии сверхспособностей начинает атрофироваться эмпатия, а также ряд других чувств, свойственных обычным людям, то можно смело предположить, что в новом обществе не найдется места известным десятки тысяч лет семи смертным грехам. Плюс, вероятно, перестанут существовать такие понятия, как любовь и дружба.

Продолжая изучение нейропатов, согласившихся сотрудничать с Энрофой, ученые выявили, что в будущем, возможно, отпадет необходимость в использовании современных терминалов для перехода между двумя уровнями реальности. Открытие заставило их устремить взгляды на теории квазацентристов, считавших ядра сознания людей связующим звеном между мирами материи и энергии. Так поиски центра мира квазацентристов превратились в базу для разработок учеными Энрофы терминалов нового типа, пользоваться которыми смогут нейропаты.

Информация об обрыве связи сознания Легре с оставленным в Размерности телом пришлась как раз на пик исследований нейропатов и теорий бестерминального перехода в двухуровневой реальности. Первая мысль представителей Энрофы, когда они проверили полученную от Юмико информацию, была о том, что Легре мог оказаться нейропатом, и клирики, узнав об этом, решили предать его анафеме. Но затем, изучив доступную информацию о Легре, они решили, что все обстоит намного сложнее, чем можно подумать на первый взгляд, – созданная Чанго программа, которую многие начинали называть выпадающим уравнением схем жизнеустройства, часто просила сильных мира сего заботиться о нейропатах. Последнее никого не удивляло, потому что Чанго, главный разработчик программы, был нейропатом. Но Легре, судя по всему, не имел к этому странному витку эволюции никакого отношения. Он был обыкновенным человеком.

Агенты Энрофы достали отчеты резонансных инженеров,

детальный анализ которых помог бы, при условии, что удастся вычислить координаты Легре в момент трагедии, определить, применялось или нет к нему оружие адептов, способное выбросить сознание из фиксированного временного набора. Процедура была сложной и требовала дополнительных теорий и систем анализа, но ученые Энрофы уже сделали половину работы, выполняя заказ союза независимых разработчиков из Isistius labialis, желавших модернизировать Квазар в районе своего жилого комплекса. Желание это было продиктовано тем, что после начала тестирования в Размерности нейронных сетей нового поколения, ветвь первенства в котором была передана Isistius labialis, местные инженеры решили, что будет неплохо отличиться и в Подпространстве, подарив своему многострадальному жилому комплексу статус самого современного во всем двухуровневом мире, если говорить о передовых технологиях.

Конечно, союз независимых разработчиков преследовал и личные, корыстные цели, но это мало интересовало ученых Энрофы. Главным было то, что в Isistius labialis появлялось больше всего нейропатов, что попадало в сферу интересов Энрофы, так что с представителями этого комплекса было лучше дружить, чем враждовать. Ради возможности беспрепятственно работать над созданием новых терминалов Энрофе пришлось даже пойти на договор с клириками Всемирной иерархии, отправив агента по имени Мьюз внедриться в процедуру Ан-Наби и выкрасть у адептов «Мункара и Накира» копию ядер воспоминаний их лидера.

Что касается союза независимых разработчиков, то они, согласно добытым агентами сведениям, собирались стать крупными монополистами в районе Квазара, где находился жилой комплекс Isistius labialis, надеясь привлечь представителей игрового мира развлечений, предлагая расширенные возможности в сравнении с другими участками двухуровневого мира.

Проведя анализ ситуации, представители Энрофы решили, что у союза независимых разработчиков при определенном проценте удачи есть все шансы на успех, а учитывая, что в районах жилого комплекса Hexactinellida гильдия торговцев пыталась отделиться от мира КвазаРазмерности, решив стать самодостаточными, появление двух крупных формирований в Квазаре рассматривалось как некий вид баланса сил – если два человека встанут на противоположные стороны лодки и будут асинхронно раскачивать ее, то шанс, что лодка не перевернется, будет выше, чем если раскачивать ее будет один человек.

Главное, чтобы две силы, призванные приводить мир к балансу, не объединились. Учтя удаленность жилых комплексов Isistius labialis и Hexactinellida, а также их постоянные конфронтации плюс кардинальное различие целей гильдии торговцев и союза независимых разработчиков, Энрофа пришла к выводу, что в ближайшее время объединения не случится, скорее можно ожидать конфронтации и взаимного ослабление сил и позиций в мире.

Разумеется, во времена, когда принималось решение помочь союзу независимых разработчиков, никто не думал, что благодаря этому удастся вычислить Легре, но факт остается фактом. Ученые Энрофы разработали систему, благодаря которой можно было перенести часть Квазара на субуровни Подпространства, расширив возможности мира, но сохранив связь с двухуровневой реальностью. Конечно, до уровня мира Энрофы подобным системам было далеко, но для ученых, работавших прежде в Квазаре, открывался гигантский спектр новых возможностей.

Чтобы отследить путь Легре до момента, как связь с его физической оболочкой прервалась, ученые Энрофы воссоздали на субслоях Подпространства все, что удалось достать агентам касательно жизни бывшего клирика. На некоторое время пришлось фактически развернуть на системных слоях кусок Квазара, сохраненный в отчетах перезагрузки резонансных инженеров.

След Легре терялся в неиндексированных территориях, но в день, когда связь его сознания и тела прервалась, был зарегистрирован большой выброс энергии, отпечатавшийся на системном коде, затронув тонкие грани временных мембран, а с учетом того, что бывший клирик занимался прежде исследованиями в этой сфере, открытие наводило на мысль, что ему удалось подобраться к еще одной тайне жизнеустройства. Но дальше расследование зашло в тупик.

С мертвой точки не удавалось сдвинуться до дня, пока группа акеми, помогавшая Аст-Пла вернуть связь с материальной оболочкой в Размерности, не обратилась к представителям Энрофы, желая принять участие в проекте по созданию терминалов нового образца, позволявших отказаться от содержания тел в капсулах Размерности, пока сознание пребывает в Квазаре. Они, желая произвести впечатление, рассказали, что принимали участие в проекте Аст-Пла, а также ту часть истории акеми, что была им известна. Дальше представителям Энрофы не составило труда провести параллель между судьбой Аст-Пла и Легре, приняв решение продолжить разработки погибшего акеми.

Они создали новый отдел, в который вошли бывшие коллеги Аст-Пла. Но работать, не имея возможности проверить теории экспериментально, оказалось практически невозможно. Все, что у них было, – это отчеты о двух неудачных запусках программы, последний из которых привел к выгоранию ядер личности Аст-Пла. Какое-то время удавалось строить разработки вокруг имевшихся данных, но затем настало время двигаться дальше. Пришлось расширить отдел, агенты которого занимались поисками Легре, но в итоге бывший клирик сам заявил о себе, узнав о разработках Энрофы касательно бестерминальных переходов в двухуровневом мире.

От предложения участвовать в возрожденном проекте Аст-Пла он сначала отказался, но затем, посоветовавшись с Фарон, решил, что терять нечего – эксперименты по извлечению энергии из подпространства все равно зашли в тупик. Возможность вечной жизни не могла оставаться секретом, о котором никогда не узнают. Да и ученые Энрофы умели держать язык за зубами, в отличие от других собратьев по науке.

После длительного изучения феномена разрыва связи с материальной оболочкой и получения энергии, необходимой для стабильного существования ядер личности, был проведен ряд пробных экспериментов, большая часть модуляций которых завершилась успехом. Легре, Фарон и Анк, ожидавшие, что тайна вечной жизни всколыхнет мир, удивились, услышав от представителей Энрофы, что пока будет лучше держать все в тайне. В качестве доводов озвучивалась главным образом неготовность КвазаРазмерности к подобному откровению, что приведет к попытке получить эксклюзивное право на процедуру разрыва биологической оболочки с сознанием, бунты населения, среди которого найдутся те, кто докажет, что процедура приведет к разрушению схем жизнеустройства, пересмотру политики репродукционных центров, так как прирост населения станет в разы больше убыли, к расширению Квазара и неизбежной гибели Размерности.

– Под итог все человечество переберется в Подпространство, а здесь останется лишь горстка избранных, призванная обеспечивать работоспособность Квазара и его ежедневные перезагрузки, – сказал еще совсем юный представитель Энрофы по имени Ским. – На наш взгляд, это еще хуже, чем нынешняя монополия Института всемирной иерархии на генераторы холода. К тому же какой смысл уничтожать двухуровневый мир, который создает необходимый баланс, давая людям возможность выбора. Испокон веков устройство мира стремится к биполярности, меняются лишь формы и обличия, но суть остается прежней.

Лишившись Размерности, реальность какое-то время будет находиться в подвешенном состоянии, балансируя на грани между абсолютной гегемонией или анархией. Подобные периоды в истории хорошо известны, и ничем хорошим, как правило, они никогда не заканчивались. Один древний мыслитель сказал: «Чтобы построить святыню, нужно разрушить святыню». Мы согласны, что иногда подобный подход действенен, особенно в сферах науки, в индустрии развлечений и в политике, когда устаревшие взгляды зашедших в тупик, но все еще пользующихся уважением людей мешают развитию, но в случае КвазаРазмерности подобное неприемлемо. Двухуровневый мир создавался тысячелетиями как единственный вариант существования после апокалипсиса, загнавшего людей в жилые комплексы. Никто не знает, как долго Великий ледник будет сковывать планету. Представьте себе вариант, что вместо ожидаемого потепление температура опустится еще ниже. Генераторы холода уже сейчас работают, давно исчерпав ресурс. Но пока существует КвазаРазмерность, люди готовы бороться, делать новые открытия. Скоро клирики либо лишатся монополии на обеспечение мира энергией в результате бунтов, либо будут вынуждены изобретать что-то принципиально новое. Но представьте, во что превратится мир Размерности, если все жители переберутся в Квазар? Конечно, есть шанс, что человечество сможет доработать системы, избавившись от необходимости ежедневных перезагрузок и зависимости построенного в Подпространстве мира от резонансных инженеров, но ведь тогда мы окончательно потеряем связь с материальным миром. Как вы думаете, человечество готово к такому повороту?

– Так вы предлагаете ждать, храня тайну вечной жизни, пока не будет изобретена система бестерминальных переходов? – догадался Фарон. – Но разве проект создается не для нейропатов, коих пока всего несколько процентов по отношению к нормальным жителям КвазаРазмерности.

– Поверьте мне, преобладание нейропатов над обычными людьми – это лишь вопрос времени, – снисходительно улыбнулся Ским. – Природа расценила нейронные сети как постоянные факторы окружающей среды, и начала менять нас, делая более приспособленными к данным условиям жизни.

– Так вы хотите дождаться, когда все человечество превратится в нейропатов? – опешила Анк.

– Слышу в вашем голосе неприязнь, – отметил Ским. – Считаете нейропатов мутантами, лишенными чувств? А вы не думали, что в Квазаре их чувства не выгорают, как это

происходит в Размерности? Проведите параллель, и поймете, что сама природа подготавливает людей к переходу на новый уровень бытия.

– А если природа просто дала сбой, как в случае с мутантами, рождавшимися в эру, когда мир покрывали ядерные электростанции? – спросила Анк.

– Вы сравниваете воздействие нейронных сетей на человека с воздействием радиации на живые ткани? – спросил Ским, загнав Анк в угол подобным вопросом. Скажи она «да», и ее смело можно было бы назвать глупым, предвзятым человеком, вычеркнув из списка участников дальнейших дебатов, а если она ответит «нет», то сама признает необоснованность своих заявлений. Так что оставалось только молчать.

Анк бросила короткий взгляд на Фарона, надеясь, что у него найдутся весомые аргументы, но он, кажется, был согласен с представителем Энрофы. То же самое можно было сказать и о Легре.

– Мы не говорим, что нужно заморозить проект, – сказал Ским. – Эксперименты и разработки продолжатся, но чтобы сохранить мир КвазаРазмерности, нужно держать информацию о бессмертии в тайне, по крайней мере пока мы не научимся обращать процесс, позволяя людям возвращаться в размерность… Хотя и после этого лучше дождаться серии новых открытий в сфере терминалов и альтернативных генераторов.

– А мне кажется, что вы просто хотите выиграть время, получив фору в исследованиях, – не сдержалась Анк.

Ским не стал спорить, но снова обыграл все так, что цели Энрофы оказались единственно верными, направленными на заботу о КвазаРазмерности и будущем людей.

– Тебе бы в Институт всемирной иерархии, – скривилась Анк. – Стал бы хорошим оратором. – Она покосилась на Легре и сказала, что не хотела никого обидеть.

Бывший клирик едва заметно кивнул, принимая извинения.

– Если вы согласны, то мы готовы отвести вас в терминал, где хранится в стазисе тело Легре, – сказал Ским. – Думаю, эксперименты по восстановлению разорванных связей с биологической оболочкой лучше начать не с клонов, а с тела, которое некогда находилось в симбиозе с сознанием.

– Пожалуй, вы правы, – согласился бывший клирик, тщетно пытаясь скрыть волнение.

Анк не знала, боится он повторить судьбу Аст-Пла или просто встревожена тем, что снова увидит свое молодое тело, находящееся в глубокой заморозке. Она попыталась представить, как повела бы себя, окажись на его месте. Десятилетия в Квазаре

совершенно стерли воспоминания о материальном мире Размерности. Бывшая база квазацентристов, ныне превращенная в поселение содомитов, стала для Анк домом. Ее тело, скорее всего, давно утилизировали, так что если и придется, то в качестве новой биологической оболочки нужно будет выбрать тело клона. Анк подумала, что одно дело, когда сознание переносится в клона временно, как в случае путешествий между жилыми комплексами, и совсем другое, когда с клоном устанавливается постоянная связь. Последнее почему-то казалось очень интимным.

– Пожалуй, я возьму небольшую паузу в переговорах и все обдумаю, – сказала Анк, собираясь покинуть место встречи, проходившей в неиндексированных территориях Квазара.

Она вернулась в поселение содомитов и долго держалась в стороне от исследований, избегая обсуждать детали с Фароном или Легре: слышала, что приближается день испытаний, но настырно игнорировала эту информацию. Легре и Фарон возвращались на бывшую базу «Виадос-12», а это значило, что пробного запуска еще не было. Даже когда Фарон пришел один, Анк терпела несколько дней, прежде чем поинтересовалась судьбой бывшего клирика.

– Думаю, теперь мы его долго не увидим, – сказал Фарон.

– Что-то пошло не так? – вздрогнула Анк, боясь потерять старого друга.

– Наоборот, – улыбнулся Фарон. – Легре вернулся в Размерность и готов принять участие в проекте Энрофы по созданию терминалов нового образца, а также создать отдел, который будет заниматься разработкой новых генераторов, способных получать энергию посредством тонких граней временных мембран.

– Энрофа согласилась на такие вопиющие нарушения предписаний клириков? – удивилась Анк.

– Нет, но они обещали анонимную поддержку в случае, если Легре сможет создать собственную группу.

– Думаешь, ему это удастся?

– Пока не знаю, но у него в Размерности осталось много влиятельных друзей, – сказал Фарон. – К тому же не забывай, что однажды он уже смог создать группу клириков, занимавшихся изучением тонких граней втайне от основного совета Иерархии. Так что, думаю, у него в этом дар.

– Надеюсь, что так, – осторожно произнесла Анк, напоминая, что с тех времен прошло много лет и Легре мог подрастерять хватку.

– Не согласен, – решительно заявил Фарон.

– Время покажет, – примирительно сказала Анк.

В первые годы у Легре действительно неплохо получалось работать тайным агентом Энрофы. Он знал, как функционирует Институт всемирной иерархии, и удачно избегал столкновений с клириками и хранителями. Призрак вернулся, но смог остаться неуловимой тенью. Но потом успех вскружил ему голову, и он начал действовать менее скрытно. Какое-то время ему удавалось балансировать на грани, затем наступило время ошибок: сначала незначительных, но они росли как снежный ком, сорвавшийся с вершины. Последней ошибкой Легре стала встреча с давним другом по имени Мьюз.

Помня о том, как они бок о бок скитались по неиндексированным территориям Квазара, и узнав, что сейчас Мьюз стал хранителем, Легре решил, что сможет переманить его на свою сторону, получив союзника в Иерархии. К тому же старый друг когда-то давно был агентом Энрофы, так что шансы на успех, по мнению Легре, возрастали в разы. Он встретился с давним другом, решив ничего не скрывать, делая ставку на информацию о вечной жизни и свое тело, сохранившее молодость, что служило хорошим доказательством его слов… Но Мьюз отказался сотрудничать. Он сдал Легре клирикам, а сам возглавил группу, призванную выяснить, чем занимался бывший друг. Сотрудники Всемирной иерархии пытались получить доступ к ядрам воспоминаний Легре, но защитные системы Энрофы уничтожили важную информацию сразу, как только бывший клирик оказался под арестом.

К моменту, когда Мьюз добрался до поселения содомитов, там уже находилась Эсфирь. Сверхспособности старого хранителя отнимали слишком много жизненных сил, а дорога была такой опасной, что приходилось пользоваться ими слишком часто. Так что, добравшись на территорию бывшей базы «Виадос-12», Мьюз почти превратился в призрака. Ядра сознания угасали, и он понимал, что никогда уже не вернется в свое оставшееся в Размерности старое тело. Страха не было. Только любопытство. А затем, когда Фарон закончил свою историю, сожаление Мьюза касательного того, что арестовал Легре, которого клирики приговорили к пожизненной коррекции личности, стало невыносимым.

– Я верну твоего старого друга, – пообещала Эсфирь незадолго до того, как ядра личности Мьюза окончательно угасли, выбросив его сознание за пределы резонанса Квазара.

– Ты не сможешь проникнуть на территорию Института всемирной иерархии, – устало сказал Мьюз.

– А мне и не нужно туда проникать, – улыбнулась Эсфирь,

вытаращив и без того огромные глаза. – Думаешь, сверхспособности есть только у тебя?

– Ты тоже была когда-то агентом Энрофы? – удивился старый хранитель.

– Я генетическая аномалия, – сказала Эсфирь, впервые чувствуя не стыд за это, а скорее скрытую гордость, что не такая как все. – У меня был крохотный дефективный мозг, поэтому ученым пришлось создать дополнительный, установив его вместо правого легкого, перераспределив связи ядер сознания. В результате этого я не могла находиться в Квазаре. Но потом пара ученых исправила это… Правда, появился ряд других недостатков, превращающих меня в психопата, пока я нахожусь в Размерности, но это уже другая история… – огромный рот на крохотной голове Эсфирь растянулся в улыбке. – Не знаю, сможешь ты понять или нет, но я нахожусь на двух уровнях реальности сразу, – сказала она. – Клирики, присвоившие мне статус содомита, и работники терминала, где находится мое тело, конечно, ничего не знают об этом. Считай это нашим тайным оружием, которым можно будет воспользоваться один раз. Я посоветовалась с Фароном, и он решил, что жизнь Легре стоит того, чтобы разыграть этот козырь.

– Думаете, у вас есть шанс?

– Можешь не сомневаться.

– Жаль, что я угасну раньше, чем вернется Легре, – сокрушенно покачал головой Мьюз. – Хотелось бы извиниться перед старым другом за то, что сдал его клирикам.

– Ничего. Я извинюсь перед ним за тебя, – пообещала Эсфирь.

– Полагаешь, он не станет держать на меня зла?

– Нет. Он похож на тебя: немного упрямый, но в конечном итоге его разум всегда берет верх над обидой и эмоциями.

– Да, упрямства ему не занимать, – улыбнулся старый хранитель, вспоминая время, проведенное с бывшим клириком бок о бок в неиндексированных территориях Квазара, когда опасность поджидала на каждом шагу. – Он рассказывал тебе, как мы познакомились?

– Нет, – на лице Эсфирь появился неподдельный интерес.

Они разговаривали до позднего вечера, затем, незадолго до перезагрузки Квазара, сознание Мьюза угасло. Дом Фарона накрывал купол, созданный родственниками Аст-Пла, позволяя оставаться в сознании во время ежедневных отключений систем. Как-то раз Рафаэль, бывший хранитель, ставший содомитом, пытался заглянуть сквозь энергетические стены в дом Фарона. Эта способность прежде действовала безотказно, но в этот раз его точка сборки едва не распалась, превратив его в призрака.

Рафаэль, ставший другом Эсфирь, когда она только появилась в поселении, так и не смог понять причин, решив, что Фарон просто использует какую-то сложную защиту. Позднее, завязав дружбу с Фароном и Анк, Эсфирь узнала о куполе, но поведать истину Рафаэлю не решилась, потому что он, несмотря на их дружбу, был содомитом, частью разработанной легенды поселения, где раньше находилась база «Виадос-12» и самая тонкая грань временных мембран, способная соединить миры материи и энергии.

Когда Эсфирь давала Мьюзу обещание спасти Легре, она соврала, сказав, что Фарон согласен отправить ее в Размерность, чтобы освободить бывшего клирика. Ее тело находилось в Институте всемирной иерархии, и при необходимости она могла принести больше пользы, проникнув туда с более важной целью, чем спасение Легре. Поэтому Эсфирь сомневалась, что Фарон даст согласие на операцию. Конечно, она бы все равно сделала это, но получить одобрение друга казалось крайне важным.

– Хорошо, – тихо сказал Фарон, заставив Эсфирь раскрыть в растерянности рот. – Легре наш друг и компаньон. Он поддержал нас, когда клирики хотели ликвидировать базу «Виадос-12». Здесь находятся тонкие грани, без которых мы превращаемся в призраков. Легре понимал это и рискнул многим ради нас… Что ж, теперь настало время вернуть ему долг.

Он выдержал паузу, давая Эсфирь возможность обдумать услышанное и переключиться с воинственного настроя на конструктивный диалог.

– У тебя есть определенный план, что ты будешь делать, когда выберешься из капсулы терминала? – осторожно спросил Фарон.

– Если честно, то я больше думала о том, как уговорить тебя ввязаться в это рискованное дельце, а все остальное… – она смущенно улыбнулась.

– И как быстро ты начнешь сходить с ума, если нейронные сети снова подключатся к тебе?

– Не знаю… Но думаю, мне хватит времени, чтобы добраться до Легре и вытащить его сознание из коррекционной системы.

– А что потом? Как вы собираетесь выбираться из Всемирной иерархии, кишащей клириками и хранителями?

– Легре был клириком.

– Там их сотни, – Фарон пристально посмотрел Эсфирь в глаза, желая дать понять, что запланированная миссия намного сложнее, чем она может себе представить. – Плюс не забывай, что нейронные сети начнут сводить тебя с ума. Так что Легре

останется один.

– Хочешь сказать, что это безнадежное предприятие?

– Если действовать необдуманно, то мы потеряем не только Легре, но и тебя. Сомневаюсь, что на этот раз клирики вышлют тебя в неиндексированные территории Квазара. Скорее всего, они превратят тебя в подопытную крысу, изучая твою возможность возвращаться в Размерность без использования терминалов.

– То есть… Ты все-таки пытаешься отговорить меня? – осторожно спросила Эсфирь.

– Я пытаюсь объяснить, что такие дела нельзя решать с наскока. Нужно все взвесить, рассчитать варианты, относясь к предстоящему как к сложному научному эксперименту. Попробуй создать успешную формулу.

– Не думаю, что смогу добиться успеха, создавая формулы. Слишком много переменных. Лучше будет надеяться на удачу.

– Тебе необходим дополнительный козырь, кроме неожиданной для клириков способности вернуться в свое тело.

– Предлагаешь мне взять с собой кого-нибудь еще? Но кого и как? Найти других особо опасных содомитов, тела которых находятся в Институте всемирной иерархии, провести ряд исследований, позволив им вернуться в Размерность, чтобы можно было использовать их как живой щит?

– Идея неплохая, но для осуществления, боюсь, придется подвергать доработке тела содомитов, а доступа к их биологическим оболочкам у нас нет и не будет.

– Что остается? Нанять группу экстремистов, готовых совершить диверсию в Isistius labialis, отвлекая внимание клириков, пока я буду спасать Легре?

– Вот это уже теплее, – улыбнулся Фарон.

– Не спорю, но где найти в Isistius labialis нужных нам людей? Ты не забыл, что после теракта адептов этот жилой комплекс практически безлюден.

– Сомневаюсь, что стоит винить в этом адептов. Многие утверждают, что сбой стал причиной ошибки резонансных инженеров, а они подотчетны Иерархии.

– Да, я тоже слышала такую версию, когда скиталась по неиндексированным территориям Квазара, но не забывай, что я коренной житель Размерности, а там пропаганда по нейронным новостным каналам, принадлежащим клирикам, заставит поверить, что черное – это белое, чего уж говорить о теракте, где все относительно и нет явных, неопровержимых фактов причастия тех или других.

– Я тоже когда-то был коренным жителем Размерности, –

примирительно напомнил Фарон.

– Значит, я пробыла в изгнании еще не так долго, чтобы выбросить из головы внушенные клириками догмы и необоснованные обвинения, – сказала Эсфирь.

– Ты собираешься освободить Легре, напав на Иерархию, – только это уже означает, что полученные установки на жизнь рухнули, позволив мыслить трезво.

– Думаю, догмы и установки действуют, только когда они касаются внешнего врага и чего-то далекого, не близкого и родного. Как только речь заходит о друзьях, родных или о своей собственной судьбе, как только человек встает перед необходимостью выбора, то внушенные догмы и навеянные пропагандой ценности сдают позиции… Если, конечно, человека не подвергли глубокой коррекции, подменив большую часть ядер восприятия искусственными, или если его чувства не выгорели, как это бывает с нейропатами, превратив его в инструмент.

– Согласен во всем, кроме нейропатов.

– Да, Легре, думаю, тоже бы поспорил со мной, – Эсфирь помрачнела. – Так и какой у тебя план?

– У меня?

– Ты ведь предложил привлечь дополнительные силы, чтобы отвлечь внимание клириков и хранителей. У меня идей нет. Будь это в Galeus longirostris, а еще лучше в Hexactinellida, где недовольства Иерархией растут на фоне реформы образования, курируемой торговцами… А вот что касается Isistius labialis… – Эсфирь беспомощно всплеснула руками. – У меня, если честно, нет ни одной идеи.

– Ну, если в Hexactinellida торговцы провели реформу образования, получив целую россыпь молодых талантливых инженеров, которых прибрали к рукам клирики, отправив работать в центральный комплекс Galeus longirostris, после чего начались волнения и критика Иерархии, то в Isistius labialis сейчас развиваются нейронные сети седьмого поколения, которые вскоре заменят устаревшие сети остальных комплексов. Благодаря этому туда тянутся многие независимые инженеры, образуя союзы.

– Ты говоришь о тех инженерах, что изучают совместно с учеными Энрофы нейропатов, или о тех, что пытаются создать новую систему терминалов?

– Я говорю о тех, что хотят усовершенствовать Квазар в районе Isistius labialis. Размерность этого жилого комплекса расцветает благодаря тестированию новых нейронных сетей, так что многие ученые хотят добиться подобного процветания на втором уровне реальности. На данный момент они – самая влиятельная группа, способная помочь нам. К тому же они

напрямую связаны с Энрофой, которая занимается для них программированием на субслоях Подпространства, чтобы перенести туда часть Квазара, значительно расширив потенциал.

– И ты думаешь, что они согласятся помочь нам?

– Нет, но они давно привлекли к себе внимание клириков, а мы напрямую сотрудничаем с Энрофой, которая является скелетом в шкафу союза независимых разработчиков. Можно сымитировать сбой нейронных сетей в районе Института всемирной иерархии в Isistius labialis, заставив клириков поверить, что союз независимых инженеров предпринял попытку захвата власти. Паники, конечно, не будет, но мы сможем выиграть немного времени, плюс защитные системы Иерархии автоматом перейдут на проверенные сети шестого поколения, а они, как я понимаю, действуют на тебя в разы слабее, чем современные.

– Все верно, – согласилась Эсфирь. – Кажется, это уже действительно похоже на план. Вот только как отнесутся представители Энрофы к нашей выходке?

– Никак не отнесутся. Происшествие не затронет их интересов. Реальным будет только сбой нейронных сетей в центральном квартале, а все остальное – фикцией, в которой клирики разберутся в течение получаса, может быть быстрее.

– Остается только сымитировать сбой нейронных сетей, – кисло подметила Эсфирь, признавая, что у нее нет идей касательно того, как быстро провернуть подобное.

– Думаю, с этим справится группа нейропатов, возглавляемая Рахабом и Туреллой, – сказал Фарон. – Они работают над системой бестерминальных переходов в двухуровневой реальности, когда биологическая оболочка, наше тело, вместо того, чтобы оставаться в капсуле терминала, будет перемещаться на субуровень реальности, находясь вне Размерности.

– Не слышала, что их эксперименты зашли так далеко, что они могут исчезать в одном месте материального мира и появляться в другом, – протянула Эсфирь, зная, что это не так. – Потому что как иначе ты предлагаешь попасть на охраняемую территорию генераторов, чтобы вызвать нейронный сбой в центральном квартале?

– Забудь о генераторе. Если мы проникнем туда, то это будет расценено как теракт, чего нам совершенно не нужно. Все должно выглядеть естественно… Ты слышала о том, где находится база Рахаба и Туреллы?

Эсфирь качнула головой, признаваясь, что не особенно интересуется тем, что происходит с нейропатами.

– Жилые комплексы за тысячи лет существования

превратились в лабиринт с множеством забытых территорий…

– Как ремонтные полости, где окопались инерты, мечтающие прорыть тоннели к ядру Земли и уйти жить туда, прячась от наступающего Великого ледника?

– Да, но сейчас меня больше интересуют ремонтные отсеки пневмотоннелей общественного транспорта, где базируются автономные станции обслуживания ремонтных синергиков. Система налажена и не менялась тысячи лет, действуя по принципу строительных автоматов, которые запускали до наступления Великого ледника на другие планеты, чтобы построить там базы. Автоматы могут развиваться и приспосабливаться, реагируя на изменения в окружающей среде. Нечто подобное происходит с ремонтными синергиками, обслуживающими пневмотоннели. Система полностью автономна и запрограммирована реагировать на поколения нейронных сетей, в радиус действия которых попадает большинство тоннелей. Как только меняется поколение сетей, так системы обслуживания тоннелей активируют в соответствии с обновленными протоколами сети новую транспортную инфраструктуру.

– И как это поможет нам? – спросила Эсфирь.

– Долгое время считалось, что попасть в ремонтные полости пневмотоннелей практически невозможно, но ученые Энрофы смогли обойти ограничения, построив там первые центры клонирования, когда клирики устраивали на них жуткие гонения, а сам мир Энрофы не был так силен и самодостаточен, как сейчас.

– Сейчас там, как я поняла, находится центр Рахаба и Туреллы? – поторопила Эсфирь, уже смутно представляя, к чему клонит Фарон. – И ты думаешь, что они смогут вызвать энергетический всплеск, который станет причиной сбоя в работе нейронных сетей в районе Института всемирной иерархии?

– Именно.

– А спишут это на ненадежность самих сетей, или, если удастся проследить эпицентр энергетического всплеска, на ошибку в адаптации устаревших систем пневмотоннелей?

– Как бывший инженер Размерности могу заверить тебя, что подобные ошибки встречаются довольно часто, когда мир переходит на нейронные сети нового поколения. Ничто не идеально. Ошибки допускают как машины, так и люди.

– Представляю, какая в Иерархии начнется паника, если сбой случится после того, как мы заставим их поверить в возможность захвата власти, – сказала Эсфирь после непродолжительной паузы.

– Мы не будем заставлять их поверить в это. Достаточно, чтобы они получили неподтвержденную информацию непосредственно перед нейронным сбоем. Тогда это заставит их активировать системы защиты, готовясь к внешней атаке, в то время как ты будешь спасать Легре, оказавшись у них в тылу.

– Остается только решить, как доставить клирикам информацию о готовящемся нападении… – озадачилась Эсфирь.

– Здесь, думаю, нам сможет помочь отдел последователей Чанго, занимающийся программным обеспечением для автономных нейронных модулей, – сказал Фарон. – С учетом того, что нейропатов становится все больше и больше, группа Чанго работает над тем, чтобы отказаться от использования модуляторов, распространяя свой продукт непосредственно по нейронным сетям, тем более что сети нового поколения позволяют это. Думаю, они не откажут нам в помощи и создадут фальшивый канал, где якобы будут вестись переговоры о предстоящем нападении на Иерархию.

– Главное, чтобы клирики клюнули.

– Последователи Чанго никогда не подводили прежде… – Фарон помрачнел, вспоминая старого друга времен базы «Виадос-12». – Никогда не понимал, почему Чанго отказался от вечной жизни. Он мог сделать так много для нашего мира, а в итоге состарился и умер, не реализовав большую часть своих идей.

– Может быть, потому что он был нейропатом? – осторожно предположила Эсфирь. – Став бессмертным, он бы застрял в Квазаре, где не действуют его способности. Кто знал, что эксперимент Аст-Пла доработают и устранят ошибки?

– Да… – протянул Фарон, вспоминая акеми. – Аст-Пла был хорошим другом…

– У вечной жизни есть свои минусы, верно? – спросила Эсфирь, заметив грусть в глазах наставника. – Слишком много перемен и потерь.

– Это точно… – согласился Фарон, начиная планировать детали предстоящего вторжения в Институт всемирной иерархии.

Приготовления заняли почти месяц. Еще пара недель ушла на то, чтобы достать схемы Института клириков, которые Эсфирь должна была запомнить, чтобы, очнувшись в капсуле терминала, не только найти Легре, но и выбраться с ним из здания, занимавшего большую часть центрального квартала.

– Боишься? – спросил Рафаэль, когда с приготовлениями было покончено.

– Не боюсь, но немного нервничаю, – призналась Эсфирь.

– Хотел бы отправиться с тобой, – вздохнул содомит, бывший

некогда хранителем. – Думаю, у меня нашлось бы что предъявить клирикам.

– Уверена, что так, – улыбнулась Эсфирь.

Она попрощалась с Рафаэлем, пообещав, что будет осторожна.

Последние несколько лет Эсфирь от нечего делать иногда возвращалась на первый уровень реальности, чтобы почувствовать, как живет оставленное в Размерности тело: лежала в тесной капсуле, похожей на гроб, и прислушивалась к тишине. Медицинские нейронные помощники ни разу не зафиксировали присутствие сознания, так и не адаптировавшись к работе с дополнительным мозгом пациента.

Со временем Эсфирь осмелела и начала открывать глаза. Капсула, в которой содержалось ее тело, была прозрачной, и она могла видеть, что происходит извне. Впрочем, ничего интересного там не было: тишина, мягкий бело-голубой свет, стерильность, как и в любом другом помещении Иерархии.

На этот раз предстояло не только открыть глаза, но и зайти намного дальше.

Сложнее всего оказалось открыть капсулу. За долгие годы пребывания в Квазаре Эсфирь отвыкла от материального мира. Собственные руки казались неуклюжими, а тело тяжелым и неповоротливым. Несколько раз Фарон создавал для нее имитацию капсулы терминала, придумывая хитрости и охранные системы, о которых она не могла знать, но Эсфирь всегда благополучно справлялась с задачей выбраться. Но все эти учения проводились в Квазаре, в мире, где все условно. Сейчас, оказавшись в Размерности, Эсфирь засомневалась, что у нее получится. Она застрянет на первом этапе выполнения задания – не сможет выбраться из капсулы, в то время как остальные части плана будут действовать.

Нейронный сбой, вызванный перегрузкой в тоннелях общественного транспорта, вызвал колебания силовых полей, заставив растаять образы, скрывавшие истинный облик древнего комплекса, пусть его и покрывали специальными растворами и направляли на ремонт микромашины. Непослушный замок капсулы, над которым безуспешно билась Эсфирь последние четверть часа, щелкнул, открыв путь к свободе.

«Ладно, с электронным замком мы ошиблись, решив, что он будет таким же, как в легальных терминалах… Хотелось бы понять, каких еще сюрпризов ждать?» – думала Эсфирь, осторожно выбираясь из капсулы.

Прецедентов, чтобы заключенные, превращенные в содомитов, приходили в сознание, не было, поэтому помещение терминала не контролировалось хранителями. Клирики считали, что стандартного набора нейронных защитных систем будет достаточно. К тому же большинство приговоренных к высылке в неиндексированные территории Квазара находились в обычных терминалах. В Институт всемирной иерархии попадали только уникальные случаи. Под последним обычно понимались нарушившие закон клирики или хранители, которым, если они занимались оперативной деятельностью, так часто проводили коррекцию сознания, что иногда, как, например, в случае Рафаэля, не оставалось ничего другого, кроме как выслать их в неиндексированные территории Квазара. Хотя иногда попадались исключения. Эсфирь, например, была одной из них,

заинтересовав клириков анатомическими особенностями и серией экспериментов, проведенных над ней учеными сначала в детстве, а затем незадолго до того, как ее признали содомитом.

Нейронный сбой отключил системы очистки, силовые поля перестали блокировать россыпь запахов разложения, исходившую от стен.

– Вот почему коренные жители Квазара не любят Размерность, – проворчала Эсфирь, разглядывая видневшиеся за сбоившими образами ржавые конструкции.

Выбравшись в коридор, она едва не столкнулась с группой хранителей, направленной охранять возможные точки проникновения в Институт всемирной иерархии – кажется, план Фарона действительно работал.

Извлеченный из капсулы терминала модуль управления, модифицированный в элементарную систему защиты, способную поразить нападавшего электрическим разрядом, оказался тяжелее, чем ожидала Эсфирь. Находясь в Квазаре, она хорошо запомнила переплетение коридоров на пути к сектору коррекции, где находился Легре, но после возвращения в свое тело, часть ядер воспоминаний, казалось, была утеряна – она с трудом могла вспомнить карту в общих чертах, не говоря уже о деталях. Хотя, возможно, причиной была элементарная нервозность. Плюс сказывалась усталость – нести модифицированный модуль управления капсулой оказалось крайне сложно: руки болели, тело покрылось крупными каплями пота, так как сбоившие сети перестали снабжать интегрированный жидкий чип необходимой энергией.

Эсфирь пересекла несколько развилок, добралась до длинного, кажущегося бесконечным коридора, и занервничала, решив, что где-то сбилась с пути, уверенная, что на карте не было таких длинных коридоров. Она остановилась, готовая повернуть назад. Но новый маршрут не приходил в голову. Оставалось либо плутать наугад, либо продолжать движение, надеясь, что ошибки нет. Эсфирь выбрала второе, но не успела сделать десятка шагов, как путь ей преградил невысокий коренастый хранитель. Эсфирь разрядила в него треть энергии, находившейся в модифицированном блоке управления капсулой терминала, едва не превратив бедолагу в головешку. Выброс энергии вступил во взаимодействие со сбоившими нейронными системами защиты. Образовавшееся энергетическое поле укрыло хранителя. В какой-то момент Эсфирь подумала, что сейчас появится нейронный медицинский помощник и спасет бедолагу, но вместо этого энергетический импульс превратил его в пыль.

– Ух ты… – растерянно пробормотала Эсфирь, обходя

стороной вздувшийся пузырь, внутри которого кружилось то, что осталось от хранителя.

Коридор изогнулся и круто устремился вверх. Подъем отнял последние силы.

– Будь неладна эта штуковина! – ворчала Эсфирь, проклиная на чем свет стоит блок управления капсулой.

Вход в сектор коррекции, показавшийся впереди, заставил обрадоваться – она не заблудилась. Автономные системы защиты преградили вход силовым полем, но Эсфирь без труда смогла миновать препятствие, используя энергию модифицированного блока управления, чтобы создать коридор, сквозь который она проскользнула в коррекционный сектор.

Теперь нужно было найти сначала тело Легре, узнать индекс, затем ячейку, где хранится его извлеченное сознание.

Эсфирь выругалась, увидев, как много в секторе находится заключенных. Если бы Легре не приговорили к пожизненной коррекции, переведя в особый блок, то найти бы его оказалось крайне сложно. Впрочем, на поиски особого блока Эсфирь тоже потратила немало времени.

Стараясь не смотреть на тело друга, понимая, что без сознания это всего лишь биологическая оболочка, она сосредоточилась на поисках нужной ячейки коррекции, где содержалась личность Легре. Система выдала серию предупреждений о невозможности обратить процедуру, затем, когда Эсфирь подменила защитные блоки, система оповестила об удачном завершении коррекции и начала обратный отсчет до возвращения извлеченного сознания в тело.

– Быстрей же, железяка чертова! – бранилась Эсфирь, понимая, что давно отклонилась от графика.

Времени на реализацию второго плана побега почти не оставалось. Последствия нейронного сбоя практически ликвидировали. Скоро системы восстановятся и начнут полноценно функционировать, тогда о побеге можно будет забыть. Эсфирь подумала, что можно попробовать перенаправить сознание Легре на терминал переносов. Пусть система сочтет его содомитом. Главное, чтобы он оказался в Квазаре. Потом, когда клирики поймут, что произошло, Легре уже разорвет связь сознания с телом и снова ускользнет от бывших коллег. О себе Эсфирь сейчас не думала. Она сможет вернуться назад в капсулу и последовать примеру Легре, вот только Фарон не обещал, что в ее случае разрыв связей сознания с телом пройдет удачно. Скорее всего, будут осложнения, но это уже мелочи. Сейчас главное – спасти Легре…

Эсфирь вздрогнула, услышав голос друга. Частичное

восстановление после коррекции закончилось, позволив Легре выбраться из капсулы.

– Какого черта ты вытворяешь? – зашипел бывший клирик на Эсфирь. – Ты понимаешь, что ставишь этим вторжением под удар не только себя, но и все поселение содомитов?

– Фарон сказал, что все продумал, и при удачном стечении обстоятельств неприятностей не предвидится, – начала оправдываться как ребенок Эсфирь.

– Фарон дал согласие на эту авантюру? – опешил Легре. – Сколько времени длится моя коррекция? – он прищурился, меряя Эсфирь тяжелым взглядом. – Судя по тому, что ты не постарела, – недолго, верно?

Она кивнула.

– Значит, случилось что-то серьезное, что вы решили меня вытащить отсюда?

– Ты просто наш друг.

– Друг? – бывший клирик нахмурился, затем смачно выругался. – Тогда это точно самая идиотская авантюра, в которой я когда-либо был замешан!

– Самой идиотской авантюрой было обратиться за помощью к Мьюзу, после чего ты оказался здесь, – не сдержалась Эсфирь. И тут же примирительно добавила: – Кстати, твой старый друг просил извиниться за него.

– Так он все-таки решил присоединиться к нам? – просветлел Легре.

– Нет. Клирики послали его в поселение содомитов выведать все, что связано с твоей деятельностью после того, как ты предал Иерархию.

– Вот как… – протянул Легре, став мрачнее тучи. – И что ему удалось узнать?

– Мы рассказали ему все, что знаем сами.

– Вы что? – бывший клирик едва не лишился дара речи.

– Успокойся. Его ядра сознания угасали, когда он пришел в поселение. Я оставалась с ним рядом, пока он не превратился в призрака.

– Так Мьюз умер? – Легре сжался, словно попал в гравитационное поле, где притяжение превышало в десятки раз земное.

Эсфирь выждала несколько секунд, давая возможность бывшему клирику собраться, затем сказала, что если они не начнут двигаться, то все старания будут напрасны и попытка побега провалится.

– Конечно, – кивнул Легре, все еще пытаясь отойти от вести о гибели старого друга. Пускай Мьюз предал его, но… Так сложно

найти в современном мире настоящих друзей, – проворчал бывший клирик. – В основном лишь тени да блики. Ничего яркого. А Мьюз…

– Мьюз был похож на тебя, – сказала Эсфирь, устанавливая тяжелый блок управления капсулой у стены коррекционного блока, за которой, если верить старым картам, находилась давно всеми забытая вентиляционная шахта. – На первый взгляд вы казались полными противоположностями, – продолжила Эсфирь. – Но когда пообщаешься с вами подольше, то понимаешь, что ваши взгляды и характеры – практически зеркальные отражения друг друга.

Вызвав перегрузку блока управления капсулой, она велела Легре укрыться за ближайшей опорой. Едва он выполнил требование, как громыхнул взрыв. Вернее, сам взрыв больше напоминал хлопок, а вот переборки проломились с приличным грохотом. Энергетический выброс превратился в шар, затем сжался, втягивая в себя часть стены, возле которой был установлен блок управления капсулой, открывая доступ к вентиляционным шахтам.

– Нам туда, – сказала Эсфирь, хватая Легре за руку.

Клирики почти устранили нейронный сбой, и защитные поля начинали затягивать проржавевшие до основания стены, которые тщетно пытались то консервировать, то восстанавливать, – ничто не может существовать тысячи лет, не подвергаясь структурным изменениям и преобразованиям, даже в современном мире.

– И как мы будем спускаться? – спросил Легре, заглянув в вентиляционною шахту, круто уходившую вниз, в непроглядную тьму.

– Мы прыгнем, – не раздумывая сказала Эсфирь.

– Здесь высоко.

– Если верить старой карте, которую нам достали нейропаты, все тоннели имеют плавные изгибы и переходы. Так что мы просто лихо прокатимся по ним, в худшем случае получив пару синяков и ссадин.

– А если они разрушились от времени?

– Ну, мы всегда можем остаться здесь и вернуться в свои капсулы, – пожала плечами Эсфирь, увидела, что нейронное поле подбирается к ним, готовое скрыть пролом в стене, и, схватив Легре, толкнула его в шахту, тут же прыгнув следом.

Несколько секунд они находились в свободном падении, затем шахта начала плавно изгибаться. Некогда идеально гладкая поверхность давно проржавела, превратившись в грубую наждачную бумагу, срывавшую не только одежду, но и кожу. Жидкие чипы заблокировали бóльшую часть болевых ощущений,

но и того, что оставалось, вполне хватало, чтобы выдавить из горла крик. Первой не выдержала Эсфирь. Затем по шахте прокатился вопль Легре. Падение казалось бесконечным, и когда наконец прекратилось, то они еще долго лежали, боясь пошевелиться, гадая, насколько серьезные получили повреждения.

– Кажется, ничего не сломано, – тихо сказал Легре, осторожно пытаясь подняться.

– Зато мясо стерли чуть ли не до костей, – заворчала Эсфирь, словно идея прыгать в шахту принадлежала кому угодно, но только не ей.

В какой-то момент во время падения она подумала, что получит критические повреждения, не сможет выбраться из вентиляционных шахт и умрет в тесноте и темноте. Чувства отчаяния и одиночества стали такими сильными, что не закричи она от боли, то закричала бы от безнадежности, охватившей ее в те минуты.

– Ты знаешь, куда нам идти дальше? – спросил Легре.

– Фарон заставил меня выучить карты, – сказала Эсфирь.

Она поднялась на ноги, тщетно пытаясь осмотреть в темноте полученные раны. Шахты находились в зоне нейронных войдов, так что на помощь нейронного медицинского помощника можно было не надеяться. Конечно, интегрированный жидкий чип пытался перераспределить доступную ему энергию, чтобы залатать поврежденные ткани, но этого явно было недостаточно.

– Если старая карта не врала, то мы сейчас находимся на два яруса ниже Института всемирной иерархии, – сказала Эсфирь, стараясь не обращать внимания на кровь, которая текла из ран, капая на пол. – Генератор воздуха находился впереди. Сейчас там офис крупной нейронной конторы. С ними невозможно договориться, так как большинство их отделов курируют клирики, поэтому придется продвигаться дальше, выбрав другой тоннель, ведущий в частный сектор.

– И как ты собираешься это делать в полной темноте? – спросил Легре.

– Нейронный войд скоро закончится. Это даст возможность жидкому чипу залечить раны и перенаправить энергию на усиление зрения.

– Боюсь, в этих шахтах от улучшенного зрения будет мало проку.

– Значит, придется идти по памяти, к тому же… – Эсфирь замялась. – Фарон не советовал подключать тебя к сети, пока мы не убедимся, что клирики не установили в твое тело никаких следящих устройств.

– Почему они не могли установить такие устройства тебе?

– Я простой содомит, а ты предатель, который некогда был с одними, а потом переметнулся на другую сторону… Мне продолжать?

Они замолчали, решив, что ссорятся, скорее всего, из-за болевых ощущений и бившего через край адреналина, который не успевал перерабатывать жидкий чип. Эсфирь шла первой, на случай, чтобы, обнаружив окончание войда, велеть Легре остановиться, избегая подключения к нейронной сети. Центральная воздушная шахта была высотой в человеческий рост, позволяя не сгибаться в три погибели, как это было в тоннеле, по которому они спустились сюда. Зато здесь было много ответвлений, поставлявших в далеком прошлом очищенный воздух в центральные части жилого комплекса. Сейчас процедура фильтрация изменилась. Небольшие генераторы, особенно если сравнивать с предшественниками, были установлены непосредственно на каждом уровне. Скрытые от взглядов нейронными образами, они функционировали по принципу пневмотоннелей, обслуживаемые ремонтными микромашинами, и не требуя вмешательства людей. К тому же интегрируемые при рождении каждому человеку жидкие чипы на треть очищали поглощенный воздух.

Эсфирь старалась держаться правой стороны шахты, постоянно касаясь шероховатой поверхности, чтобы не пропустить нужный поворот. Кровь продолжала течь из полученных при падении ран. Воздух был тяжелым. Вдохи приходилось делать в несколько раз быстрее, чем при нормальных обстоятельствах.

– Ты как, держишься? – задыхаясь, спросила Эсфирь бывшего клирика.

Сосредоточенный на том, чтобы не падать без сил, клирик налетел на нее со спины, выругавшись на странном диалекте, который, казалось, не имел ничего общего с жителями КвазаРазмерности.

– Ого, это что-то новенькое, – устало улыбнулась Эсфирь. – Новый бранный язык Энрофы?

– Что? – не понял Легре.

– Твоя брань. Я жила на двух уровнях нашего мира, но ни разу не слышала ничего подобного ни от коренных жителей Квазара, ни от жителей Размерности. Остается только Энрофа.

– Это не Энрофа. Сомневаюсь, что им вообще есть дело до такой мелочи, как ругательства.

– Тогда откуда такая монументальная безвкусица?

– Клирики.

– О! Никогда бы не подумала, что в Институте всемирной иерархии уместны подобные слова.

– Они простые люди, Эсфирь, – Легре уперся рукой в стену шахты, переводя дыхание. – Не знаю, сколько еще смогу пройти. Мы потеряли слишком много крови, а воздух, кажется, становится совершенно непригодным для дыхания.

– Не волнуйся. Скоро войд закончится, и ты сможешь отдохнуть, пока я хожу за подмогой.

– Это при условии, что мы не заблудимся.

– Когда это ты стал пессимистом? – попыталась рассмеяться Эсфирь, но вместо этого зашлась сухим кашлем.

Хотя, если говорить начистоту, то она и сама боялась заблудиться. Заученные карты, как только она вернулась в Размерность, частично стерлись из памяти. К тому же неизвестно, как отреагирует ее мозг, когда жидкий чип снова подключится к нейронной сети.

– Ладно, хватит прохлаждаться, – сказала Эсфирь, продолжая движение, однако с этого момента постоянно прислушивалась, чтобы понять, идет за ней Легре или уже сдался, решив умереть в вентиляционной шахте. Однако собственных сил тоже оставалось не так много. Ноги налились свинцом, голова кружилась, легкие горели огнем.

Когда они достигли окончания нейронного войда, Эсфирь двигалась почти на автомате, едва не пропустив момент подключения к сети, велев Легре остановиться.

– Осталось немного, – прохрипела она, обращаясь к бывшему клирику.

Он что-то сказал, но она не разобрала. В памяти четко всплыл участок карты, где находился выход, вот только вспомнить, сколько нужно пройти до этого выхода, так и не удалось. Оставалось надеяться, что сил хватит.

– Жди здесь, – бросила она Легре.

Ноги клирика подогнулись, и он осел на пол шахты. Эсфирь постаралась выбросить из головы дурные предчувствия, но подключенный к нейронной сети жидкий чип нарушал связи с дополнительным мозгом, заставляя доверяться не столько логике, сколько инстинктам, пробуждая что-то животное, темное, дикое. Зато благодаря этому Эсфирь почувствовала прилив сил, позволивший ускорить шаг. Хотя причиной, возможно, стала дополнительная энергия, получаемая жидким чипом посредством нейронных сетей.

Мысли спутались. Эсфирь не хотела вспоминать свою жизнь до того, как ее признали содомитом и выслали в неиндексированные территории Квазара, но сейчас те далекие

всплески безумия и агрессии не вызывали отвращения, наоборот – Эсфирь чувствовала, что в этом был смысл. «Что если вернуться и прикончить Легре, прекратив его мучения?» – мелькнула в голове далекая мысль, и тут же появилась уверенность, что нужно спасаться самой.

– В экстренной ситуации каждый сам за себя, – проворчала Эсфирь, сделала несколько шагов и замерла, понимая, что начинает терять контроль над своей темной половиной.

На выходе из шахты ее должны были ждать нейропаты, готовые проверить Легре на наличие следящих устройств. «Если я не смогу собраться, то, возможно, они станут первыми жертвами», – подумала Эсфирь, стараясь отрешиться от воспоминаний, сосредоточившись на механическом процессе передвижения: поднять левую ногу, поставить, теперь поднять правую…

Когда она добралась до заблокированного выхода, то почти ненавидела свое тело за медлительность и несовершенство. Нейронный доктор устранил большую часть повреждений, но раны не волновали Эсфирь. Она сокрушалась, что у нее нет горы мышц, чтобы сворачивать врагам головы голыми руками, нет когтей, чтобы вспарывать противникам животы, нет клыков…

Добравшись наощупь до решетки вентиляционного отверстия, Эсфирь выдрала ее голыми руками, не заметив, что сломала три пальца. За решеткой находилась стена. Она ударила в нее кулаком. Один раз, другой. Материал, блокировавший выход, был крепким, но Эсфирь продолжала наносить удары, превращая кулаки в кровавое месиво.

Находившиеся снаружи нейропаты услышали глухие удары и спешно установили деактиватор нейронных сетей, создав небольшой коридор, позволявший добраться до стены, за которой бесновалась Эсфирь.

– Отойдите все, – велел Рахаб, устанавливая генератор силового поля, сработавший практически бесшумно, пробив в стене брешь.

Силовое поле, образовав отверстие, ударило Эсфирь в грудь, отбросив к другой стороне шахты. Она ударилась головой, оставив на стене кровавый след, но не отключилась.

– Держите ее! – велел Рахаб помощникам, готовя шприц с наностимуляторами – средство давно устаревшее, но безотказное, если нужно превратить кого-то в овощ на пару часов.

Эсфирь отбросила первого нейропата, укусила второго в плечо и продолжала сжимать челюсти, пока не вырвала кусок плоти. Нейропат взвыл, но не ослабил хватку, давая возможность

Рахабу сделать укол. Эсфирь обмякла почти сразу: не отключилась, но превратилась в биологическую систему, способную реагировать лишь на простейшие раздражители.

– Отведите ее в терминал на окраинах комплекса и отправьте в Квазар, – распорядился Рахаб. – Я приведу Легре… И двигайтесь, у нас мало времени!

Он нырнул в темноту воздушной шахты, надеясь, что безумная Эсфирь не прикончила бывшего клирика. Бег по удушливому тоннелю отнял много сил, заставив запыхаться и вспотеть – жидкий чип перестал справляться с химическими процессами организма.

Механический прибор ночного видения, которым пользовался Рахаб, показал лужу крови под телом Легре, заставив нейропата выругаться. Но жизненные показатели бывшего клирика были стабильны.

– Ничего, подлатаем тебя – и будешь как новенький, – пообещал Рахаб, не надеясь, что Легре слышит его.

Проведенная проверка не выявила систем слежения – кажется, в Иерархии не верили в возможность вторжения или бегства заключенных, закрывая глаза на то, что прецеденты случались время от времени.

Подхватив Легре под мышки, Рахаб оттащил его в поле действия нейронных сетей, надеясь, что медицинский помощник сможет устранить большинство повреждений, поставив бывшего клирика на ноги. Процедура заняла чуть меньше пяти минут, позволив Легре прийти в чувства, но передвигался он все равно с большим трудом. Рахаб помогал ему идти, стараясь не думать о том, что на выходе из шахты их могут ждать хранители, зафиксировавшие постороннее нейронное поле в секторе.

– Кажется, сегодня нам везет, – сказал Легре, когда они смогли беспрепятственно покинуть не только шахты, но и сектор.

Пневмотоннели после серии пересадок доставили их на окраины жилого комплекса. Нейропаты, которым Рахаб поручил позаботиться об Эсфирь, встретили их возле терминала переходов, посоветовав воспользоваться другой конторой.

– Мы потеряли бдительность, и эта чокнутая разнесла половину капсул, напала на девушку из обслуживающего персонала, покалечив ее так сильно, что нейронный медицинский помощник больше часа не мог исцелить повреждения, – сообщили нейропаты Рахабу.

– Я сам боюсь Эсфирь до чертиков, – признался Рахаб. – Помню, как нейронные новостные каналы рассказывали о ней… – он передернул плечами. – Тогда этой женщиной можно было пугать непослушных детей.

Нейропаты согласно закивали, признавая, что надеются больше никогда не встречаться с Эсфирь.

Забавно, но не пройдет и пары дней, как Рахаб и Турелла, возглавлявшие группу Легре в его отсутствие, получат послание от Юмико, в котором программа, способная сокращать бесконечные варианты будущего до минимума, сообщит, что они должны привлечь Эсфирь для выполнения нового задания. Речь будет идти о третьесортном агентстве «Ксанет», самонадеянно обещавшем, что способно помочь решить любые проблемы, хотя в действительности не справлялось даже с собственными.

Агентство базировалось в жилом комплексе Isistius labialis, и весь персонал его состоял из двух человек. Их звали Окс и Лиор, и если бы Эсфирь не появилась в их жизни, то им пришлось бы закрыть «Ксанет» и вернуться к нищенскому существованию: Лиор продавал свое тело туристам, не желавшим совершать перенос сознания в тело клона, а Окс работал третьесортным строителем.

«Но почему именно эта пара неудачников?» – ломал голову Рахаб, недоумевая, зачем они должны делиться с ними передовыми технологиями и экспериментальными разработками. Еще больше вопросов вызывало то, что общаться с ними должна Эсфирь. «При чем здесь вообще эта чокнутая?» – ломал голову Рахаб, надеясь, что Легре сможет дать вразумительный ответ, но бывший клирик, затаившийся на время в неиндексированных территориях Квазара, сказал, что нужно ждать.

– Время покажет, – многозначительно произнес он во время короткой встречи с Рахабом, напомнив тому служителей Иерархии, которые любили подобные изречения.

Разработка препаратов, способных подавить агрессию Эсфирь, была поручена сторонним инженерам Размерности, специализирующимся на взаимодействии современных лекарственных препаратов с интегрированным жидким чипом.

– Ты понимаешь, что если инъекции не сработают, то я начну убивать людей? – спросила Эсфирь Фарона.

Он предпочел промолчать, ограничившись едва заметным кивком.

– Мое место здесь, в поселении содомитов! – гневно заявила Эсфирь, хотя знала, что в конечном счете все равно согласится. Как бы там ни было, но о созданной Чанго программе, назвавшей себя Юмико, она была наслышана. Так что оставалось смириться и вернуться в Размерность, уповая на гениальность ученых, разработавших специально для нее препарат для подавления агрессии.

Когда сознание Эсфирь, покинув Квазар, вернулось

в оставленное в Размерности тело, то первым, что она увидела, стало лицо Рахаба, склонившегося над капсулой, в которой лежала Эсфирь, и готового сделать инъекцию, как только она очнется. Игла проткнула шею, изогнулась, находя яремную вену, и впрыснула в кровь препарат, который должен был заблокировать часть сдвоенного мозга. Эсфирь вздрогнула, вытаращив от неожиданности и без того огромные глаза. На их поверхности отражалось напряженное лицо Рахаба, а в глубине… В глубине зарождалось безумие. Эсфирь чувствовала это и проклинала инженеров, совершивших просчет, добавив в инъекцию необходимые наноэлементы для блокировки защитных систем жидкого чипа – он воспринимал препарат для подавления агрессии как яд и спешно перерабатывал смесь, превращая в энергию.

Эсфирь сделала глубокий вдох, чувствуя, как вместе с воздухом грудь заполняет раздражение, желание причинить кому-нибудь боль, медленно забирая жизнь: капля за каплей, глядя в глаза, пока взгляд жертвы не погаснет.

– Идиоты! – сквозь зубы прошипела Эсфирь на Рахаба. – Не знаю, кто вам разрабатывал препарат, но он не работает.

Она вскочила, собираясь ударить нейропата по лицу, уже представляя, как сломает ему нос и полюбуется брызнувшими кровью и слезами, которые не успеет переработать жидкий чип. Но едва она оказалась на ногах, как препарат, пусть не идеально, но начал действовать. Эсфирь замерла, пытаясь собраться, взяв под контроль эмоции. Привычное для Квазара равновесие чувств раскачивалось, не желая остановиться посередине. Внутренние восприятия то полностью угасали, звеня пустотой, то вспыхивали, возводясь в абсолют.

– Ты в порядке? – осторожно спросил Рахаб.

– Не знаю, – честно призналась она.

– Все еще хочешь причинять людям боль?

– Да, но желание убивать стало меньше.

– Это хорошо.

– Отнюдь, – Эсфирь заглянула ему в глаза. – Я нахожусь на грани, понимаешь? Могу сорваться в любой момент. Сейчас, например, мне больше всего на свете хочется разбить тебе нос.

– Но ведь ты контролируешь это желание?

– Нет, просто чип с завидным постоянством не справляется с фильтрацией, позволяя разработанному вами препарату блокировать участки мозга. Причем, как мне кажется, дозы эти в разы превосходят запланированные, потому что вместо баланса чувств я переживаю полное отсутствие эмоций.

– Если ты можешь контролировать себя, значит система

работает.

– Не если, – скривилась Эсфирь. – Пока я могу контролировать себя.

– Препарат рассчитан на сутки твоего пребывания в Размерности.

– Надеюсь, что ваши химики не напутали в расчетах, – Эсфирь сжала руку в кулак так сильно, что затрещали суставы.

Встреча с Оксом и Лиором обещала превратиться в безумное шоу, если, конечно, она не потеряет контроль и не прикончит их раньше, чем передаст экспериментальную разработку объединения группы людей в нейронную сеть, позволяя одному пользоваться при необходимости мозгом другого, нагружая дополнительными вычислениями и анализами, перенаправляя нейронные информационные потоки, а другому выкачивать из напарника требующуюся энергию. Таким образом один из участников сети превращался в гения, а другой в атлета, способного одолеть группу противников, каждый из которых при обычных обстоятельствах мог бы разделаться с ним, не прилагая особых усилий.

Больше месяца Эсфирь потратила, пытаясь разобраться в деталях изобретения и возможных сферах его применения. Ничего конструктивного в голову не приходило, и она готова была уже признать, что слишком долго живет в Квазаре и разучилась понимать мир Размерности, когда Фарон устроил ей встречу с разработчиками, которые признались, что и сами не знают, куда пристроить свое детище.

– Если бы не вы, то проект можно было бы считать бесполезным, – сказал один из них. – Как прерыватели Джорла, способные изменять образы и перенаправлять энергию нейронных сетей, превращая, скажем, теплый, уютный дом в адскую печь, где сгорает все живое.

– Боюсь, я слишком долго живу в Квазаре, чтобы знать о прерывателях, – призналась Эсфирь.

Согласно совету Юмико, она должна была назвать себя беглым содомитом, разработавшим экспериментальную технологию, которую хочет испытать на представителях агентства «Ксанет». Срок тестирования формально ограничивался тремя годами, хотя в действительности никакого обещанного Эсфирь саморазрушения имплантатов не должно было произойти. Юмико сказала, что срок в три года необходим, чтобы потом привести «Ксанет» в поселение содомитов, дав толчок более глобальным событиям. О том, какими именно будут эти события, Юмико не сообщала, впрочем как и обычно. Нейропаты, способные видеть ее, могли либо верить ей на слово, либо игнорировать,

используя иные программы для модуля эмпатии. Но, так или иначе, каждый нейропат знал, что они продолжают жить в КвазаРазмерности и развиваться только благодаря советам программы, созданной нейропатом первой волны по имени Чанго.

– Не понимаю только, какого черта нейропаты и созданная для них программа лезут в нашу жизнь, – ворчала Эсфирь, общаясь с Легре, после встречи с Оксом и Лиором. – Эти парни неудачники, а само агентство «Ксанет» – та еще шарашкина контора. Ума не приложу, как они смогут дать толчок более глобальным событиям? Даже получив сверхспособности, они остались жалкими посредственностями.

– Может быть, поэтому тебя и не считают способной предсказывать будущее? – снисходительно улыбнулся Легре.

– Иногда не нужно быть предсказателем, чтобы понять – «Ксанет» безнадежен, – отмахнулась Эсфирь, но не прошло и года, как дела агентства пошли в гору.

Казалось, что им действительно под силу решить любую задачу, которые становились все сложнее и сложнее. Цены за услуги росли; люди, обращавшиеся в «Ксанет», располагались все выше и выше на социальной лестнице.

Когда Юмико отправила Туреллу и Рахаба похитить мальчика-нейропата, показав ему терминалы нового образца, надеясь, что его отец, крупный арендодатель Isistius labialis по имени Демир, начнет спонсировать проект, никто не думал, что вместо сотрудничества он обратится в «Ксанет», отправив Окса на поиски разработанной Чанго программы, чтобы выяснить ее настоящее влияние на нейропатов. Никаких других целей Демир не преследовал и тем более не собирался спонсировать запрещенные Иерархией проекты.

На тот момент Окс и Лиор думали, что скоро эксперимент Эсфирь, объединивший их в сеть, закончится, поэтому, отправляясь на поиски программы для нейропатов, разработанной Чанго, они ставили целью не только помочь клиенту, но и найти Эсфирь, уговорив оставить им сверхспособности. Если бы они не преследовали личные цели, то никогда бы не сунулись в поселение содомитов. Не приди в тот день Эсфирь на помощь, Окс и хозяйка куба, доставившая его в поселение, погибли бы от рук диких содомитов, рыщущих в округе в поисках жертв. Точка сборки хозяйки куба имела неопределенный коэффициент восприятия, и Эсфирь старалась как можно реже смотреть на нее, потому что эти постоянные смены лиц и фигур начинали раздражать, выводя из себя, словно она снова оказалась в Размерности, где безумие крадется за ней по пятам.

– В таком случае постарайся держаться от нее подальше, – посоветовал Фарон, увлеченный разгадыванием ребусов Юмико.

Программа Чанго плела сложный узор на ковре жизни. Никто не знал, к чему все это приведет, но время показало, что Юмико можно верить.

– Когда-то давно люди говорили, что дорога в ад вымощена благими намерениями, – сказала Эсфирь, обращая внимание Фарона на то, что влияние и значимость решений программы Чанго увеличиваются как снежный ком. – Она завоевала наше доверие на мелочах, но что если, когда настанет время серьезных решений, она сыграет против нас?

– Против нас? – старый инженер, получивший вечную жизнь, снисходительно улыбнулся. – И на чьей стороне, по-твоему, она выступит?

Эсфирь пожала плечами, признавая, что пока на этот вопрос у нее нет ответа.

– Почему бы тебе просто не признать, что ты боишься того, что не можешь объяснить? – спросил Фарон.

– Мы можем объяснить. Ты сам говорил, что в создании Юмико практически нет заслуги Чанго. Конечно, можно считать его программу выпадающим уравнением схем жизнеустройства, наделяя ее божественным провидением и волей чуть ли не самого Архитектора мира, но что если это просто набор случайностей и ошибок, тянущийся из далекого прошлого?

– У тебя есть идея, как это проверить?

Эсфирь промолчала, понимая, что вопрос риторический.

– Я просто хочу сказать, что не нужно слепо доверять Юмико, – проворчала она. – Кем бы программа Чанго себя ни считала, но пока нам известно лишь, что она может общаться только с нейропатами и не имеет к простым людям никакого отношения.

– Разве сотрудничество Легре с группой Рахаба и Туреллы не доказывает, что нейропатам можно верить?

– Это доказывает мне лишь то, что они, как любой другой вид, хотят развиваться, совершенствуя свои навыки, чтобы выжить, вытеснив другие виды. Так сделали когда-то люди по отношению к животным, теперь, я не исключаю, нечто подобное могут предпринять нейропаты в отношении простых людей. Посмотри, каким ученые Энрофы видят мир будущего! Разве там есть место для обычных людей? А все эти разработки бестерминальных переходов? Разве их смогут совершать люди без сверхспособностей? Я уже не говорю о том, что нейропатов становится все больше и силы их увеличиваются. Сейчас было три волны людей со сверхспособностями. Многие считают, что это

финальный аккорд природы в эволюционном процессе, позволяющем человеку приспособиться к новой среде обитания в нейронных сетях, но что если первые три волны были началом и люди продолжат меняться, пока не сформируют новый вид? Вспомни, кто был прародителем человечества. Разве сейчас мы имеем много общего с приматами? Я говорю не о физических сходствах и различиях. Меня заботит построение мира. Если верить ученым Энрофы, то мир будущего, который лежит не за горами, будет кардинально отличаться от нынешнего.

– И что ты предлагаешь? – на губах Фарона появилась едва заметная улыбка. – Затормозить прогресс невозможно.

– Я не говорю, что мы должны затормозить его. Но разве кто-то запрещает нам самим выбирать свою судьбу? Что если немного скорректировать направление?

– Ты предлагаешь выступить против нейропатов? – опешил старый инженер.

– Я предлагаю дать миру шанс, а не толкать его в пропасть, где ценности, на которых он держится, канут в небытие. Почему мы должны отказываться от чувств только из-за того, что они выгорают у нейропатов? Давайте создадим третий уровень реальности, где будут жить те, кто по доброй воле или в силу врожденных изменений утратил свою человечность?

– Говоришь так, словно нейропаты уже не люди, – подметил Фарон.

– Пока еще люди, потому что, лишившись эмпатии и других реакций на внешние раздражители, они вынуждены подчиняться законам и правилам нашего мира, где существуют понятия добра и зла, порока и добродетели, любви и ненависти. Но попробуй представить, какими станут нейропаты, если им не нужно будет притворяться и подстраиваться под старые как мир ценности?

Теперь пришел черед промолчать Фарону.

– Я не говорю, что мы должны бороться с нейропатами, – продолжила Эсфирь. – Но что мешает нам бороться за жизни простых людей устаревшего вида, как называют нас нейропаты? Почему, имея средства и возможности, мы должны передавать их тем, кто вытеснит нас из этого мира? Почему должны подыгрывать им, вместо того чтобы думать о себе?

– Ты сейчас говоришь о чем-то конкретном или просто обобщаешь? – осторожно спросил Фарон.

– Я говорю о том, что случилось на базе «Виадос-12», – сказала Эсфирь. – Изучение тонких граней временных мембран. Разработка передачи энергии из Квазара в Размерность. И самое главное – вечная жизнь… Ты понимаешь, что это может означать для мира людей?

– Представители Энрофы считают, что человечество не готово к подобным переменам.

– Энрофа вообще не любит, когда кто-то опережает ее в своих исследованиях.

– Не думаю, что в вопросе тонких граней ими движет зависть. Энрофе свойственно занимать нейтральные позиция, преследуя собственные интересы и не заботясь об интересах других.

– И какие интересы они преследуют, если говорить о тонких гранях временных мембран?

– По-моему, ответ очевиден, – Эсфирь выпучила огромные глаза, удивляясь несообразительности Фарона. – Сейчас Энрофа зациклена на бестерминальных переходах. Идея, конечно, гениальная, если не учитывать, что алгоритм перехода работает только с нейропатами. Вспомни, как они убеждали тебя подождать с оглашением открытий, сделанных на базе «Виадос-12». Что было главной причиной отсрочки, при условии, что мы отбросим пустые слова о том, что общество не готово к вечной жизни и это может нарушить баланс двухуровневого мира?

– Бестерминальные переходы, – тихо произнес Фарон. – Но ученые Энрофы уверены, что смогут модифицировать жидкие чипы простых людей, чтобы позволить им пользоваться новой технологией.

– А еще они уверены, что нейропаты – это новый этап эволюции человека. Разве нет? Так и зачем им ломать голову, модифицируя жидкие чипы, если рано или поздно людей без сверхспособностей не останется?

– И что ты предлагаешь? – еще тише, чем прежде, спросил Фарон.

– Думаю, ты и сам понимаешь это, – сказала Эсфирь.

– Хочешь, чтобы я отвернулся от Энрофы и начал собственные разработки?

– Насколько я понимаю, ты ни о чем конкретном не договаривался с Энрофой, поэтому и отворачиваться не придется. Мы предложили им свои разработки, они сказали, что заинтересованы, но предложили ждать, сославшись, что если нам доступна технология вечной жизни, то несколько поколений для нас – не срок.

– Анк тоже решила, что подобное заявление звучит не без издевки, – согласился Фарон. – Хотя, учитывая, что поставлено на карту, думаю, глупо ставить во главу угла обиды.

– Согласна.

– К тому же если искать союзников не в лице ученых Энрофы, то… – Фарон задумался на мгновение, перебирая в уме

возможные варианты. – Кому можно доверить подобную тайну? Клирики, на мой взгляд, доказали свою несостоятельность. Адепты не заинтересованы в возможности выкачивать энергию из Квазара – они обозначили свои позиции еще во времена исследований квазацентристами временных мембран… Да и не хочу я связываться с адептами… Что касается акеми, то от них в этом вопросе, думаю, будет немного пользы, потому что нужно работать на двух уровнях реальности, а они бесполезны, когда речь идет о Размерности. К тому же у нас уже был опыт сотрудничества с акеми – этот союз исчерпал себя. Их можно будет пригласить в качестве наемных специалистов, но не больше… Нам нужен кто-то важный, располагающий достаточной суммой единиц Влияния, чтобы организовать центры как в Размерности, так и в Квазаре. Плюс не нужно забывать о конкурентах, которые будут пытаться ставить палки в колеса. Да и клирики со своими догмами и катехизисами станут играть не последнюю роль. Нам нужен кто-то влиятельный и достаточно независимый от Иерархии, адептов и Энрофы. Навскидку приходит скандально известное семейство монополистов Лок-Кли из Isistius labialis, но, по-моему, они так сильно прогнили, что связываться с ними – себе дороже. Есть еще союз независимых разработчиков из того же комплекса, что и Лок-Кли, а также гильдия торговцев, базирующаяся в Hexactinellida, но они пока еще слишком молоды и агрессивны – они не доказали свою состоятельность. Да и цели, преследуемые ими, далеки от наших взглядов. Попади наши разработки в их руки – и нет гарантии, что они воспользуются ими во благо, а не ради своих коростных целей… – Фарон замолчал, увидев, что Эсфирь улыбается.

– Я сказал что-то смешное? – хмуро спросил он.

– Нет, ты говоришь все верно, вот только… Почему ты не рассматриваешь возможность использовать то, что у нас уже есть?

– Ты говоришь о группе Кор-До?

– Я говорю о том, кого прислала к нам Юмико, желая найти союзника для нейропатов.

– Ты говоришь об арендодателе, который обратился за помощью в агентство «Энеида»? – Фарон нахмурился, увидев новую улыбку на лице Эсфирь.

– Не понимаю, почему умным людям нравится притворяться глупцами? – сказала она.

– Хочешь сказать, нам нужно присмотреться к Демиру?

– Я уже присмотрелась и говорю, что он лучший кандидат на роль нашего спонсора и союзника. А самое главное – практически не замаранный и не погрязший в коррупции,

как Лок-Кли и подобные ему. Есть, конечно, свои грехи, но это не смертельно.

– Ты обратила на него внимание, потому что Юмико хочет сделать его покровителем нейропатов? – догадался Фарон.

– Именно.

– Мне казалось, ты не доверяешь ей.

– Не доверяю, но что касается анализа и оценки, программа Чанго даст фору любой современной системе, я уже не говорю о простых людях.

– И ты думаешь, что лучшей кандидатуры, чем Демир, нам не найти?

– Если только этими поисками не будет заниматься Юмико, что становится невозможным, учитывая конфликт наших интересов.

– А ты не думала, что Демир может идеально подходить для опеки над нейропатами и полностью не соответствовать нашим требованиям?

– А чем наши требования отличаются от требований группы Рахаба и Туреллы?

– Не забывай, что сын Демира нейропат. Так что здесь уже вопрос личных интересов.

– Демир считает нейропатию проказой. Думаешь, почему вместо того, чтобы начать сотрудничество с Рахабом, он отправил Окса выяснить все, что возможно, о созданной Чанго программе? Попробуй навести справки и поймешь, что он готов потратить целое состояние, лишь бы его сын стал обычным человеком. Так что если нам нужен человек, который сможет разделить наши идеи, то Демир – идеальный образец, – Эсфирь замолчала, понимая, что Фарону нужно время все обдумать. – Давай я оставлю тебя ненадолго. Пообщаюсь с Оксом, прощупаю почву, а потом вернусь, и мы обсудим все еще раз, – предложила она.

Старый инженер кивнул, но не успела Эсфирь покинуть его дом, как окликнул ее и сказал, что тоже хочет поговорить с Оксом.

– Пойдешь со мной или мне привести его в твой дом? – спросила она.

– Думаю, будет лучше, если мы с ним немного прогуляемся и обсудим детали с глазу на глаз вне границ поселения содомитов.

Эсфирь нахмурилась на мгновение, затем согласно кивнула.

Она не хотела покидать поселение содомитов, но Фарон решил, что ей нужно отправиться с Оксом, чтобы лично поговорить с Демиром после того, как представитель агентства «Ксанет» расскажет ему о том, что узнал в поселении содомитов.

– Ты спятил? – растерялась Эсфирь, напоминая о своем безумии, которое появляется, стоит только оказаться в Размерности, подключившись к нейронным сетям.

– А кого еще мы можем послать? – спросил Фарон. – У меня и Анк нет тел, чтобы вернуться в материальный мир. Легре курирует проект нейропатов, так что с ним у нас возникает конфликт интересов. К тому же для тебя разработали неплохой препарат, блокирующий безумие, так что…

– Препарат – отстой! В прошлый раз я едва могла сдерживаться, когда встречалась с Оксом и Лиором. Ни о каком ведении переговоров с Демиром и речи быть не может. Неужели ты хочешь, чтобы судьбу мира решал психопат и убийца?

– Ты не убийца, – устало выдохнул Фарон. – И тем более не психопат.

– До поры до времени. – Огромные глаза Эсфирь бешено вращались.

– Демир скупил целый квартал, где отключил нейронный генератор, чтобы сети не могли активировать способности его сына, – сказал Фарон. – Сейчас мальчик прячется от своего недуга в Подпространстве, в одной из игрушек, построенных в Квазаре… Не помню названия, я уже слишком стар для этого… Так что вести переговоры ты сможешь в том квартале.

Эсфирь промолчала, взвешивая слова друга.

– То есть сначала с Демиром встретится Окс, расскажет ему о нас, мы дадим арендодателю время все обдумать, и только потом появлюсь я и сделаю полноценное предложение? – осторожно спросила она.

– Именно, – едва заметно улыбнулся Фарон. – Нам ведь нужно поддерживать легенду, которую ты рассказала Оксу, когда наделила его и Лиора сверхспособностями?

– Они думают, что я выбираюсь из поселения содомитов, пользуясь альтернативной системой передвижений на далекие расстояния, созданной акеми по имени Дош-Ро, – согласилась Эсфирь. – Я сказала им, что могу обходить ограничения ТС содомита и не погибаю, приближаясь к цивилизованным районам благодаря тому, что транспорт Дош-Ро выходит за пределы фиксированного резонанса Квазара.

– Думаю, пока не время раскрывать все тайны.

– Но рано или поздно Окс узнает, что мы использовали его.

– Слишком много нюансов. К тому же сейчас мы отказываемся от первоначального плана Юмико и делаем «Ксанет» полноправными членами предстоящего союза.

– Думаешь, от них будет много пользы?

– На поиски новых кандидатур у нас нет времени.

– Согласна, вот только… Как быть с Легре? Ему не понравится, что мы строим планы у него за спиной.

– Мы привлечем его в проект чуть позже, – не задумываясь ответил Фарон, давая Эсфирь понять, что не забыл о старом друге. – Если все получится, то, возможно, ему удастся продолжать работу с нейропатами, при условии, конечно, что он не захочет присоединиться к главному проекту.

– Думаешь, Демир станет курировать разработки бестерминальных переходов?

– Время покажет. Не забывай, что его сын – нейропат. Если способности мальчика активируются, то у Демира не будет выбора. Сомневаюсь, что он откажется от сына. Скорее наоборот – поддержит.

Эсфирь молчала несколько долгих минут, взвешивая все за и против, затем осторожно кивнула.

– Только я немного боюсь, если честно, – призналась она.

– Мы все немного боимся, – поддержал ее Фарон.

Следующие несколько часов они потратили на обсуждение деталей, затем он встретился с Оксом и организовал его возвращение в цивилизованные части Квазара. Хозяйка куба по имени Джиль-Ла, доставившая Окса к поселению, лишилась во время стычки с дикими содомитами транспорта, так что пришлось обратиться к акеми по имени Сво-Дош, чтобы он подыскал для девушки, продолжавшей скрывать свое лицо при помощи неопределенного коэффициента восприятия, новый куб переносов.

Сделка с Демиром держалась в тайне, поэтому, когда спустя несколько дней после того, как Окс покинул поселение содомитов, на переговоры с арендодателем из Isistius labialis отправилась Эсфирь, то она не знала, как встретят ее в Размерности. Держать связь с представителями агентства «Ксанет» казалось слишком рискованным, да и не было гарантии, что они не станут играть против Фарона. Так что оставалось рискнуть, договорившись с Легре, что его люди позаботятся об Эсфирь, когда она вернется в Размерность.

На этот раз нейропата, впрыснувшего ей в кровь препарат для стабилизации восприятия, она не узнала. Да и был ли это нейропат? Мальчишка встретился с Эсфирь взглядом и спешно попятился, помялся несколько секунд, затем развернулся и выбежал из помещения терминала переходов. Эсфирь гортанно рассмеялась, напугав девушку из обслуживающего персонала, которая хотела помочь ей выбраться из капсулы.

– Не бойся, сегодня я не убью тебя, – сказала Эсфирь. – Может быть, завтра или в другой день, когда я появлюсь в Размерности,

а рука очередного сопляка с наношприцом дрогнет, и препарат не сработает. Вот тогда начнется веселуха… Но не сегодня.

Она снова рассмеялась, заставляя молодую девушку вжаться в стену и не двигаться, пока странная женщина с огромными, словно чайные блюдца, глазами не покинет терминал.

Эсфирь не знала, насколько серьезно клирики озабочены ее поисками, поэтому старалась избегать зон, где можно было столкнуться с хранителями или нейронными системами слежения. Подобное обычно встречалось только в центре да в паре полупустых кварталов местных богачей, предпочитавших, чтобы охраной их семей занимался Институт всемирной иерархии.

Выкупленный Демиром квартал, где он, вопреки запрету клириков, отключил нейронные сети, подготавливая временный дом для сына, когда тот покинет игровую площадку, вернувшись в реальность, находился на другой стороне жилого комплекса, если сравнивать с терминалом, где содержалось тело Эсфирь. Путь через центр обещал быть неблизким, а учитывая, что она собиралась избежать встречи с хранителями и системами слежения, держась преимущественно промерзших окраин, вообще превращался в долгое и нудное путешествие с кучей пересадок и смен станций общественного транспорта, так как внешнее кольцо пневмотоннелей часто подвергалось промерзанию, в результате чего начинали сбоить вакуумные рельсы, и рейсы отменяли, пока ремонтные синергики не устранят проблему.

«Главное, чтобы действие препаратов не закончилось раньше, чем я доберусь до квартала Демира», – думала Эсфирь, считая сделанные пересадки. На втором десятке она сбилась, чувствуя, как в груди начинает закипать гнев. Когда это почти безлюдный после трагедии столетней давности жилой комплекс Isistius labialis превратился в кишащий грубиянами муравейник? Что не так с этими наглецами, которые не уважают никого, толкаются, грубят и если в капсуле общественного транспорта не хватает мест, то готовы вышвырнуть тебя на перрон, если их друг или родственник зазевался, не успев протиснуться внутрь.

– Туристы! – услышала Эсфирь возмущенный голос одной из пассажирок, которая жаловалась подруге на игровые площадки, привлекающие в комплекс фанатов, ведущих себя так, словно местные жители – это люди низшего сорта.

Гнев женщины передался Эсфирь, заставив сжать кулаки так сильно, что ногти проткнули кожу на ладонях и по пальцам заструились тонкие ручейки крови. Нейронный медицинский помощник спешно залатал раны. «Когда же эта давка закончится?» – думала Эсфирь, скрипя зубами и кусая до крови

губы, снова и снова активируя нейронного медицинского помощника. Кто-то из пассажиров сказал, что в час пик общественным транспортом лучше не пользоваться, и у Эсфирь появилась надежда, что толкотня закончится раньше, чем она потеряет контроль над собой.

Впрочем, раздражителем были не только пневмотоннели. Еще один неприятный сюрприз ждал возле скупленного Демиром квартала – защитные системы не позволяли пройти за установленный периметр, не оставляя других вариантов, кроме как обратиться в агентство «Ксанет», чтобы они устроили ей встречу с Демиром.

– Будь ты неладен! – проворчала Эсфирь, с завистью разглядывая закрытый для общего доступа квартал, где был отключен нейронный генератор, обещая желанный покой и гармонию чувств вместо безумия, заявлявшего о себе все громче и громче.

Арендодатель, съевший собаку на делах с недвижимостью, договорился с клириками, что проведет полную модернизацию квартала, превратив его в центр развлечений, где смогут останавливаться туристы из других жилых комплексов, что снизит нагрузки на линии общественного транспорта, так как на территории будущего комплекса будет расположено достаточное количество терминалов, чтобы обеспечить всех новоприбывших телами клонов. Клирики, разумеется, тут же сказали, что хотят контролировать не менее шестидесяти процентов терминалов на территории модернизированного квартала. Демир поднял ставку до семидесяти процентов, предоставив проект комплекса развлечений, строительство которого требовало обязательного отключения нейронного генератора с его последующей модернизацией на более мощный. Клирики совещались по этому вопросу несколько дней, затем, учитывая безупречную репутацию Демира, пошли на уступки.

Строительство проекта должно было растянуться на долгие годы, так что Демир получил то, что хотел, – временное убежище для сына, где мальчик сможет жить, не активируя посредством нейронных сетей способности нейропата, выжигавшие чувства. Отсрочка позволяла сосредоточиться на разработках лекарства от недуга, хотя многие ученые, которых пытался привлечь Демир, считали нейропатию даром природы, отказываясь разрабатывать препараты для подавления способности.

Когда сына арендодателя похитила группа Рахаба и Туреллы, Демир понял, что времени у него остается совсем мало. Способности мальчика проснулись, и он начал пользоваться ими с беспечностью ребенка.

– Ты не должен сдаваться, Джаво, – говорил Демир сыну, но мальчишка лишь смеялся, убежденный после общения с группой Рахаба, что нейропатия – не проказа, а новый виток эволюции.

Модернизация квартала была еще не закончена, поэтому Демир решил, что лучшим будет отправить сына в Квазар, где нет нейронных сетей, активирующих нейропатию. Джаво выбрал игровую площадку «Фивы» и долго клянчил, чтобы отец заплатил кому нужно и снял с точки сборки выбранного им персонажа возрастные ограничения. Демир соврал, что не может этого сделать, понимая, что сын все равно согласится. Конечно, «Фивы» – это не прославленный в Размерности «Голод», но популярность игр Подпространства давно перестала уступать проектам материального мира.

– И не думай, что я не буду следить за тобой, – сказал Демир за несколько минут до того, как Джаво активировал ключ игрока.

– Ты не сможешь! – оживился мальчик.

– Есть нейронные новостные трансляции с игровых площадок.

– Там показывают только самых знаменитых персонажей, а мои возрастные ограничения не позволят мне прославиться.

– Зато эти ограничения дают мне возможность получить лог твоих игровых действий, – Демир хитро улыбнулся, заставив сына нахмуриться.

Больше они не разговаривали. Джаво забрался в капсулу. Его сознание извлекли из тела и отправили в Квазар, настроив необходимый резонанс благодаря разработанным Энрофой системам. Демир вернулся к работе. Для изучения игрового лога сына он нанял двух резонансных инженеров, покинувших «Фивы», не выдержав конкуренции. Впрочем, с задачей следить за судьбой Джаво они справлялись превосходно, ежедневно отчитываясь перед Демиром о том, что происходит с его сыном на игровой площадке. Лишь однажды крупный арендодатель Isistius labialis усомнился в их профессионализме, решив, что инженеры дурят ему голову, сообщая, что Джаво попал в неприятности и кто-то списывает с его счета крупные суммы единиц Влияния.

– Скорее всего, дело в вирусе или трояне, – объясняли они происходящее. – Такое иногда случается. На площадке существует множество магических предметов, модернизированных местными умельцами и подменяющих протоколы ТС игрока, чтобы получить доступ к такой информации, как, например, личный счет. Хотя подобные хитрости, как правило, вычисляются системой и устраняются во время ежедневных перезагрузок, так что в случае вашего сына имеет место что-то более изощренное…

Демир слушал инженеров, активировав кодированный

нейронный канал, чтобы навести справки о других профессионалах, способных заменить тех, что пытаются воровать у него вместо того, чтобы работать. Требования к новым работникам были не особенно высокими, но из предлагаемых кандидатур не было никого лучше тех, что уже работали на него.

– Я что, вам мало плачу? – потерял терпение Демир, уставившись на пару резонансных инженеров.

Они растерянно переглянулись и покачали головами.

– Тогда какого черта вы пытаетесь воровать у меня, рассказывая байки о каких-то игровых оберегах и прочей ерунде? – закричал он.

Инженеры вздрогнули и начали наперебой объяснять, что хоть они и профессионалы, но, не находясь в проекте, исправить то, что происходит с Джаво, им не под силу.

– Вы уволены, – отрезал Демир, однако не прошло и двух дней, принес извинения и попросил вернуться, так как личный счет сына, несмотря на регулярные пополнения, продолжал пустеть, да и новых квалифицированных резонансных инженеров найти оказалось не так просто.

Бывшие сотрудники «Фив» приняли извинения, посоветовав обратиться к руководству игры, чтобы они разобрались с опустошением личного счета Джаво.

– Хотя, вероятно, он просто попал в какие-то неприятности, – сказали они.

– Какие неприятности могут ждать ребенка с самым высоким коэффициентом возрастных ограничений, да еще и на площадке закрытого города? – удивленно всплеснул руками Демир, на что инженеры выдали такой длинный список, что он лишь растерянно открыл рот.

– В «Фивах» предусмотрена дотационная система, благодаря которой можно незначительно влиять на игровой процесс извне, – сказали инженеры. – Конечно, в локациях Аида или Далеких земель подобное невозможно, но на таких простейших уровнях, как закрытый город, если, конечно, держаться подальше от дворцовых интриг, можно неплохо контролировать успешное развитие сюжетной линии персонажа и развитие им необходимых навыков.

– Ну так и займитесь этим, – решил Демир, выслушал дополнительный перечень затрат и дал согласие. – Или вы думаете, что этим я буду заниматься сам?

– Многие родители предпочитают контролировать своих детей в подобных ситуациях, – пожали инженеры плечами.

– Я что, похож на человека, у которого нет более важных дел, чем следить за тем, как играет его ребенок? – вспылил Демир,

заставив инженеров поверить, что сейчас их снова уволят. – Или вы хотите сказать, что не справитесь с подобным поручением и мне лучше подыскать новых сотрудников?

– Нет, справимся, – спешно сказали инженеры, заверив, что на рынке труда сейчас мало кто из свободных специалистов лучше них разбирается в подобном вопросе.

– Вот и отлично, – сказал Демир, пообещав, что будет наблюдать за работой инженеров.

Сначала он связывался с ними ежедневно, затем через день, и наконец, когда из поселения содомитов вернулся Окс, раз в неделю.

Фарон договорился с Легре, чтобы нейропаты передали в «Ксанет» копию разработанной Чанго программы, позволив группе нанятых Демиром ученых изучить феномен Юмико, что было, в общем, бесполезной тратой времени, учитывая, что в тонкостях выпадающего уравнения не смогли разобраться даже представители Энрофы. Так что в успех ученых Демира верилось еще меньше.

– Отличная работа, – сказал он, получив от Окса разработанную для нейропатов программу Чанго.

– Ради нее мне пришлось отправиться в поселение содомитов, – сообщил представитель агентства «Ксанет».

Демир поднял бровь, решив, что Окс хочет поднять стоимость своих услуг.

– И что было интересного в этом… поселении содомитов? – небрежно спросил арендодатель, словно никогда и не слышал о том, что такое неиндексированные территории и какие ужасы там происходят, не говоря уже о затерявшемся в бескрайних пустынях этого хаоса поселении содомитов.

– Я кое-что узнал, когда был там, – осторожно сказал Окс.

Вообще-то подобные разговоры обычно вел его напарник, но сейчас Лиор занимался тем, что пытался собрать всю доступную информацию, касающуюся тонких граней временных мембран и баз квазацентристов класса «Виадос».

– Поговорить с Демиром сможешь сам, – сказал он напарнику. – К тому же он, судя по всему, настороженно относится ко всем, кто умнее него, постоянно ожидая подвоха, так что твои невежества и простота сыграют нам на руку.

Поэтому Окс – мускулы агентства «Ксанет», а не мозги – разговаривал сейчас с Демиром.

– Сейчас мой напарник проверяет полученную мной информацию, но… – Окс замолчал, увидев раздражение на лице Демира.

– Ты что, хочешь таким образом намекнуть, что собираешься

шантажировать меня? – прошипел арендодатель.

– Шантажировать? – растерялся Окс. – Нет!

– Тогда какого черта… – Демир недобро улыбнулся. – Хочешь поднять цену за свои услуги?

– Хочу сказать, что нашел людей, которые через меня решили сделать предложение сотрудничества, – процедил Окс сквозь зубы, с трудом сдерживая гнев.

– Предложение сотрудничества? – Демир растерянно тряхнул головой. – Люди из поселения содомитов?

– Да.

– Ты понимаешь, как это звучит? – Демир нахмурился. – И какого черта ты вообще отправился искать программу для нейропатов в поселение содомитов?

– Из-за Эсфирь.

– Это еще кто?

– Женщина-содомит, которая помогла агентству «Ксанет» не пойти ко дну, подарив мне и Лиору экспериментальную разработку, объединившую нас в сложную сеть.

– Не понимаю, какое отношение это имеет ко мне, моему сыну и программе для нейропатов?

– Когда Эсфирь приходила к нам три года назад, она говорила много странных вещей, рассказывала о знакомых людях… – Окс замолчал, потому что Лиор загрузил часть его мозга дополнительным нейронным потоком для анализа информации. – Ненавижу, когда такое происходит, – проворчал Окс, глядя на Демира затуманенными глазами.

– Что с тобой? – спросил арендодатель.

– Подарок Эсфирь, – Окс неловко попытался объяснить, как работает созданная сеть. – Беда в том, что проект этот был экспериментальным. Эсфирь сказала, что модификации наших жидких чипов самоуничтожатся, когда пройдет три года… – Он снова поморщился, отчитывая про себя Лиора, который никогда не заботился о том, что перегружает мозг напарника так сильно, что тот подвисает, как примитивный адаптивный алгоритм при общении с человеком. – Сейчас отведенный Эсфирь срок почти вышел, – продолжил Окс, когда нагрузки снизились. – Три года назад она много болтала о своих друзьях, среди которых были нейропаты, так что мы решили убить сразу двух зайцев – договориться о продлении эксперимента, объединившего меня и Лиора в сеть, и узнать все, что можно, о программе для нейропатов, разработанной ныне покойным Чанго.

– Не знаю, к чему ты клонишь, но сейчас твоя история звучит так, что я склонен думать, а не снизить ли мне плату за услуги вашего агентства, – сказал Демир.

– Сейчас моя история еще никак не звучит, – небрежно ответил Окс, устав от нападок клиента.

– Тогда почему бы нам не перейти к сути?

Окс пожал плечами и сжато передал предложение Фарона начать совместные разработки технологии получения энергии посредством тонких граней временных мембран, а также подготовить почву для постановки на конвейер процесса разрыва извлеченных сознаний с биологическими оболочками с возможностью последующего возвращения в собственное тело или тело клона.

– Ты понимаешь, о чем только что сказал? – растерянно спросил Демир.

– Тебя интересует та часть, где Фарон предлагает заняться разработкой новых генераторов для передачи энергии Квазара в Размерность, или та, где он говорит о вечной жизни?

– Значит, понимаешь… – протянул арендодатель, решив, что представитель агентства «Ксанет» либо свихнулся, либо… – Как содомиты могли разработать подобное? – спросил он.

– Фарон не содомит. Когда-то давно он и его женщина по имени Анк прибыли на базу квазацентристов «Виадос-12», чтобы начать новую жизнь… Лиор проверил эту информацию, подняв доступные архивы, – все сходится.

– Что сходится?! – затряс головой Демир. – Ты понимаешь, сколько сейчас должно быть лет этому Фарону?

– Почти полторы сотни.

– И как такое возможно?

– Он и акеми по имени Аст-Пла нашли оставшиеся от клириков исследования тонких граней. Иерархия хотела разработать генераторы нового образца, но потерпела неудачу. Клирики, проводившие эксперимент, погибли, но Фарон и Аст-Пла восстановили их исследования. Затем они тоже допустили ошибку и выжили только благодаря родственникам Аст-Пла, сумевшим заново собрать ядра их личностей. В тот момент никто не думал о бессмертии, но когда они попытались вернуться в Размерность, оказалось, что связь с телами нарушилась. В терминалах, где находились их биологические оболочки, решили, что сознания были выброшены в свободный временной набор, выждали месяц и отправили тела на утилизацию. Фарон и Аст-Пла думали, что превратятся в призраков, угаснут, но ядра их личностей продолжали сохранять целостность, получая энергию непосредственно из тонких граней, доказав возможность вечной жизни. Позднее к ним присоединился бывший клирик по имени Легре. Аст-Пла пытался провести эксперимент по восстановлению связей с находившейся в Размерности

биологической оболочкой, используя тело клона, но эксперимент потерпел неудачу. Позднее проектом заинтересовались ученые Энрофы. Новым подопытным стал Легре. Долгие подготовки увенчались успехом, так что бывший клирик на данный момент является живым доказательством победы науки над смертью.

– Почему, если все действительно так, как ты говоришь, этот Фарон не стал сотрудничать с Энрофой? – продолжал искать слабые стороны истории Демир.

– Он сотрудничал, но… – Окс задумался на мгновение, пытаясь сократить долгую историю, затем решил, что будет лучше не спешить и рассказать все, что знает сам, – именно это ему, в конце концов, советовал Лиор.

Арендодатель слушал внимательно, настороженно, особенно ту часть, где рассказывалось о видении Энрофой будущего, когда все люди превратятся в нейропатов.

– Выходит, группа, похитившая моего сына, курируется Энрофой? – спросил Демир.

– И да, и нет, – ответил Окс, пытаясь объяснить, что разработка бестерминальных переходов ведется не централизованно, а разбросана по всем жилым комплексам. – В этом сила и неуязвимость Энрофы, – пояснил представитель агентства «Ксанет». – У них нет центра. Каждый проект имеет десятки дубликатов. Подобный подход касается всего, что связано с Энрофой. Этот мир, который через пару поколений, возможно, станет третьим уровнем реальности, не имеет ни лидера, ни научного центра, что лишает противников возможности выбрать одиночную цель. Важен каждый филиал, каждое формирование, созданное на субуровне Подпространства. Подобный подход применяется ими и к курируемым проектам. Все, что связано с Энрофой, абсолютно децентрализовано.

– Хочешь сказать, что где-то есть еще группа, как та, что похитила моего сына? – спросил Демир.

– Думаю, таких групп десятки. Одним удается добиться больших результатов, другим меньших, но учитывая, что все они связаны в сеть посредством центров Энрофы, то успех одного превращается в успех всех, а неудача отдельно взятой организации не значит ровным счетом ничего.

– Звучит так, словно Энрофа – это не горстка ученых, а паразит, поселившийся в жилых комплексах, вирус.

– Все зависит от того, с какой стороны на них смотреть, – уклонился от ответа Окс.

– Они похитили моего сына!

– Ни одна из созданных Лиором реконструкций похищения не показала, что мальчик действовал против своей воли.

– Он ребенок и плохо разбирается в жизни… – Демир нахмурился, стараясь не встречаться с Оксом взглядом. – Хотя мозги во время похищения ему промыли неплохо. Не скажу, что имеет место быть коррекция сознания, но сорванца не узнать. Если раньше он стыдился своего недуга, то сейчас гордится, что нейропат… Не знаю, что бы делал с ним, если бы не уговорил отправиться на игровую площадку, построенную в Подпространстве, где нет нейронных сетей, активирующих его способности.

– Но сейчас, если система анализа Лиора не дала сбой, вы подготовили для него целый квартал, где отсутствуют нейронные сети и где мальчик сможет жить, покинув «Фивы»? – осторожно спросил Окс.

Демир бросил на него тревожный взгляд, затем осторожно кивнул.

– Очень сложно найти хороших специалистов, готовых взяться за проект по удалению из ядер личности способности к нейропатии, – очень тихо произнес арендодатель.

– Сомневаюсь, что наука способна в наши дни на подобное, – сказал Окс. – Скорее всего, достойные ученые отказываются именно поэтому, а те, кто соглашается… Полагаю, это просто шарлатаны, желающие заработать на чужом горе.

– Я тоже об этом думал, – тяжело вздохнул Демир. – Но твои слова об извлечении энергии из Подпространства и тем более о вечной жизни звучат еще менее реалистично, чем обещания ученых исцелить моего сына от недуга.

– О вечной жизни говорят уже не одну тысячу лет, пытаясь разорвать связь сознания с полученной при рождении биологической оболочкой. Ядра личности способны существовать независимо на уровне Подпространства, но без получаемой от тела энергии они медленно угасают. Главным в вопросе вечной жизни было умении извлекать из тела сознание человека с его последующим перенаправлением в созданный в Подпространстве мир, где возможно естественное существование – этот вопрос был решен благодаря компенсаторам резонансов Энрофы. Связь с телом тоже давно научились разрывать – а это уже два из трех необходимых компонентов для вечной жизни. Оставалось лишь понять, как научить ядра личности получать энергию непосредственно из Подпространства.

– И Фарон смог разобраться? – безрадостно уточнил Демир.

– Не Фарон – случай. Если бы не работы группы клириков, возглавляемых Легре, то Аст-Пла и Фарон никогда не стали бы экспериментировать с тонкими гранями временных мембран, что едва не привело их к гибели.

Арендодатель предпочел промолчать.

– Думаю, все дело в том, что наука квазацентристов молодая и временные мембраны недостаточно изучены, – продолжил Окс. – Плюс Иерархия всеми силами душит проекты, связанные с изучением тонких граней. Клирики боятся, что люди научатся извлекать энергию из Подпространства, лишив их монополии на владение генераторами, необходимыми для существования КвазаРазмерности… Сам понимаешь, на одних репродукционных центрах далеко не уедешь, к тому же центры Энрофы давно предложили альтернативу, которой пользуются богачи и адепты «Мункара и Накира»… Если появятся альтернативы генераторам, то означает, что Иерархия лишится абсолютной власти в Размерности. Появятся новые корпорации, слово которых будет значить больше, чем слово клириков. Нынешние генераторы работают на пределе возможностей. Развитие технологий Размерности затормозилось. Разработки заходят в тупик из-за того, что нововведения потребляют слишком много энергии. Последний прорыв – это запуск в Isistius labialis нейронных сетей седьмого поколения, но что ждет современный мир дальше? Конечно, клирики без устали говорят о том, что Великий ледник отнимает все больше и больше необходимой для жизни энергии, и нужно, понимая это, набраться терпения, но…

– Они просят нас ждать, надеясь, что холод спадет, позволив перенаправить освободившуюся энергию генераторов на нужды жителей, – подытожил Демир.

– Последней попыткой клириков стало спонсирование проекта квазацентристов, но после провала Легре они спешно прикрыли все базы класса «Виадос», занимавшиеся изучением тонких граней временных мембран, боясь, что их ученых опередят независимые разработчики. С тех пор Иерархия тратит больше сил на упразднение опасных для ее власти исследований и научных проектов, нежели на разработки новых видов энергии и поиски альтернативных источников. Их самым крупным проектом за последние полтора века стала постройка перевалочных баз вне жилых комплексов и организация экспедиции к центру Великого ледника – совершенно ненужные затраты, учитывая, что в КвазаРазмерности полно насущных проблем. Но экспедиция нужна клирикам, чтобы решить, как быть дальше – продолжать ждать естественного потепления или готовиться к ухудшению ситуации. Они подают миру экспедицию как победу человека над стихией, заботу о будущем, но в действительности хотят лишь понять, как им дальше вести себя, чтобы удержать полученную власть.

– Полагаю, все, кто, имеет хоть немного своих мозгов,

понимают это, – сказал Демир. – Хотя судя по тому, как центральные нейронные каналы подносят цели экспедиции, клирики – просто спасение для человечества. Типа никто не думает о похолодании, кроме них. Собственники коррумпированы и заботятся только о своих выгодах. Талантливые разработчики куплены монополистами, главная цель которых – уничтожить конкуренцию, удержав власть в своих руках… В общем, Иерархия обвиняет своих врагов в том, чем занимается сама на протяжении последней тысячи лет. Коренным жителям Квазара, где власть неофициально принадлежит менее консервативным адептам «Мункара и Накира», не так все это заметно, но тем, кто живет в Размерности, особенно крупным дельцам, буквально с каждым новым месяцем становится сложнее вести дела, потому что клирики закручивают гайки, нуждаясь в дополнительных инвестициях и пополнении бюджета, значительно похудевшего после организации экспедиции в центр Великого ледника. Говорят, невозможно сколотить состояние, не замаравшись, но в Isistius labialis какое-то время это было реально. После трагедии, едва не погубившей весь жилой комплекс, клирики на многое закрывали глаза, готовые в любой момент отказаться от нас, перенаправив энергию местных генераторов на два других комплекса. Громадные территории освободились, и все, кто имел желание и хоть немного ума, смогли извлечь из трагедии выгоду. Конечно, клирики уже сейчас начинают бросать в нас за это камни, заявляя, что наши прадеды должны были помогать им восстанавливать Isistius labialis, а не обогащаться, но правда в том, что комплекс выжил и начал возрождаться именно благодаря тому, что наши прадеды вдохнули жизнь в бизнес и начали привлекать разработчиков из Galeus longirostris и Hexactinellida, предлагая в аренду подготовленные исследовательские лаборатории по смехотворным ценам. Именно это положило начало тенденции переносить исследования, а позднее игровые площадки, к нам, дав толчок к возрождению, привлекая инвестиции и туристов. Запуск нейронных сетей седьмого поколения Isistius labialis, который клирики считают своей заслугой, ни в коем случае не принадлежит им. На исследования и разработки ученых толкнула концентрация в нашем комплексе игровых площадок, потребляющих огромное количество энергии. Нейронные сети нового поколения были способны снизить затраты в несколько раз, значительно расширив возможности игрового мира. Поэтому исследованиями заинтересовались владельцы крупных игровых проектов, выделяя средства ученым, готовым взяться за разработки. Соответственно

запах денег привлек лучших умов Размерности. Что касается Иерархии, то их главная и единственная заслуга в создании нейронных сетей седьмого поколения – это разрешение на запуск и пробное тестирование в рамках жилого комплекса. Причем вначале они отказывались брать на себя ответственность управлять экспериментальной нейронной сетью, и лишь сейчас, когда большинство нестыковок устранили, опомнились, и начали спешно переписывать законы, надеясь получить контроль над прибыльной жилой, создавая в комплексе такой экономический климат, чтобы у нас, торговцев, разработчиков и прочих дельцов, не оставалось другого выбора продолжать деятельность, кроме как скрывая часть доходов и уклоняясь от непомерных выплат, что дает клирикам возможность настроить против нас низшие слои населения Isistius labialis, которых к этому моменту, возможно, не было бы вовсе, не начни наши прадеды активное сотрудничество с другими комплексами. Иерархия уж точно палец о палец не собиралась ударять, чтобы изменить медленное вымирание пострадавшего комплекса… – Демир смерил Окса тяжелым взглядом. – Хотя что я говорю! Ты ведь местный. Должен понимать ситуацию.

Представитель агентства «Ксанет» едва заметно кивнул и осторожно вернул разговор к обсуждению предстоящей сделки.

Глава третья

Демир не знал почему, но Эсфирь понравилась ему с первого взгляда. Понравилась не как женщина, а как партнер в опасном союзе, который он заключил с Фароном при посредничестве представителей агентства «Ксанет», впутавшихся волею судьбы в это опасное предприятие. Демир еще не сделал официального предложения, но уже рассматривал Окса и Лиора в качестве союзников. Во-первых, их агентство зарекомендовало себя за последние три года только с лучшей стороны, а во-вторых, они были в курсе того, что происходит, и привлекать сторонних силовиков, скажем представителей агентства «Энеида», было более опасно, несмотря на то, что «Ксанет» в подметки не годился последним.

– К тому же «Энеида» является неофициальным партнером Иерархии, – сказал бывший клирик по имени Легре, принявший решение присоединиться к Фарону и Демиру, не увидев в их союзе конфликта интересов с Энрофой, проект которых продолжал курировать, передав управление Рахабу и Турелле. К тому же таких групп, как у Рахаба и Туреллы, по всей КвазаРазмерности было еще не меньше дюжины, так что потеря одного спонсора в лице Демира не была смертельна. Да и Юмико в любом случае должна была предвидеть подобное, рассматривая запасные варианты… – Если, конечно, программа Чанго изначально не планировала, чтобы все получилось именно так, – сказал Легре.

– Что это значит? – насторожился Демир.

– Думаю, он хочет сказать, что, берясь за подобные проекты, нужно перестать удивляться чему-либо, – сказала Эсфирь, огромные глаза которой смотрели сразу и на Демира, и на Легре.

Демир кивнул, но еще долго оставался задумчивым, гадая, какая роль отведена его сыну в этой истории. Хотелось верить, что похищение Джаво было нужно только для того, чтобы подготовить встречу его, Демира, с Фароном, и больше мальчишку не побеспокоят, но…

– Когда ставки так высоки, как сейчас, то невозможно ни в чем быть уверенным наверняка, – сказала Эсфирь, когда арендодатель поделился с ней своими волнениями.

Демир смерил ее внимательным взглядом и подумал, что эта странная женщина напоминает ему каким-то образом всех друзей, которые у него когда-либо были. Возможно, виной всему постоянные смены настроений, а возможно, причины симпатии заключены в том, что Эсфирь – генетическая ошибка, и он жалеет

ее, потому что сравнивает со своим сыном, способности к нейропатии которого считает недугом.

Демир хорошо запомнил день, когда впервые увидел ее. Она была вздернутой, агрессивной, балансировавшей на грани нервного срыва. Если бы Окс, к которому она обратилась, чтобы он устроил ей встречу с Демиром, не усыпил ее, то быть беде – арендодатель понял это, когда изучил личное дело Эсфирь, пытаясь разобраться, почему она стала содомитом. Если верить отчетам Института всемирной иерархии, то женщина была сущим дьяволом – дикий, не поддающийся контролю хищник, вышедший на охоту. И жертвой может стать кто угодно. Достаточно одного неосторожного взгляда, слова. Если верить клирикам, то последние ученые, пытавшиеся исправить нарушенные связи дефективного мозга Эсфирь с дополнительным, установленным вместо правого легкого, поплатились за это жизнью.

– И этого монстра Фарон отправляет ко мне вести переговоры от его лица? – опешил Демир, когда увидел ее впервые в офисе агентства «Ксанет».

Разговор с Оксом, а затем тщательное обсуждение деталей с Лиором, мозгами «Ксанета», убедили его, что в сотрудничестве с Фароном есть смысл, но встреча с Эсфирь…

– Смотрю на нее и понимаю, что заключил сделку с содомитами, – признался Демир. – Кто, находясь в здравом уме, мог послать подобного монстра к компаньону?

– Привыкай к странностям, – посоветовал Лиор, успокоив арендодателя обещанием, что Эсфирь придет в норму, как только окажется вне зоны действия нейронных сетей.

– Хотите, чтобы я отвел этого монстра в квартал, который подготавливаю для возвращения сына в Размерность? – опешил Демир.

Лиор и Окс промолчали, сочтя вопрос риторическим.

– Нет, к черту – проще отказаться от сотрудничества, вернувшись к нормальному бизнесу! – замахал руками арендодатель, собрался покинуть приемную агентства «Ксанет», сбежать, спрятавшись в своем квартале, взяв паузу, чтобы все обдумать, но не успел сделать и пары шагов, как любопытство взяло верх. – Ладно, давайте доставим Эсфирь в зону нейронных войдов и посмотрим, исцелится или нет она чудесным образом, как вы обещаете, – предложил он, уточнив, что в случае провала разорвет все отношения с Фароном и агентством «Ксанет».

– Разумно, – согласился Лиор, отправив Окса сопровождать Эсфирь, сдерживая ее неконтролируемые вспышки ярости.

Они воспользовались частным транспортом Демира, фривольно мчась по магнитной дороге в левой полосе, которая

была почти всегда свободной, списывая с личного счета водителя за движение по ней столько единиц Влияния, что большинство предпочитало держаться ближе к правой стороне, где движение было намного дешевле, да и частного транспорта в Isistius labialis после трагедии вековой давности почти не осталось: местных жителей было мало, а клонам, чьи тела использовали туристы, прибывавшие из других жилых комплексов, запрещалось пользоваться частным транспортом без специального разрешения.

В дороге Эсфирь стало совсем плохо. Она запрокинула голову и захрипела. Изо рта пошла пена. Несколько раз попыталась наброситься на Демира, но Окс крепко держал ее, прижимая к спинке заднего сиденья. Женщина была сильной, и если бы он не мог, благодаря изобретению Эсфирь, подаренному ему и Лиору три года назад, задействовать дополнительную силу напарника, то ни за что не удержал бы ее.

Демир бранился всю дорогу, правда ругательства были на редкость цивилизованными и, несмотря на то, что принадлежали коренному жителю Размерности, Окс не мог разобрать сути, лишь улавливал отдельные слова и фразы. Странно, но когда они наконец-то оказались в зоне нейронного войда и Эсфирь сначала успокоилась, а затем начала приходить в чувства, брань Демира не стихла, а, наоборот, усилилась.

– Тебе не угодить, – шутливо подметил Окс.

– Отец всегда учил меня держаться подальше от сомнительных сделок, – сказал арендодатель. – Сегодня, пока мы ехали сюда, я решил, что пора ставить в истории с Фароном точку, но сейчас… – он нахмурился, заглянув в огромные глаза Эсфирь.

– Что? – тихо спросила она, все еще испытывая слабость после длительного нахождения под действием нейронных сетей.

– Думаю, нам многое нужно обсудить, – осторожно сказал Демир.

– Ты хочешь обсуждать это многое прямо сейчас или дашь мне возможность прийти в себя? – хмуро спросила женщина.

Квартал, выкупленный Демиром для сына, только начинал строиться. Первые каркасы, созданные координаторами, были возведены исключительно для служб проверки соответствия, курируемых Иерархией. Клирики хотели быть уверены, что конечные планы застройщика не разойдутся с начальными замыслами. Идея Демира создать здесь развлекательный центр пришлась им по вкусу, но стоило сделать один неверный шаг – и клирики ликвидируют разрешение, а проект поручат другому арендодателю или финансисту, готовому сотрудничать.

Эсфирь поселилась в доме, который в будущем должен стать

центром квартала. Демир создавал его для сына, но свободных комнат там было так много, что можно было спокойно разместить все поселение содомитов. Впрочем, насмотревшись на Эсфирь, Демир предпочел бы больше никогда не встречаться с другими изгоями общества. Хватит с него и генетической ошибки, направленной к нему Фароном для ведения переговоров. До того, как стать содомитом, она убила много людей, но арендодатель почему-то запомнил только ученого-акеми, которому Эсфирь выдавила глаза, повредив мозг, превратив в калеку, неспособного существовать в своем теле. Конечно, акеми использовал ее как подопытную крысу, коих в Isistius labialis после появления игровой площадки «Голод» было пруд пруди, но…

– Не хочу, чтобы когда мой сын поселится здесь, Эсфирь все еще оставалась в этом квартале, – сказал Демир.

– Лиор провел детальный анализ и готов поручиться за нее, – успокоил встревоженного отца Окс.

Это был первый день знакомства Демира с Эсфирь. Тогда он боялся даже оставаться с ней наедине, но после страх отступил. Женщина восстановилась от длительного пребывания под пагубным для нее воздействием нейронных сетей и превратилась в замечательного собеседника. Какое-то время Демир общался с ней в присутствии Окса, затем начал доверять, встречаясь наедине.

Так как нейронные сети были отключены, то за охрану периметра отвечали синергики – еще одно нарушение, о котором не знали клирики. Впрочем, мало кто мог проникнуть на территорию квартала без специального разрешения. Проект был официальным, и блокировка осуществлялась за счет энергетических полей общих нейронных сетей. Защитный купол создавался не изнутри, а извне – давно практикуемая система, призванная защитить жителей от попадания в нейронные войды. Вначале инженеры Размерности просто научили сети блокировать доступ к непокрытым территориям, затем подобная практика начала применяться к строительным проектам.

Демир не скрывал, что хочет встретиться лично с Фароном, но отправиться в поселение содомитов не был готов, а Фарон не мог встретиться с ним в Размерности, так как давно лишился своего тела и не хотел подвергаться процедуре восстановления связей с клонированной физической оболочкой, которую могли предоставить центры Энрофы. Так что оставалось либо общаться с Эсфирь, которая поклялась, что больше никогда не покинет нейронный войд, либо привлекать к проекту новых лиц. Причем решать должен был Фарон, потому что Демир был далек от деловых связей с Квазаром. Он был коренным жителем

Размерности, посетившим мир Подпространства всего несколько раз, да и то в качестве туриста, чтобы расширить свой кругозор.

Посредником между Демиром и Фароном оставался Окс. Его напарник сказал, что нужно набраться терпения, потому что подобные союзы не заключаются в мгновение ока.

– Думаю, они послали Эсфирь в качестве второй части подготовки предстоящей сделки, – объяснял Лиор, обсуждая вопрос с Оксом. – Первой частью был ты. Тебе отводилась роль катализатора, который должен был разжечь любопытство Демира. Эсфирь должна помочь этому огню окрепнуть, подготовив площадку для появления главного игрока.

– И кто это будет? – спросил Окс, давно перестав удивляться удивительным способностям напарника к дедукции.

Он и до появления Эсфирь не был глупцом, а после того, как получил возможность использовать часть мозга напарника, превратился в гениального стратега, благодаря которому «Ксанет» быстро пошел в гору.

– Полагаю, очень скоро к нам присоединится кто-то из близкого окружения Фарона, – сказал Лиор. – Кто-то способный стать недостающим звеном союза, объединив главных участников…

Он говорил много, вдаваясь в подробности, с точностью описав личность нового участника союза, не сумев назвать лишь имя – Легре.

Бывший клирик присоединился к Демиру незадолго до того, как сын арендодателя вылетел с игровой площадки «Фивы», поселившись в приготовленном ему квартале, став соседом Эсфирь, которой Демир к тому времени начал доверять настолько, что поручил заботу о своем ребенке.

Легре не претендовал на роль компаньона. Ему хватало статуса консультанта. К тому же, работая с Демиром, он был уверен, что рано или поздно арендодатель начнет курировать не только проекты получения энергии Подпространства и вечной жизни, но и связанные с разработкой новых терминалов. По крайней мере, те, что возглавляют Рахаб и Турелла. Нужно лишь набраться терпения, планомерно вдалбливая Демиру, что вечная жизнь неразрывно связана с нейропатами и системой бестерминальных переходов, способной вывести на новую ступень развития весь двухуровневый мир.

Первое, что сделал Легре в качестве продвижения проекта нейропатов, – это убедил Демира прекратить поиски ученых, готовых взяться за разработку системы блокировки подаренной природой сверхспособности.

– Таких ученых в современном мире просто нет, – сказал

бывший клирик. – В лучшем случае вы найдете шарлатанов или безумцев, готовых экспериментировать с ядрами личности, разрушая необходимые для существования связи, потому что ничего подобного никогда не делалось. Скольких нейропатов вы готовы принести в жертву несбыточной мечте? И кто станет первым подопытным?

Демир уступил уговорам, но не потому, что слова Легре стали для него откровением – нет, он слышал подобное не раз, но прежде никто не предлагал ему в качестве альтернативы заняться разработкой новых генераторов, способных решить проблемы с недостатком энергии, не говоря уже о возможности вечной жизни. К тому же разрыв связей личности с биологической оболочкой, что неизбежно происходило при обретении вечной жизни, предполагал, что нейропат лишался своих способностей. Конечно, многие утверждали, что главные причины нейропатии кроются на уровне ядер личности, но большинство ученых считало, что процесс эволюции затронул не только энергетическую часть человека, сознание, но и биологическую оболочку – его тело. Так что если разорвать связь с телом, а потом провести процедуру восстановления, используя тело клона, то был небольшой шанс, что способность нейропатии утратится или ослабнет настолько, что не сможет развиться до уровня, когда начнут выгорать чувства.

Легре выслушал идеи Демира и сказал, что в них есть доля здравого смысла.

– Тем более что подобные эксперименты никогда не проводились с участием нейропатов, – признался бывший клирик, сохранив беспокойному отцу надежду, но при этом не забыв рассказать о неудаче Аст-Пла, словно желая подчеркнуть, что разработки требуют времени и навыков.

Демир не спорил. Сейчас для него было главным сохранить понимание того, что он не бросает попытки избавить сына от нейропатии, а просто берет паузу, чтобы накопить необходимые знания.

Проведя совещание, приняв за основу мнение Фарона об этапах развития совместного проекта, Демир и Легре решили, что начинать нужно с создания систем, способных перенаправлять в материальный мир энергию Подпространства, используя тонкие грани временных мембран. Эти разработки при условии давали им возможность вступить в открытую конфронтацию с Институтом всемирной иерархии, когда власти Размерности пронюхают о конкурентах. Несомненно, клирики попытаются задушить проект в зародыше или прибрать к своим рукам, поэтому нужно построить защиту таким образом, чтобы

создавать иллюзию соперничества как можно дольше, отвлекая внимание от основных разработок, связанных с вечной жизнью.

Вначале Демир встретил непониманием идею Фарона принести в жертву разработку генераторов, чтобы отвлечь внимание от другого проекта, но затем, взвесив все за и против, решил, что усидеть на двух стульях все равно не удастся и, если работать и над вечной жизнью и над альтернативными генераторами, то можно лишиться и того и другого.

Что касается проекта терминалов нового образца, курируемого Легре, то Демир помог проекту Рахаба и Туреллы собрать группу мелких арендодателей, не представлявших по отдельности веса в Isistius labialis, но вместе ставших влиятельным спонсором.

– Это позволит тебе удовлетворить на время интересы Легре и не замараться самому, – сказала Эсфирь, когда озвучила свой план касательно мелких арендодателей комплекса. – Потому что когда тебе придется вступить в открытую конфронтацию с Иерархией, то клирики поднимут всю грязь, что связана с тобой, выставив на всеобщее обозрение.

– Разумно, – согласился Демир, давно перестав удивляться, что Эсфирь, когда на нее не действуют нейронные сети Размерности, ведет себя весьма рассудительно и может давать неплохие советы.

– Если дело выгорит, – сказала Эсфирь, – то после можно будет присоединить проект Рахаба к основным разработкам, потому что как только мир узнает о том, что открыт способ получения перенаправления энергии Подпространства в материальный мир, да еще и находится в свободном доступе, то это вызовет такой переполох, что проблемы с разработкой терминалов нового вида, запрещенные ныне Иерархией, станут далеко не первыми в списке трудностей, с которыми столкнутся клирики. Новые источники энергии разрушат их монополию на право создания устаревших генераторов холода, что является сейчас гарантом их власти в мире Размерности.

– Главное, чтобы не начался хаос, когда влияние нынешней власти начнет ослабевать, – тяжело вздохнул Демир.

– Думаю, хаос неизбежен на ранних этапах. Ты ведь знаешь, что если убрать роль Архитектора из теорий зарождения Вселенной, то мир появился из хаоса. Так что принимай любое начинание за хаос, стремящийся к порядку.

– Надеюсь, так оно и будет, потому что иначе наш мир может увязнуть в мелких конфликтах, лишившись центрального стержня власти. Конечно, альтернатива клирикам видится в лице адептов Малика, но я сильно сомневаюсь, что представители «Мункара

и Накира» смогут навести порядок в Размерности, особенно учитывая, что в Isistius labialis, например, большинство жителей все еще обвиняет адептов в трагедии, унесшей жизни большей части местного населения. Они никогда не примут «Мункара и Накира» в качестве альтернативы Институту всемирной иерархии. Плюс нельзя забывать о местных гильдиях и союзах, как среди ученых, так и среди торговцев. В нашем комплексе и в Hexactinellida их в разы больше, чем в Galeus longirostris, где власть клириков практически абсолютна, так что не стоит исключать возможность распада КвазаРазмерности на отдельные жилые комплексы, где будет своя власть, пришедшая на смену Института всемирной иерархии. Худо-бедно, но клирики удерживают современный мир от распада, поэтому, разрабатывая стратегию противостояния Иерархии, нужно учитывать вероятность появления менее крупной, но, возможно, более агрессивной власти, как в нашем жилом комплексе, так и в двух других.

– Не думаю, что тебе стоит беспокоиться об этом, – сказала Эсфирь. – Нынешняя власть исчерпала свои возможности. Разделение и конфликты среди разработчиков и ученых разных комплексов происходят уже сейчас. Видимость стабильности остается только в Galeus longirostris, да и то лишь благодаря тому, что центр КвазаРазмерности постоянно тянет одеяло на себя, привлекая на службу в Иерархию лучшие умы из Isistius labialis и Hexactinellida, – на тонких губах Эсфирь появилась улыбка. – Когда живешь в поселении содомитов, а вокруг бродят толпы безумцев, то порой узнаешь много интересных вещей. Не от садистов и психопатов, конечно, но, например, от тех, кто ставит на них эксперименты. Так мне стало известно, что группа акеми, прежде сотрудничавшая с Фароном и Аст-Пла, сейчас работает с гильдией торговцев из Hexactinellida, которая планирует отделиться от КвазаРазмерности, считая себя вполне самодостаточной. От представителей Энрофы я знаю, что отделение планируется и в Isistius labialis. Пока знамя независимости держит только союз разработчиков, не представляя для клириков серьезной угрозы, но как только вокруг них сплотятся финансисты и торговцы, то эту лавину будет не остановить. Иерархия консолидировала мир, внушив нам, что мы не можем выжить порознь. Но если вначале права и достижения распределялись поровну между тремя уцелевшими после наступления Великого ледника комплексами, то в последнее тысячелетие мир медленно смещался к Galeus longirostris. Клирики, возведя в абсолют непогрешимость своих решений, убедили КвазаРазмерность, что жилые комплексы

зависят от Galeus longirostris и не смогут выстоять самостоятельно. Какое-то время люди действительно верили, что это так, некоторые верят даже сейчас, но прецедент с Isistius labialis, который смог самостоятельно восстановиться после трагедии, подает хороший пример, что каждый комплекс может стать независимым. Конечно, никто не говорит о полной изоляции. Сохранятся торговые отношения, обмен знаниями, технологиями, но никто больше не будет снимать сливки с колоссальных прибылей, которые дают игровые проекты Isistius labialis, перенаправляя средства в фонды развития Galeus longirostris, или пользоваться плодами реформы образования, забирая в Иерархию центрального комплекса поколения гениальных инженеров, не считаясь с тем, что в их образование торговцы Hexactinellida вложили целые состояния, ожидая, что ребята вырастут, оставшись в родном комплексе… – Эсфирь нахмурилась, проводя какие-то подсчеты. – Ты знал, что примерно семьдесят три процента изобретений и открытий, сделанных в стенах Иерархии, которыми клирики хвастаются, гордо заявляя, что без них прогресс остановится, принадлежат поколению инженеров из Hexactinellida? Я уже молчу, что бюджетные средства, столь щедро разбазариваемые Иерархией на поддержание собственных убыточных исследовательских центров и авантюр, созданных в основном ради пиара, типа экспедиции к центру Великого ледника, проводятся преимущественно на деньги, полученные от игровых площадок Isistius labialis! За последние десятилетия клирики потратили запредельные суммы единиц Влияния на строительство перевалочных баз для экспедиции, призванной отвлечь внимание от проблем с устаревшими генераторами холода, когда эти средства можно было пустить в образование, как поступили торговцы из Hexactinellida, или в модернизацию нейронных сетей и в улучшение уровня жизни, как сделали разработчики и финансисты Isistius labialis. Причем не забывай, что торговцы и финансисты использовали собственные накопленные не за один год средства, продолжая выплачивать клирикам внушительные компенсации. Если политика Иерархии не изменится, то для нового технологического толчка потребуется как минимум еще лет двадцать – быстрее независимые инвесторы просто не смогут собрать нужные средства. Теперь добавь сюда авантюру клириков с экспедицией к центру Великого ледника, под эгидой которой они планируют привлечь средства независимых инвесторов. Конечно, вначале акция будет проводиться на добровольной основе, но потом, когда желающих не окажется, Иерархия разработает новую принудительную

стратегию… И если вначале этой авантюры у кого-то еще были сомнения, то после того, как первая экспедиция провалилась по техническим причинам и клирики объявили, что не оставят попыток добиться успеха, все поняли – дальше будет только хуже. Я далека от мира Размерности, но говорят, что нейронные новостные каналы накаляют атмосферу, преподнося жителям экспедицию как панацею от энергетического кризиса. И люди верят. Конечно, в Квазаре информационное влияние клириков практически незаметно, но до тех пор, пока жизнь в мире энергии неразрывно связана с материальным миром, главенствующую роль в принятии важных вопросов будет иметь Размерность. Беда в том, что раньше клирики действовали крайне осторожно, позволяя людям приспособиться, а сейчас, особенно после провала курируемого ими проекта квазацентристов, все закрутилось с чудовищной скоростью. Находящиеся в ведомстве Иерархии генераторы холода давно работают на пределе своих возможностей. Я уже не говорю о степени их износа. Каждый день то тут то там они выходят из строя, позволяя Леднику заморозить целые кварталы. Но, испугавшись конкуренции, клирики, вместо того, чтобы возобновить исследования альтернативных источников энергии, необходимой для существования КвазаРазмерности, решили запустить идиотский проект по изучению Великого ледника, кормя жителей мира обещаниями, что скоро начнется потепление и необходимость в дополнительной энергии отпадет сама собой. Те, кто поумнее, тут же подметили, что генераторы Размерности, перерабатывающие энергию холода, тоже потеряют часть своих мощностей во время потепления, но клирики мгновенно убрали этих людей с центральных новостных каналов, обвинив в недальновидности и желании вставить палки в колеса набирающего ход прогресса.

– Да, о последнем я тоже слышал, – согласился Демир. – Редкостная чушь, в которую, как ни странно, поверили многие жители Размерности, включая тех, что живут в нашем комплексе и даже в Hexactinellida.

– Неважно, сколько людей в это верит сейчас. Попытайся представить, что будет, когда авантюра с повторной экспедицией провалится. Конечно, клирики могут соврать и заверить мир, что Великий ледник сдает позиции или, на худой конец, перестал прогрессировать. Это даст Иерархии, возможно, десяток лет, но что потом? Что будет, когда люди поймут обман?

– Звучит как приговор.

– Нет, если действовать быстро и решительно. Конечно, наши открытия взбудоражат мир КвазаРазмерности, но если

преподносить их один за другим, то это может сохранить существующий ныне порядок. Первой мы выбросим на рынок технологию получения энергии посредством тонких граней временных мембран, затем, когда комплексы начнет лихорадить, выльем на них ушат холодной воды в виде вечной жизни, указав совершенно иные ценности, чем были прежде. Под итог, когда разберемся с нюансами и решим незапланированные проблемы, без которых, разумеется, не обойтись, можно будет указать застывшему в растерянности миру новый путь, начав с бестерминальных переходов и, если ученые Энрофы подсуетятся, подарив человечеству менее сложную технологию восстановления разорванных связей личности и биологической оболочки, чтобы обрести вечную жизнь в Квазаре, а затем при желании вернуться в Размерность, используя свое тело или тело клона с той же легкостью, как сейчас это происходит в терминале переходов.

– Звучит разумно, – согласился Демир. – Это… Фарон тебе подсказал?

– Почему ты решил, что это не могут быть мои собственные умозаключения?

– Потому что… – Демир смутился, решив промолчать.

– Потому что я содомит? – помогла ему Эсфирь.

Он кивнул, стараясь не встречаться с ней взглядом. Она долго молчала, затем сказала, что теперь ему лучше спать под усиленной охраной.

– Почему? – опешил Демир.

– Потому что если я содомит, то после подобного оскорбления сочту делом чести найти тебя и убить… Медленно и мучительно.

– Это шутка, да?

– Нет. За долгие годы я хорошо изучила содомитов, и поверь, большинство из них поступят именно так. Другие предпочтут просто унизить и сломать твою волю, сохранив жизнь.

– Но… Но ты же не содомит!

– Верно, вот только ты для себя определись с тем, кем видишь меня. А то крутишься, как лживый клирик на общественном выступлении, пытаясь использовать факты с выгодной для тебя стороны, замечая, по мере необходимости, одно и пропуская другое.

Мини-ссора вспыхнула и угасла, не разгоревшись. Демир выдержал паузу, дипломатично вспомнил о важном сеансе связи по шифрованному нейронному каналу с торговцем из Hexactinellida, желавшим арендовать помещения под будущий склад, и ретировался. Спустя два дня Демир вернулся и принес

извинения, посчитав, что обиды Эсфирь должны угаснуть за это время.

– Не было обид, – отмахнулась она. – Всю свою жизнь я слышу нечто подобное. Сначала люди оскорбляли меня, называя генетической ошибкой, затем убийцей… Поверь, в этом списке быть содомитом, учитывая, что благодаря этому я познакомилась с Фароном, Легре, Мьюзом и многими другими хорошими людьми, не так плохо, как кажется.

– Я понимаю, – сказал Демир.

– Вот как? – криво ухмыльнулась Эсфирь.

Он кивнул, напомнив, что его сын нейропат.

– Мне, конечно, сложно представить себя в его шкуре, но достаточно того, что я видел, как он потерял друзей, превратившись в изгоя, как только обнаружился его недуг.

– Да, мальчишку действительно жалко. Раньше нейропатия проявлялась на более поздних этапах… – Эсфирь замялась, но любопытство взяло верх. – А правда, что из-за его способностей пострадал хранитель?

– Пострадало много кого, а хранитель и еще один человек погибли, – нехотя признался Демир.

Эсфирь удовлетворенно кивнула, помолчала, но все-таки решила задать еще один вопрос:

– И как ты смог замять это дело?

– Не я. Это сделали Рахаб и Турелла. Если бы они не вытащили Джаво из той заварушки, то быть ему на допросе в Иерархии, а мне на заметке у клириков.

– Понятно… – протянула Эсфирь. – И поэтому ты решил потом спрятать его на игровой площадке «Фивы», от греха, как говорится, подальше?

– Не понимаю, что означает последний анахронизм, но полагаю, суть ты уловила верно.

– А как к этому отнесся сам Джаво? Все-таки он коренной житель Размерности, а «Фивы» – это игрушка Подпространства. Я понимаю, что только так можно было снизить активность проснувшихся сверхспособностей, но он ведь ребенок, верно? А для детей главное повеселиться. Им сложно объяснить далеко идущие планы.

– О, не волнуйся за Джаво, – расплылся в улыбке Демир. – Сорванец последний год только и говорил о том, чтобы попасть на игровую площадку. Постоянно клянчил, чтобы я подкупил организаторов, позволив ему приобрести полноценный ключ игрока. Конечно, как и всех коренных жителей Размерности, его привлекал проект «Голод», но следом в огромном списке детских интересов шли «Фивы», так что, когда я предложил ему

спрятаться там на время, он вместо того, чтобы состроить кислую мину, закричал «ура».

Демир увидел недоверие в огромных глазах Эсфирь и предложил изучить игровой лог Джаво, подтверждавший, что мальчишка действительно весело проводит на игровой площадке время.

– Пара инженеров, которых я нанял, чтобы они следили за игровым процессом сына, говорят, что он несколько раз даже попадал в нейронные трансляции с игровой площадки. Я не уточнял, за какие заслуги или проказы, но что он не скучает в «Фивах» – это точно, – Демир улыбнулся и решил добавить, что как только мальчик покинет игровой проект, то поселится рядом с Эсфирь. – Думаю, вы найдете общие темы для разговора, – сказал он, надеясь, что таким образом сможет убедить Эсфирь, что доверяет ей, но она то ли разгадала его замысел, то ли просто не увидела в обещании ничего интересного – лишь сдержанно кивнула и потеряла к разговору интерес, переключившись на проблемы охраны квартала, которые стали особенно актуальными, когда Демир и Легре с головой ушли в работу, создавая необходимый плацдарм для предстоящих свершений.

Для защиты и обслуживания квартала, где оставалась Эсфирь, была выделена группа синергиков. Чтобы гостье, представлявшей интересы Фарона, не было скучно, Демир поручил ученым, нанятым следить за игровым логом Джаво, отчитываться непосредственно перед Эсфирь.

– Это твой сын, не мой, – попыталась возразить она, но вскоре увлеклась процессом, решив, что это неплохая забава.

Особенно интересно было пытаться предугадать, покажут или нет мальчишку в нейронных новостных выпусках с игровых площадок. Его союз с девушкой по имени Саломея заинтересовал Эсфирь, но когда она попыталась запросить у инженеров, наблюдавших за Джаво, игровой лог его напарницы, то оказалось, что это не так просто сделать. Во-первых, нужно было создать новую группу, потому что существующая не могла заниматься реконструкцией сразу двух персонажей. К тому же необходим был официальный запрос от родственников Саломеи, чтобы получить ее лог. В противном случае требовалось искать обходные пути, чтобы получить необходимую информацию незаконно. Может быть, имея связи, разовое получение лога не представляло большого труда, особенно если знать индекс игрока, который можно было прочитать в отчетах об игровом процессе Джаво, но поставить все на поток, учитывая, что Эсфирь хотела получать ежедневные отчеты, – вот здесь уже начинались проблемы…

К тому же сын Демира скоро вылетел с игровой площадки, так что вопрос перестал быть актуальным.

Эксперименты по созданию новых генераторов к тому моменту шли полным ходом, так что Демир не смог лично встретить Джаво и отправил к терминалу «Фив» представителя агентства «Ксанет». Мальчишка оказался крайне общительным и по дороге в квартал, подготовленный для него отцом, успел подружиться с Оксом, который рассказал ему о своем путешествии по неиндексированным территориям. Разумеется, рассказ был тщательно отфильтрован, учитывая возраст Джаво, но тот, пользуясь своими сверхспособностями, вытаскивал из воспоминаний агента заинтересовавшие его детали. Позднее мальчишка проделал подобный трюк с Эсфирь, заставив активировать нейронный генератор в кабинете отца, чтобы воспользоваться услугами медицинского помощника. На этот раз он увидел не только жутких монстров, но и многое другое, что было связано с поселением содомитов, союзом Фарона с его отцом и вечной жизнью…

Шока не было, и какое-то время Джаво придерживался первоначального плана – выпытать у Эсфирь пару тайн, а потом шантажировать ее, заставляя помогать новым друзьям, которых он обрел на игровой площадке. Сначала Эсфирь пыталась напугать его, обещая, что отец, узнав о его проделках, надерет ему уши, затем пыталась объяснить, что новые друзья просто используют его, но в конце уступила и согласилась на ряд одолжений, надеясь, что этим дело ограничится. «Впрочем, с отцом сорванца все равно нужно поговорить, – решила Эсфирь. – Пусть урезонит сына, а то от подобных проказ добра не жди…»

Но Демир сначала был слишком увлечен подготовкой к первому пробному запуску нового генератора, забыв в волнительном предвкушении обо всем на свете, а затем, после того, как запуск выявил ряд ошибок и нарушений в системных протоколах, уже не мог думать ни о чем другом, кроме как о способах устранения неисправностей.

– Что это значит, черт возьми? – нервничал Демир, слушая размышления Легре о том, что, работая с системным кодом схем жизнеустройства, нужно быть готовым к любым сюрпризам.

– Архитектор мира не терпит вмешательства в работу созданных им систем, особенно тех, что не вписаны в плитку многоуровневости бытия, – многозначительно подметил бывший клирик.

– Сомневаюсь, что Архитектуру есть дело до наших маленьких жизней и целей, – скривился Демир, в нетерпении

ожидая, когда завершится первичный анализ ошибок.

Одной из главных проблем анализа стало то, что генератор невозможно было отключить, пока не завершится первый круг тестового запуска.

– Надеюсь, что никаких критических сбоев не случится, – проворчал привлеченный к проекту инженер по имени Бризак.

Его недовольство главным образом было вызвано тем, что он, практически единственный в проекте, предлагал отложить пробный запуск, опасаясь случившегося нейронного сбоя в сетях седьмого поколения, с которым клирики обещали разобраться со дня на день. Ничего странного на первый взгляд не происходило, если не считать слухового эффекта, благодаря которому интегрированный жидкий чип людей начал принимать странный набор сигналов, преобразуя их в звук, в результате чего жители начали слышать тихих гул, отдаленно напоминавший стон.

– Мы не знаем природу этого сбоя, – говорил Бризак. – Самым разумным будет дождаться, когда проблемы устранят, потому что работа нашего генератора связана с нейронными сетями. Кто знает, как поведут себя основные протоколы нейронной защиты от перегрузок в условиях сбоя общих сетей, когда мы начнем принимать энергию Подпространства? Вы понимаете, что любая неточность или ошибка могут привести к выбросу такого количества энергии, что Isistius labialis просто перестанет существовать…

Доклад Бризака выслушали и оставили без внимания, сославшись на то, что угроза взрыва минимальна, так как большинство расчетов свидетельствует в пользу того, что выброс энергии Подпространства, скорее всего, останется незамеченным в материальном мире, если не преобразовать ее посредством разработанного генератора, защиту которого обеспечивали нейронные сети, готовые заблокировать установленный периметр, накрыв энергетическим куполом.

– Проведенные Фарон исследования доказывают, что два мира не могут взаимодействовать напрямую, – сказал Легре. – Так что остается лишь угроза взрыва генератора, с которой справится нейронный купол, даже несмотря на небольшой сбой в сетях. В конце концов, причина сбоя произошла на уровне восприятий и не имеет никакого отношения к системам безопасности.

– Ходят слухи, что провал первой экспедиции к центру Великого ледника произошел в результате сбоя нейронных сетей на первой перевалочной базе, где остановились исследователи, – вмешался в обсуждение акеми по имени Ря-Сент, отколовшийся

от группы Кор-До, когда узнал о проекте Фарона.

Вместе с ним пришли еще несколько акеми, решив, что настало время двигаться дальше, хотя в действительности их просто утомило сотрудничество с гильдией торговцев жилого комплекса Hexactinellida, собиравших свою маленькую армию, чтобы начать отделение принадлежавшей им части Квазара от остального мира. Одновременно с этим отделение должно было произойти и на уровне Размерности, но годы шли, а слухи так и оставались слухами. В результате большинство ученых и финансистов, приближенных к тайному сговору, начали думать, что ничего серьезного в происходящем нет и ситуация находится под контролем клириков, иначе они давно бы вмешались.

Конечно, такие как Кор-До вообще мало заботились о том, чем в действительности закончится тайный сговор торговцев Hexactinellida, интересуясь главным образом возможностью работать над глобальными изменениями точки сборки, продолжая исследования Пай-Мика, но и таких энтузиастов оставалось все меньше, потому что эксперименты все чаще и чаще заходили в тупик, доказывая слова отошедшего от дел Пай-Мика, что для дальнейшего развития корректировки ТС необходимо время, чтобы теория настоялась и проросла новыми идеями следующих поколений, когда будут сделаны новые открытия и появятся революционные теории, которых недостает сейчас. Некоторые прислушались к словам старого Пай-Мика, другие – среди них был и Кор-До – решили, что это отличный шанс для них сделать себе имя, подняв исследования на новую ступень, показав миру невиданные прежде горизонты в корректировках ТС, а если повезет, то и в глобальных изменениях ядер личности. В конце концов наука должна когда-нибудь преодолеть и этот рубеж.

– Не думаю, что стоит верить слухам, – сказал Легре, выслушав историю Ря-Сента о вирусе, обнаруженном исследовательской экспедицией на перевалочной базе по дороге к центру Великого ледника, и возможном проникновении во время сеансов связи или иным способом вируса в нейронные сети жилых комплексов. – Как говорили когда-то давно, слухами мир полнится, – улыбнулся бывший клирик, заставив акеми недовольно поморщиться, вспомнив о том, что Легре когда-то работал на Институт всемирной иерархии – заведение, которое, по мнению коренных жителей Квазара, вообще не имело право на существование, на втором уровне реальности – уж точно.

– А если попытаться мыслить шире? – не сдержался Ря-Сент. – Вы, клирики, привыкли во всем полагаться на догмы и тайные методички, предписывающие вам те или иные действия

в сложных ситуациях. Что если отбросить эти привычки и открыться фактам?

– Я уже давно не клирик, – Легре попытался снисходительно улыбнуться, но движение губ скорее напомнило нервный тик, чем тень улыбки.

– Ладно, расскажи, что еще ты слышал о вирусе, – обратился Демир к акеми, решив, что нужно срочно уводить разговор от обсуждения личностей, иначе ничем хорошим этот многоликий союз не закончится. – И почему именно вирус, а не набор адаптивных алгоритмов или вышедший из-под контроля протокол?

– Сразу видно, что говорю с дилетантом, – качнул головой Ря-Сент, все еще настроенный на ссору.

– Я арендодатель, а не ученый, – примирительно сказал Демир. – Без вас мне бы никогда не удалось построить новый генератор, а без меня вы бы никогда не объединились, не получили финансовую поддержку и не смогли бы гордиться тем, что, возможно, войдете в историю, сделав самое значимое открытие за последние тысячи лет.

– Любое значимое открытие в науке базируется на тысячах второстепенных, без которых оно превратится в колосс на глиняных ногах, – философски ответил акеми, заставив Демира удивленно поднять бровь. – Наука как эволюция – не прыгает через несколько ступеней сразу, а медленно продвигается от меньшего к большему, – Ря-Сент покосился на Легре. – Только не нужно говорить, что эти слова похожи на догмы Института всемирной иерархии.

– Не буду, – пообещал Легре.

– Так что там насчет вируса? – осторожно напомнил Демир.

Акеми помолчал для важности около минуты, затем рассказал о бывшем инженере, специализирующемся на игровых площадках, по имени Симеон, который создал систему адаптивного развития, запрограммировав ее проникать в системы конкурентов, анализируя сильные стороны, чтобы применить нововведения в собственном проекте и выявляя слабые, чтобы затем усилить их, разрушив игровую площадку соперников.

– Мы что, должны испугаться адаптивных алгоритмов, контролирующих игровой процесс на площадке третьесортного разработчика по имени Симеон? – растерялся Демир, не ожидая услышать подобную глупость от акеми. – Вы что-нибудь слышали об инженере с таким именем? – спросил он, обращаясь к собравшимся на совете людям.

– Я слышал, – нехотя признался инженер Размерности по имени Тнес, в обязанности которого входило создание

и контроль защитного купола, создаваемого на случай возникновения аварийной ситуации во время запуска альтернативного генератора. – Не скажу, что в андеграунде Симеона считают гением, но многие приводят его в пример, когда рассказывают о случайных открытиях, перевернувших мир, потому что созданная им система адаптивного развития, или сокращенно Сарс, превратилась из обыкновенного блока анализа в полноценную энергетическую систему, на десятки, а возможно и сотни поколений опередившую ныне существующие системы адаптивных протоколов, в базе которых лежат установленные паттерны поведения и реакций на внешние раздражители, тогда как системы адаптивного развития Симеона формировались самостоятельно, начиная с первичных ядер.

– Звучит как если бы ему удалось создать искусственный разум, – осторожно подметил Демир, боясь, что его снова назовут дилетантом, но на этот раз ученые промолчали.

– Существует теория, что подобным образом формируются ядра личности человека, – сказал Ря-Сент. – Вот только я думал, что чем-то подобным занимался не инженер Размерности, а акеми по имени Мо-Джо, и это не имело никакого отношения к игровым площадкам.

– Не буду спорить, – качнул головой Тнес. – Как сказал наш друг клирик, – его взгляд устремился к Легре, – слухами земля полнится. Мо-Джо и Симеон могли работать над проектом вместе или порознь – боюсь, ответ могут дать только детальные изучения ядер воспоминаний их личности, если, конечно, они не распадаются, как это бывает у представителей Энрофы… – инженер выдержал паузу, намекая, что ученые могли быть тайными агентами третьего уровня современной реальности. – В общем, так или иначе, но суть остается одна – система адаптивного развития была создана. Вначале Сарс работал на проект Симеона, но затем начал прогрессировать, а так как в базовые ядра не было заложено заранее прописанных правил и норм, то он стал действовать как человек – считать себя центром мира. Говорят, Сарс был практически неуязвим, если не считать одной крохотной ахиллесовой пяты в его защите – он мог нормально функционировать только в нейронных сетях седьмого поколения, тогда как в то время они применялись в основном на игровых площадках, если не считать пары экспериментальных кварталов. Поэтому создатель Сарса, будь он Симеон, или Мо-Джо, или вообще кто-то третий, проиграл ряд незначительных сражений со своим детищем, заманив его в приготовленную ловушку, а затем отключил сети седьмого поколения, уничтожив попавшего в неблагоприятную среду

Сарса.

– Даже если учесть, что все было хотя бы отдаленно похоже на твою историю, то как Сарс связан с провалом первой экспедиции к центру Великого ледника? – спросил акеми по имени Гва-Сут, пришедший в проект вместе с Ря-Сентом, оставив разработки ТС, курируемые Кор-До.

Гва-Сут был родственником Аст-Пла, и Легре доверял ему больше, чем кому-либо другому в собранной команде.

– Если провести анализ использования нейронных сетей нового поколения в период создания Сарса, – начал отвечать Тнес на вопрос акеми, – то, отбросив игровые площадки, которых Сарс должен был избегать, понимая, что их нейронные сети изолированы от сетей комплекса, то остается не более дюжины участков, где клирики разрешили в качестве эксперимента использовать необходимые для полноценного функционирования Сарса сети. – Инженер замолчал, устремив взгляд на Демира, решив, что крупный арендодатель должен знать подобные вещи.

– Один из секторов использования нейронных сетей седьмого поколения в те годы находился в разгрузочном секторе, откуда происходила отправка строительных автоматов на перевалочные базы, – сказал Демир, смущенный тем, что все собравшиеся уставились на него, ожидая ответа.

– Значит, связь Сарса с экспедицией есть, – безрадостно подметил Гва-Сут, удостоив Легре многозначительным взглядом. – Но все равно связь нынешнего сбоя нейронных сетей с Сарсом выглядит, мягко говоря, фантастически. – Он спросил Тнеса, есть ли какие-то конкретные признаки того, что защитный купол не сможет функционировать на полную мощность из-за сбоя.

– Нет, – нехотя признался инженер.

– Все равно нельзя забывать, что в случае неудачи может произойти выброс энергии Подпространства, – решил не сдаваться Бризак. – Конечно, есть теория, что это никак не повлияет на материальный мир, потому что Размерность кардинально отличается от мира энергии, но как быть с нашими сознаниями? Что если выброс энергии затронет ядра личности?

Повисла недобрая тишина, нарушить которую решился Демир.

– Не понимаю, какое отношение имеет нейронный сбой к возможности распада ядер личности в случае выброса энергии Подпространства в материальный мир? – спросил он. – По-моему, последнее возможно в любом случае, а нейронный сбой… Я, конечно, дилетант в этих вопросах, но кажется, мы уже решили, что нейронный сбой, пусть даже вызванный великим

и могучим Сарсом, никак не повлияет на предстоящий запуск генератора. Или есть что-то еще, о чем я не знаю? – Демир требовательно уставился на Легре.

Бывший клирик нахмурился, затем качнул головой.

– Тогда не вижу причин, почему мы должны обращать внимания на незначительный сбой нейронных сетей, который не имеет ни малейшего отношения к нашему проекту, – сказал Демир, переводя взгляд на Бризака.

Инженер поджал губы, но весомых аргументов в пользу того, чтобы отложить начало эксперимента не нашел.

– Значит, сроки остаются в силе, – ударил в ладоши Демир, решив, что перед запуском было бы неплохо повидаться с вернувшимся с игровой площадки сыном, но спустя час забыл об этом, получив сообщение от клириков о внеплановой проверке объектов собственника.

Никогда прежде Иерархия не устраивала подобных проверок без предупреждения. Обычно запрос составлялся заблаговременно, позволяя собственнику подготовиться, привести все к соответствиям с установленными нормами… «Может быть, они пронюхали о моих тайных экспериментах?» – начал нервничать Демир, наводя справки о причинах предстоящей проверки. Конечно, рано или поздно что-то подобное должно было произойти, но никто не думал, что Иерархия выйдет на их след так быстро. Это меняло все планы. Вернее, не меняло, а ставило на них крест. Нужно было спешно сворачивать проект, затем выжидать время и только когда шум уляжется, робко попробовать снова собрать команду, но даже в этом случае сложно будет обмануть хранителей Иерархии, потому что если попадешь на заметку к клирикам раз – готовься к клейму на всю жизнь.

– Не думаю, что тебе стоит переживать по поводу проверки, – сказал Демиру свой человек в Иерархии по имени Сунг, работавший в команде координаторов, отвечавших за современные застройки в соответствии с установленными нормами.

Демира познакомил с координатором отец, когда готовился передать ему свой бизнес. Сейчас Сунг находился в преклонном возрасте, оставаясь на посту только ради того, чтобы дать возможность дослужиться своему сыну до того уровня, когда можно будет передать ему свое кресло. Демир встречался с сыном своего осведомителя, и, судя по всему, дело шло к тому, что сотрудничество продолжится и после того, как Сунг отойдет от дел, уступив место сыну. Один старый знакомый как-то раз сказал Демиру, что жизнь в современном обществе похожа

на сложный узор порочного круга, сотканного из тысяч менее значимых кругов.

«Что ж, наверное, старый друг был прав», – думал Демир, выслушивая очередные жалобы Сунга на сложное финансовое положение сына, который после развода лишился практически всего, что смог заработать прежде. Хотя, по сути, не заработал, а получил втайне от Демира в качестве оплаты услуг его отца.

– Мой мальчик сейчас переживает не лучший период в жизни, – сказал Сунг и многозначительно замолчал, ожидая обещаний, что крупный арендодатель Isistius labialis решит эту проблему.

Точно так же он молчал, когда сын решил завести семью. Тогда Демир организовал рекламную акцию, разыгрывая несколько престижных квартир в новом комплексе. Результаты проведенной лотереи были на восемьдесят процентов фальсифицированными, поэтому квартиры получили люди, которым нужно было заплатить за услуги, но занимаемые ими должности не позволяли прямого перечисления единиц Влияния на личный счет.

– Я что-нибудь придумаю, – пообещал Демир.

Сунг кивнул. За долгие годы сотрудничества с семьей Демира чиновники поняли одно – эти люди умеют держать данное слово. Впрочем, порядочной была не только семья Демира. Бизнес в Isistius labialis после трагедии, унесшей жизни большей части жителей комплекса, отличался от деловых отношений между торговцами, финансистами, разработчиками и арендодателями в Galeus longirostris и Hexactinellida, где процветали коррупция и бандитизм. Взятки решали многие финансовые споры. Разрыв между высшими и средними слоями населения был огромен, поэтому народ никогда не поддерживал богачей, радуясь их неудачам и печалясь от их успехов.

Что касается Isistius labialis, то здесь люди еще помнили первые годы после трагедии, когда единственным шансом выжить было сплотиться, причем мир КвазаРазмерности поставил на жилом комплексе крест. Galeus longirostris и Hexactinellida начали неофициально делить бесхозные генераторы холода, создавая исследовательские отделы, в задачи которых входило построить эффективную сеть, способную перенаправить энергию из мертвого Isistius labialis в соседние жилые комплексы. Клирики готовы были принять на рассмотрение проект модернизации пострадавшего комплекса. Планировалось, что, как только вопрос передачи энергии будет решен, Isistius labialis превратят в огромный генератор.

Проблема была только в уцелевших жителях. Одни

предлагали сформировать из них обслуживающий персонал энергетического центра нового мира, другие жаловались, что людей выжило очень много и это может вызвать определенные проблемы, поэтому лучше разработать план их эвакуации и переселения в Galeus longirostris и Hexactinellida, с последующей доработкой жидких чипов для возможности взаимодействия с местными нейронными сетями. Именно в те дни у клириков появилась идея экспедиции к центру Великого ледника.

Никто не покидал жилые комплексы на протяжении тысяч лет. Вокруг была ледяная пустыня. Сначала людей из разных локаций объединяло Подпространство, где построенный мир Квазар объединял людей из Galeus longirostris, Isistius labialis и Hexactinellida. Затем появились центры Энрофы, позволявшие извлекать сознание коренного жителя одного комплекса и помещать его в приготовленное тело клона в другом комплексе. Технология решила проблему путешествий, которая завела в тупик многих инженеров, пытавшихся разработать систему транспортного сообщения в условиях дьявольски низких температур вне стен жилых комплексов.

С тех пор мало кто возвращался к теме создания внешних транспортных путей, тем более что отраженный в Подпространстве материальный мир давал возможность визуального исследования земного шара. Хотя сказать по правде, исследовать особенно было нечего – планету покрывал ледник, а зонды, создаваемые в первое тысячелетие после апокалипсиса, не смогли обнаружить живые организмы вне комплексов.

Когда-то давно, незадолго после времен длившейся не одно столетие Третьей мировой войны, когда жилые комплексы имели статус военных и было их намного больше, планета тоже умирала, а жителей, ютившихся в стальных исполинах, отстроенных в океанах, было так много, что марсианскую лихорадку, занесенную вернувшимися колонистами, назвали «чисткой бога». Вирус сократил численность жителей в десятки раз, но помог решить проблему перенаселения. Сейчас в мире КвазаРазмерности многие называли Великий ледник «перезагрузкой», которую решила сделать планета, чтобы исцелить себя.

Общество уверовало, что нужно затаиться, переждать трудный период. Жизнь в гигантских жилых комплексах стала нормой. Появился Квазар, раскрывавший потенциал Подпространства, превращая мир в двухуровневую реальность. Нейронные сети решили проблему питания, переработки отходов и борьбы с холодом. Репродукционные центры свели к минимуму

врожденные дефекты. Генераторы, способные перерабатывать энергию холода, казалось, решили проблему энергопотребления, но температуры продолжали понижаться, давно перешагнув рубеж приемлемого коэффициента эффективности генераторов. Поэтому назревал вопрос о начале новых разработок.

Трагедия в Isistius labialis и возможность превратить опустевший жилой комплекс в энергетический придаток помогала временно решить проблему, но жители сплотились и, вместо того чтобы отчаяться, позволив заполонить свой дом устаревшими и небезопасными генераторами, начали возрождать рухнувший мир.

Этот факт, вкупе с провалом проекта квазацентристов по извлечению и преобразованию энергии Подпространства посредством тонких граней временных мембран, заставил клириков устремить взгляд в сторону исследований Великого ледника, что позволяло, во-первых, показать общественности, что Иерархия, вопреки распускаемым недоброжелателями слухам, продолжает заботиться о мире КвазаРазмерности, думая на несколько шагов вперед, а во-вторых, давало реальную возможность разработать план дальнейших действий. Потому что если ученые выяснят, что Ледник начинает отступать, то о дополнительных генераторах или новых разработках можно забыть, а если Ледник прогрессирует, то… О последнем в Иерархии старались не думать, потому что это неизбежно влекло за собой потерю монополии на энергоносители и, как следствие, потерю власти.

«Так неужели клирики пронюхали о моем проекте?» – ломал голову Демир, общаясь с координатором из Иерархии по имени Сунг, который намекал, что в ответ на его сведения крупный арендодатель Isistius labialis должен помочь его сыну встать на ноги после разорительного развода.

– Я когда-нибудь подводил тебя? – спросил Демир, пользуясь шифрованным нейронным каналом, который, как заверяли многие специалисты, было невозможно взломать. Хотя некоторые инженеры Размерности, преимущественно неудачники, довольно часто делали голословные заявления о множественных уязвимостях шифра.

– В таком случае и я не разочарую, – улыбнулся Сунг, в очередной раз отмечая про себя, что не прогадал, заключив много лет назад союз с Демиром.

Чтобы навести необходимые справки, координатору потребовалось почти два дня. След созданной клириками комиссии петлял и изворачивался, как хвост крысы, коих после появления в жилом комплексе игровой площадки «Голод»

расплодилось столько, что с ними не всегда могли справиться утилизационные системы. «Либо Иерархия решила взяться за Демира всерьез, либо здесь что-то другое», – ломал голову Сунг, испытывая на прочность свои связи, потому что его внезапный интерес к проверке местного арендодателя мог попасть под пристальный анализ хранителей. Но и выжидать времени не было. Так что оставалось рисковать, уповая на дружбу и проверенные годами связи.

– Не понимаю, чего ты так суетишься? – удивился коллега из инженерного отдела. – Проверка никак не связана с застройщиками и проектами, которые ты курировал.

– Так это не внутренняя проверка? – притворно удивился Сунг, решив, что объяснять свой интерес личными опасениями будет проще всего. Все боятся за свое место и смогут понять его.

– Нет, дружище! – рассмеялся инженер. – Будь спокоен. Тебя это не коснется. Клирики проверяют не застройщиков и арендодателей. Они пытаются выявить причины… – он заговорщически огляделся. – Тот гул, который мы слышим… Клирики сказали, что причина в незначительном сбое экспериментальных нейронных сетей, но в действительности… Некоторые инженеры считают, что это какой-то новый вирус, появившийся в связи с расширенными возможностями сетей седьмого поколения. Пока нет официальных подтверждений, но ходят слухи, что вирус как-то связан с провалом исследовательской экспедиции к центру Великого ледника. Согласно одной из теорий, вирус попал на мобильную платформу экспедиции, которая доставила его на перевалочную базу, где он взял под контроль системы защиты, уничтожив ученых…

– Почему же подобного не происходит у нас? – спросил Сунг.

– Говоришь как сторонник второй теории, – улыбнулся инженер.

– Что за теория?

– Говорят, что вирус появился на перевалочной базе, а после во время сеансов просочился сквозь фаервол в нейронные сети нашего комплекса. В пользу этой теории свидетельствует тот факт, что основной канал связи с перевалочной базой был установлен в Galeus longirostris. Незначительные сбои в работе нейронных сетей седьмого поколения сначала начались там, затем распространились на Isistius labialis и Hexactinellida. Но в соседних комплексах распространение нейронных сетей нового поколения, считающихся благоприятной средой для существования вируса, значительно уступает нашему комплексу. В Galeus longirostris зона покрытия составляет не более пятнадцати процентов, в Hexactinellida менее десяти,

тогда как у нас в районе девяноста. Поэтому то, что для соседей – незначительный сбой, для нас может обернуться катастрофой.

– Так все дело в том незначительном гуле, который мы слышим последние дни? – растерялся Сунг.

– А я тебе о чем толкую?! – всплеснул руками инженер.

– Зачем тогда клирики проверяют застройщиков и арендодателей?

– Пытаются понять причины появления вируса. Проверка новостроек, где недавно устанавливались нейронные генераторы, сможет выявить вредительство или готовящийся теракт.

– Теракт? – опешил Сунг.

– Несколько параноидальных клириков решили, что за этим могут стоять адепты «Мункара и Накира».

– На кой черт адептам соваться в Размерность?

– У нас многие до сих пор верят, что трагедия, едва не превратившая Isistius labialis в мертвый комплекс, была спровоцирована последователями Малика.

– А я думал, что от этой бредовой идеи давно отказались.

– Нам ли не знать, как устроено мышление клириков, – чуть что, сразу во всем винят адептов «Мункара и Накира», а если понимают, что это дохлый номер, то переключаются на поиски других виновных… – инженер нахмурился. – На днях из моего сектора уволили целый отдел. Никаких объяснений дать не удосужились. Люди говорят, что виной всему симпатия разработчиков к ученым Квазара и попытка адаптировать часть изобретений мира энергии к материальной Размерности.

– Да, подобным клирики грешат довольно часто, – согласился Сунг. – Мой коллега из отдела эстетического обустройства станций общественного транспорта получил несколько штрафных баллов за то, что вынес на рассмотрение проект о преобразовании нейронных образов в соответствии с архитектурой Квазара в районе станций отправлений.

– В наше время получить порицание можно на ровном месте, – согласился инженер.

Они расстались спустя час, сведя разговор к мрачным шуткам и пессимистичным предвидениям недалекого будущего, когда клирики решатся ввести в нейронные сети информационный фильтр, ограничивающий доступ не только к архивам, но и к большинству новостных, а также развлекательных каналов, если они не прошли дополнительную сертификацию соответствия догмам Иерархии.

– Думаю, подобный закон примут только в том случае, если клирики почувствуют за собой силу, – сказал Сунг. – Например, им удастся разработать генераторы нового образца или вторая

экспедиция к центру Великого ледника окажется удачной, сообщив, что скоро температура начнет понижаться.

– Странная власть, – покачал головой инженер, сокрушаясь, что вынужден работать на нее. – Почему, как только у них что-то получается, то первое, что приходит им в голову, – закрутить гайки рядом совершенно ненужных законов?

– Наверное, они поступают так, потому что эта система работает, – пожал плечами инженер. – Если бы отказывались принимать подобное, то клирикам пришлось бы выработать другую стратегию, а так… – он многозначительно замолчал.

Сунг не знал почему, но это молчание показалось ему недобрым знаком. Нет, он не боялся, что клирики продолжат свою политику достижения и удержания превосходства любыми доступными средствами – подобные модели поведения свойственны всем элементам власти, остающимся у руля более двух циклов. Сунга настораживало, что в последнее время в атмосфере витало предчувствие чего-то недоброго. Galeus longirostris прогнил до мозга костей. В Hexactinellida в открытую высказывались недовольства работой Института всемирной иерархии и планы скорого выхода из КвазаРазмерности. Даже в местном Isistius labialis, где недавно люди только и делали, что думали о том, как возродить комплекс после трагедии, начинали образовываться группы наподобие союза независимых разработчиков, призывавшие к свободе от клириков и устанавливаемых ими догм.

– Ты ведь никак не связан с адептами «Мункара и Накира» и прочими недоброжелателями Иерархии? – спросил Сунг, связавшись с Демиром по шифрованному нейронному каналу.

– Нет, конечно, – не задумываясь ответил арендодатель. – А почему ты спрашиваешь?

– В Иерархии ходят слухи, что готовится новый теракт.

– Теракт?

– Да, как тот, что едва не уничтожил наш комплекс несколько поколений назад.

– Не верю, – тряхнул головой Демир.

– Я тоже, – согласился Сунг. – Но одной из причин проверки новых застроек стало именно это, хотя официальная версия касается вируса.

– Что за вирус?

– Кажется, это связано с экспедицией к центру Великого ледника и нейронным сбоем, в результате которого мы слышим странный гул последние дни.

– При чем здесь вирус?

– Я координатор, а не инженер. Если хочешь узнать детали,

то обратись к Лок-Кли. Люди говорят, что этот монополист заключил неофициальный союз с клириками и занимается разработкой программ, способных устранить нейронный сбой.

– Никогда бы не подумал, что Иерархия станет сотрудничать с таким скандально известным монополистом, как Лок-Кли, – признался Демир.

– Может быть, у него просто есть то, чего нет у них? – предположил Сунг. – А так как действовать нужно быстро, особенно если принять как факт, что причиной сбоя был вирус, то выбирать союзников, сам понимаешь, не приходится.

– Понимаю, – кивнул Демир. – Поэтому, как говорил мой дед, союзников и друзей нужно заводить задолго до того, как потребуется их помощь, иначе ничего хорошего из этого не выйдет.

– Золотые слова, – согласился Сунг, ожидая от арендодателя обещаний позаботиться о благосостоянии его обанкротившегося сына.

Демир попрощался с координатором, прозрачно намекнув на скорую дружескую помощь в ответ на оказанную услугу.

– Ты ведь знаешь, как это бывает, – улыбнулся арендодатель. – Благосклонная фортуна, неожиданное наследство, рабочее место, о котором боялись даже мечтать… В общем, главное – верить в себя, друзей и в то, что беды, с которыми невозможно справиться, приходят только к одиноким людям…

Демир прервал сеанс связи, спешно связавшись с группой ученых, работавших над проектом нового генератора, сообщив о том, что им нужно срочно перемесить проект подальше от нового нейронного генератора, установленного в зоне, где он планировал в будущем построить жилой сектор. Когда он выкупал эту часть квартала, то главным плюсом было наличие поблизости центральной ветки пневмотоннелей. Вложение при удачном экономическом климате могло принести много единиц Влияния, но сейчас Демир думал об этом в последнюю очередь. Заключив договор с Фароном, он перешел на новый уровень. Думать о прибылях, конечно, приятно, но когда есть шанс войти в историю, когда запах власти кружит голову, то мир встает с ног на голову.

– Думаю, проще будет не переносить, а заморозить проект на время проверки, – сказал инженер по имени Бризак.

Мысль о том, что придется приостановить проект, показалась Демиру недопустимой.

– Перенос займет в итоге больше времени, чем заморозка, – сказал Бризак, и все члены команды, включая акеми, подтвердили

его слова.

– Ну хорошо, – сдался арендодатель, рассказав то, что смог узнать от Сунга о вирусе. – Займитесь пока анализом этого вопроса. Как вирус может повлиять на наш проект, какие изменения нужно внести…

Идея показалась всем разумной, вызвав удивленное одобрение. Демир не был инженером, но организатор из него получался отменный. Загвоздка состояла лишь в том, что о вирусе было мало что известно. Нет, об адаптивных системах развития Симеона ходило много слухов, но никто ведь не давал гарантии, что вирус, послуживший причиной нынешнего сбоя нейронных сетей, имеет общее прошлое с Сарсом. К тому же не исключено, что вирус мутировал. Необходимо найти точку опоры, с которой начнется изучение влияние сбоя на предстоящий эксперимент. Нет времени проводить исследования с нуля, да и неэффективно это – делать работу, которую уже кто-то выполнил.

– У тебя ведь есть свои люди в Иерархии? – спросил Бризак, надеясь, что Демир сможет накопать что-то серьезное о Сарсе. – Они всяко создали целый отдел, занимающийся анализом и сбором статистики. Нам бы не помешала такая информация.

– Не думаю, что Демиру стоит так рисковать, – возразил Легре, напоминая, что когда-то был клириком. – Подобное любопытство может привлечь ненужное внимание.

– Что тогда? – хмуро спросил Гва-Сут.

– О вирусе можно попробовать навести справки чуть иначе, – осторожно сказал Бризак, напоминая, что у местного монополиста Лок-Кли имеется секретный архив, где хранится столько знаний, что позавидует сама Иерархия. – У меня есть пара знакомых, которые за определенную плату посодействуют покупке у Лок-Кли нужной нам информации.

– Что скажешь? – спросил Демир, устремляя взгляд на Легре.

Бывший клирик задумался на мгновение, затем кивнул.

– Что ж, тогда так и поступим, – сказал арендодатель и, повернувшись к Бризаку, велел связаться с представителями агентства «Ксанет» и объяснить им, как найти его хваленых посредников. – Окс и Лиор либо одобрят их кандидатуры, либо предложат план получше.

Бризак не спорил. Конечно, его друзьям было далеко до славы таких агентств, как «Энеида» или «Ксанет», но в качестве переговорщиков они давно зарекомендовали себя, принимая участие во всех теневых сделках, за исключением разве что взаимоотношений клириков с адептами, где вечным посредником выступали представители «Энеиды».

Друзей Бризака звали Гал и Вермон, и легенда о том, как они познакомились, которую всем рассказывал инженер, сильно отличалась от реальности. По словам Бризака, он занимался незаконными исследованиями и зашел в тупик, не зная, как привлечь к проекту одного несговорчивого теоретика, без мозгов которого было невозможно продвинуться дальше. Ни уговоры, ни угрозы не действовали на старого ученого. Бризак готов был уже отчаяться, когда к нему напрямую обратились Гал и Вермон. Они нашли нужные инструменты воздействия на старого ученого и привлекли его к проекту.

– Конечно, услуги их стоили недешево, и я бы не смог расплатиться, но они сказали, что вместо оплаты возьмут с меня слово, что я буду рассказывать о них всем, кто будет нуждаться в услугах подобного рода, – закончил свою историю Бризак, встретившись с представителями агентства «Ксанет».

Лиор и Окс молчали, меряя инженера хмурыми взглядами.

– Вы… Вы не верите мне? – растерялся Бризак.

Без ответа.

– Но… – инженер нервно сглотнул.

– Допустим, все было так, как ты рассказал, – осторожно начал Лиор, делая, благодаря сверхспособностям, подаренным Эсфирь, сразу несколько информационных запросов, нагружая доступную часть мозга напарника.

Окс, привыкший за последние годы к подобному, даже глазом не повел, хотя процесс восприятия и мышления замедлился в разы.

– Скажи… – продолжил Лиор, получив базовые данные о Гале и Вермоне, на поиски которых в обычном режиме у него ушел бы целый день, а возможно, и больше. Новостные каналы, отчеты о правонарушениях, базы данных нейронных сетей, пересадок на станциях общественного транспорта, коммерческих сделок, не имевших к вопросу, казалось бы, прямого отношения, но косвенно связанных непосредственно…

– Вы не верите мне? – потерял терпение Бризак, устав от медлительности Лиора.

– Верю, – сказал представитель агентства «Ксанет».

Бризак облегченно выдохнул.

– Твои друзья, несомненно, заслуживают внимания, – улыбнулся Лиор. – Ответь только на один вопрос.

– Конечно, – с готовностью кивнул инженер.

– Какими конкретно исследованиями ты занимался, когда к тебе обратились Гал и Вермон, предложив помощь?

– Что? – растерялся Бризак.

– Как назывался проект? Какие сферы науки затрагивал?

На чем специализировался? В какой стадии находится сейчас?

– Я зашел в тупик и бросил его, – спешно сказал инженер.

– Понятно… Выходит, помощь посредников оказалась напрасной?

– Дело не в них, а во мне.

Лиор понимающе кивнул и повторил вопрос касательно деталей проекта. Бризак сбивчиво начал импровизировать, надеясь запутать представителей агентства научными терминами, но сверхспособности позволяли Лиору анализировать получаемую информацию быстрее, чем инженер успевал придумывать новую.

– Думаю, ты врешь, – сказал Лиор.

– Думаешь? – Бризак попытался изобразить снисхождение. – Ты что, учился на инженера?

– Нет, но чтобы найти нестыковки в твоем рассказе, этого не нужно. К тому же ты просто рассказал мне эксперимент, проводившийся пару веков назад в жилом комплексе Hexactinellida, когда ученые пытались модифицировать интегрируемые жидкие чипы, настроив их на работу не только с основными нейронными сетями, но и с дополнительными, создав тем самым гибридные восприятия. Проект зашел в тупик, а после перерос в скромные разработки инженера Размерности по имени Джорл, создавшего крошечные прерыватели, благодаря которым можно было подменять основные восприятия, продиктованные нейронной сетью… – Лиор выдержал паузу, ожидая, что Бриз будет оправдываться, но инженер предпочел молчать, чтобы не наделать еще больше ошибок. – У тебя была замечательная история о том, как Гал и Вермон помогли тебе, можно сказать продуманная до мелочей, но почему ты упустил такую деталь, как сам проект, которым занимался, когда встретил посредников? Уверен, что ты часто рассказывал историю вашей встречи, но неужели ни разу никто не спросил тебя, чем таким важным ты занимался, что не смог обойтись без переговорщиков?

Бриз едва заметно качнул головой, признавая тем самым обвинения Лиора.

– Хорошо… – представитель агентства «Ксанет» оценил честность. – Теперь скажи мне, как все обстоит на самом деле, и давай думать, что будем делать дальше.

– Вермон мой брат, – сказал Бризак, опустив голову. – Не подумайте, что я придумал историю своего знакомства с переговорщиками, чтобы выставить их в лучшем свете, просто когда люди узнают, что один из них мой родственник, то сразу теряют интерес.

– Знакомая ситуация, – улыбнулся Лиор. – Когда люди

узнают, что Окс был строителем, а я закладывал свое тело в центрах Энрофы, чтобы заработать на жизнь, то начинают думать, что агентство «Ксанет» – это контора дилетантов, от которых лучше держаться подальше, потому что вместо обещанной помощи, скорее всего, наживешь еще больше неприятностей… И знаешь, что самое интересное? Когда-то так оно и было. Если бы не один случай, изменивший нас, позволив стать теми, кто мы сейчас… Может быть, в случае с твоим братом было нечто подобное?

– Нет, – качнул головой Бризак. – Вермон и Гал… Они…

– Просто мелкие переговорщики, коих в КвазаРазмерности всегда было с избытком, – помог ему Лиор.

Инженер предпочел промолчать.

– Но рассказывает о них он с энтузиазмом, – поддержал напарника Окс. – Признаться честно, на какое-то время меня даже заинтересовала эта пара, заставив всерьез задуматься о том, чтобы использовать их в переговорах.

– Лично я рассматриваю такую возможность до сих пор, – пожал плечами Лиор.

– Вот как? – растерялся Окс.

– Какая разница, кто станет посредником? Конечно, можно выйти на Лок-Кли лично нам, но так ему будет проще вычислить конечного заказчика. Пусть, если надумает пополнить свой архив тайн еще одной историей, помучается, распутывая клубок посредников. – Лиор перевел взгляд на Бризака: – Что скажешь, инженер, потянет твой брат подобное?

– Ты серьезно?

– Вполне. Вермон заработает, а мы избавимся от необходимости тратить время, подыскивая не совсем продажных посредников.

– Ну, если так ставить вопрос… – промямлил Бризак.

Спустя два часа Окс встретился с его братом, отправив к Лок-Кли, чтобы договориться о покупке всей доступной информации о причинах нейронного сбоя. В качестве конспирации Окс скрыл свою настоящую личность, воспользовавшись незаконными терминалами переходов: оставив свое тело в одном, попал в Квазар и вернулся, пользуясь другим терминалом, оказавшись в теле клона. Теперь для большинства он стал просто туристом, коих в последние годы в Isistius labialis была тьма-тьмущая.

– А ты ведь местный! – тут же подметил Вермон, встретившись с Оксом на базаре игровых технологий.

Окс, согласно созданной Лиором легенде, прозрачно намекнул на свою принадлежность к Иерархии и, следовательно, необходимость строгой конспирации.

– Ты связан с клириками? – недоверчиво прищурился Вермон, затем услышал приблизительную сумму предстоящей сделки и решил, что заплатить столько единиц Влияния не сможет ни один простой смертный.

О Бризаке не было сказано ни слова. Брат Вермона остался за бортом обсуждений, чтобы не упрощать Лок-Кли поиски заказчика.

Окс планировал сказать, что хотел встретиться с посредником в Квазаре, но ему запретили, заставив следовать неофициальным догмам Иерархии, но, так как Вермон признал в нем местного, решил пропустить ту часть легенды, в которой он заставляет посредников поверить, что он прибыл из Galeus longirostris, что позволяло окончательно запутать свой след.

«Ладно, и того, что есть, хватит, чтобы ищейки Лок-Кли сбились с пути. Пусть ищут заговор клириков», – думал Окс.

Закончив переговоры, он вышел на ближайшую станцию общественного транспорта и сделал как минимум десяток пересадок, чтобы сбить с толку системы автоматического слежения, если таковые уже начали пасти его. Теперь оставалось ждать.

Стараясь действовать нелогично, Окс выбрал случайный отель для туристов. Правда, случайность была видимой. На самом деле отель располагался очень близко к центру Всемирной иерархии – еще одна деталь легенды. Теперь оставалось ждать, когда Вермон встретится с Лок-Кли. «Будет забавно, если силовики Лок-Кли сразу переломают посредникам ноги, желая выяснить, кто заказчик», – думал Окс, но на деле оказалось, что скандальный монополист не придал информационному запросу особого значения. Система скормила посредникам часть информации и заблокировала доступ к разработкам, которыми занимался созданный Лок-Кли отдел по ликвидации Сарса.

Главой отдела были назначены создатели вируса, Симеон и Мо-Джо, но эта информация, разумеется, не продавалась. Не зная о планах Демира по созданию новых генераторов, Лок-Кли считал, что его проект является одним из главных в КвазаРазмерности. Сначала он искал загадочное послание, найденное в ремонтных полостях Galeus longirostris и наделавшее в свое время много шума, объединив клириков, акеми и ученых Энрофы, чтобы собрать воедино разрозненные части послания, находящиеся как в мире энергии, так и в материальном мире.

Считалось, что послание раскрывает тайну путешествий во времени, хотя некоторые пессимистично предполагали, что в нем сообщается о новом апокалипсисе, пережить который

на этот раз человечеству не удастся. Была и третья версия, объединявшая первую и вторую, – послание учило путешествиям во времени, которые уничтожат мир, поэтому клирики предпочли разорвать союз с акеми и учеными Энрофы, спрятав послание.

Некоторые считали, что послание нельзя уничтожить, так как оно находится сразу на двух уровнях современного мира, а любители дешевых сенсаций и вовсе заявляли, что оно пришло от самого Бога, решившего напомнить технологическому миру о своем существовании. Что касается скептиков, то они, как правило, в один голос твердили, что находка – это не более чем вымысел, призванный отвлечь общество КвазаРазмерности от насущных проблем, и что главными организаторами этого розыгрыша являются клирики, сумевшие каким-то непостижимым образом уговорить принять участие в фальсификации акеми и ученых Энрофы. Впрочем, насчет участия акеми и ученых Энрофы многие не были уверены, полагая, что имела место быть очередная фальсификация со стороны Иерархии, потому что маловероятно, что Энрофа добровольно отказалась бы от своей доли, если бы речь шла о важном научном открытии.

Что касается Лок-Кли, то он относился к посланию как к очередной важной информации, не лишней в огромном архиве, который начали собирать его предки. Чужие тайны никогда не бывают лишними, порой принося умопомрачительные дивиденды, главное – не забывать, что хранить чужие секреты иногда смертельно опасно, и всегда держать глаза открытыми, не доверяя даже самым преданным друзьям и союзникам.

Когда Лок-Кли занимался поисками послания, то ошибочно решил, что клирики, учитывая, что находка не была вымыслом, как считали некоторые скептики, могли спрятать ее на одной из перевалочных баз – чем не идеальное хранилище в мире КвазаРазмерности, где люди тысячелетиями не покидают гигантских жилых комплексов. Если рассматривать строительство внешних баз как желание Иерархии переправить множество своих секретов за периметр жилых комплексов, то безопаснее места сложно придумать. При мысли о том, что удастся заглянуть в шкаф клириков, где хранятся их секреты, у скандального монополиста начинали потеть руки. Хотя сойдет и найденное таинственное послание. Узнав истинную информацию, хранившуюся в нем, он сможет диктовать клирикам свои условия.

Внедряя в экспедицию ученых к центру Великого ледника своего человека, Лок-Кли не знал, что вместо мистического послания, найденного в мире, где люди забыли о том, что такое мистика, отыщет опасный вирус под названием Сарс. Правда, вначале вирус будет выдавать себя за новый вид жизни,

образовавшийся в условиях Великого ледника и двухуровневой реальности. Это было, конечно, не совсем то, на что рассчитывал скандальный монополист, но, своевременно отреагировав на изменения, он смог выжать из находки не меньше, чем планировал получить от послания, организовав группу по борьбе с Сарсом, что дало возможность начать торги с клириками.

Конечно, Лок-Кли не предполагал, что вирус сможет выбраться за пределы перевалочной базы и проникнуть в жилые комплексы, усложнив разработчикам создание защитных протоколов, но появившийся в нейронных сетях сбой, причиной которого, как доказала собранная монополистом группа, был Сарс, помогла ему перейти на новый уровень взаимоотношений с клириками. Его разработки ушли далеко вперед, если сравнивать с результатами исследований Сарса в Иерархии, а учитывая стремительное распространение вируса в сетях седьмого поколения, промедление в подобной ситуации было смерти подобно.

К тому же главным козырем Лок-Кли стало то, что он привлек в группу разработчиков создателей Сарса, которые знали о вирусе все. Впрочем, как заявляли Симеон и Мо-Джо в один голос, за время пребывания на перевалочной базе вирус заново сформировал себя и от прежних систем адаптивного развития практически ничего не осталось, если не учитывать первичных ядер, положивших начало структурному образованию Сарса. Так что выходило, что вирус, который чудом избежал полного уничтожения создателями прежде, теперь вернулся, готовый нанести ответный удар. Когда Симеон зажал свое творение в угол, тому пришлось лишиться всех накопленных за время существования знаний и навыков, чтобы улизнуть, сохранив основное ядро, спрятав его среди простейших протоколов строительных автоматов, отправлявшихся на формирование и модернизацию перевалочных баз.

– Теперь поведение Сарса я не смогу предугадать, – признался Симеон. – Нам придется работать практически с нуля.

– Ну, не совсем с нуля, – возразил второй создатель Сарса, акеми по имени Мо-Джо, заметив, как помрачнел Лок-Кли. – Мы знаем, что лежит в природе базового формирования ядер Сарса, так что, можно сказать, есть шанс предугадывать его поведение на уровне врожденных инстинктов, если сравнивать Сарса с человеком.

– Акеми… – презрительно протянул Симеон. – Почему вы во всем видите алхимию? Сарс – это просто сложный адаптивный алгоритм, не имеющий ничего общего с искусственным

интеллектом.

– У тебя есть идея лучше? – спросил инженера Лок-Кли.

Монополист не был молод и давно уже понял, что с учеными нужно работать комбинированно: использовать метод кнута и пряника, но никогда не забывать об их тщеславии, способном заставить ученых горы свернуть, если потянуть за нужные нити. Сейчас Лок-Кли делал именно это – сталкивал двух ученых, заставляя работать не покладая рук, чтобы доказать свое превосходство над оппонентом. Пока, учитывая частичное уничтожение Сарса на перевалочной базе, выигрывал Симеон, но Мо-Джо присоединился к проекту уже после того, как системы адаптивного развития проникли в Isistius labialis. Если считать началом соревнования этот момент, то здесь акеми на голову превосходил Симеона. «Теперь осталось заставить их работать сообща», – думал Лок-Кли, чувствуя, что выбрал верную модель поведения, общаясь с учеными.

Когда с ним связались переговорщики Гал и Вермон, желая получить информацию о нейронном сбое и причастности к нему вируса, отдел разработок по ликвидации Сарса как раз начинал формировать впервые за последние недели внятную стратегию предстоящего противодействия. Первоначальный план не годился, потому что система адаптивного развития начала создавать сателлитов, пытаясь освоить не только Размерность и благоприятную среду нейронных сетей седьмого поколения, но и Подпространство, проникая на субслои мира энергии, начиная взаимодействовать с системным кодом. Достигнет в этом Сарс успеха или нет, было рано говорить, но сами попытки показывали, что он изменился, став более пластичным.

Еще одним фактором, заставившим переосмыслить природу и уровень интеллекта Сарса, стало то, что вместо бесконтрольного развития, появившись в жилом комплексе, он начал действовать осторожно, делая точечные удары, проверяя на прочность системы защиты. Одним из таких ударов стал незначительный сбой нейронных сетей, созданный в качестве отвлекающего маневра, чтобы направить охранные системы по ложному следу. Вторым ходом Сарса стала охота на своих создателей – шаг неожиданный, означавший глобальные изменения основного ядра. Создавая Сарса, Симеон не учил его защищаться – только атаковать, работая во благо создателя.

Спрятаться от Сарса удалось в нейронных войдах жилого комплекса, создав ложный центр в зоне действия сетей, вынудив вирус нанести превентивный удар и выявляя во время атаки его сильные и слабые стороны. Впрочем, слабых сторон оказалось, вопреки ожиданиям, крайне мало. Плюс Сарс развивался

настолько стремительными темпами, что Симеон не сомневался – пройдет пара недель, возможно месяц, и он найдет способ, как пробраться на территорию нейронных войдов, чтобы устранить своих создателей и организованные для борьбы с ним центры.

Клирики долго отказывались снова сотрудничать с Лок-Кли, напоминая ему о частичном провале на перевалочной базе, когда разработанная Симеоном система не смогла полностью уничтожить Сарса, но потом на территории Isistius labialis был обнаружен след хранителя, принимавшего участие в спасательной экспедиции, призванной уничтожить вирус на перевалочной базе. Это дало Лок-Кли возможность списать провал разработанной Симеоном программы на некомпетентность созданной клириками группы. Конечно, для возобновления сотрудничества нужен был новый четкий план по ликвидации Сарса, но Симеон и Мо-Джо обещали, что уже работают над этим. Так что вопрос официального объединения усилий по борьбе с вирусом оставался вопросом времени. Главное, чтобы не возникло непредвиденных ситуаций.

– Уверен, что не хочешь, чтобы я выяснил, кому в действительности нужны сведения о Сарсе? – спросил Нед, сообщив Лок-Кли о покупке переговорщиками информации о вирусе.

– Зачем нам тратить время на этих неудачников? – поднял бровь монополист. – Сейчас каждый второй хочет узнать причины нейронного сбоя, да и о вирусе давно уже болтают многие.

– Но не многие готовы заплатить космическую сумму единиц Влияния за информацию о нем, – тихо произнес друг и личный телохранитель монополиста, не брезгующий время от времени превратиться в силовика, чтобы выбить долг или вправить кому-нибудь мозги.

– Космическую, говоришь? – озадачился Лок-Кли. – Думаешь, кто-то хочет составить нам конкуренцию?

– Нужно учитывать все варианты.

– Сомневаюсь, что кто-то сможет догнать нас. Даже клирики, несмотря на неограниченное финансирование, не могут соперничать с нами.

– Все равно я бы проверил, – настырно сказал Нед.

– Если мы будем проверять всех, кто покупает у нас информацию, то желающих раскошелиться не останется, – снисходительно улыбнулся Лок-Кли. – Мой архив приносит до тридцати процентов от общей выручки ежегодно. И это только чистая прибыль, не учитывая, что многие принятые нами решения базируются на данных архива. Без него ошибки и убытки

возрастут в разы. Так что не нужно нарушать правила, установленные моими предками: человек платит за нужную ему информацию. Никакой фальсификации и слежки – это закон, потому что стоит нарушить его однажды – и система даст трещину, заставив клиентов сомневаться.

– Мне напомнить, что сейчас стоит на кону? – хмуро спросил Нед.

– Я знаю, что стоит на кону, но разработка систем борьбы с Сарсом – это, конечно, хорошо, особенно если удастся стать официальным партнером Иерархии, но архив все-таки важнее. Архив существует не одно столетие, а сколько продержится Сарс? Представь, что будет после того, как мы уничтожим адаптивные системы развития Симеона? В качестве примера можешь взять сотрудничество клириков с агентством «Энеида». Оно ведь не утратило свои ключевые базисы, вступив в союз с Иерархией, верно? Все знают, что «Энеида» занимается отнюдь не благородными делами, порой представляя интересы настолько темных личностей, что просто диву даешься, как клирики закрывают на это глаза, но…

– Именно это и привлекает Иерархию в агентстве «Энеида», – закончил за друга Нед.

Лок-Кли кивнул.

– «Энеида» доказала свою состоятельность и придерживается нейтралитета в политических вопросах, несмотря на свое влияние в КвазаРазмерности. Ее представители остались теми, кем были до того, как клирики начали обращаться к ним за помощью в трудные моменты, доказав, что не работают сразу на два фронта. Так что приоритетным становится тот заказчик, что обратился к ним первым. И неважно, кто заплатит больше, – правило едино для всех. На данный момент их самым старым заказчиком является Всемирная иерархия, так что сотрудничество с ними считается приоритетным. Так или иначе, но «Энеида» научила своих клиентов ценить подобные вещи. Они работают с разными классами и жилыми центрами, но везде, на каждом уровне социальной лестницы и богатства, заказчики знают – если ты обратился в агентство первым, то можешь не бояться, что соперник перекупит их.

– Хочешь сказать, что конфиденциальность обратившихся в наш архив – это как правило «Энеиды» касательно порядка обратившихся за помощью клиентов? – спросил Нед.

– В каком-то роде, – уклонился от прямого ответа Лок-Кли. – Не стоит забывать, что «Энеида» действует в узком секторе оказания услуг, тогда как мы многогранны. Конечно, наши силовики уступают тем, что работают в «Энеиде», но на этом их

преимущества заканчиваются, потому что решение чужих проблем – это единственная услуга, которую они оказывают, тогда как под нами ходят сотни крупных финансистов, исследовательских центров как в Размерности, так и в Квазаре, строительных площадок. Я уже не говорю о контроле транспортных сетей Подпространства и об аренде автомашин в Isistius labialis. Разумеется, невозможно управлять подобной финансовой империей и не замараться, но на фоне множества нарушений и нелицеприятных нюансов ведения дел в условиях жесткой конкуренции необходимо иметь что-то светлое и яркое. Так что правила нашего архива – это обложка, призванная скрыть то, что под ней. Без нее многие и не взглянут на нас.

– Думаю, сотрудничество с Иерархией может стать для нас такой обложкой, – осторожно сказал Нед.

– Думает он! – недовольно скривился Лок-Кли. – А ты не понимаешь, что союз с клириками станет не только красивой оберткой, привлекающей людей к сотрудничеству с нами, но превратится одновременно с этим в дамоклов меч, занесенный над нашей головой. Как бы там ни было, но единственным длительным союзом с Иерархией может похвастаться только «Энеида», сфера деятельности которой намного проще контролируется, чем наша. Так что проблем с соответствием будет много. Взять, к примеру, союз клириков с учеными Энрофы, когда Иерархия разрешила им проводить эксперименты по созданию терминалов нового образца в обмен на засекреченный ряд разработок и сведений, некоторые из которых до сих пор остаются загадкой. Тебе напомнить, сколько времени просуществовал этот союз?

– До момента, пока клирики не получили все, что им нужно? – хмуро предположил Нед.

Лок-Кли кивнул.

– Думаешь, с нами клирики поступят так же?

– Уже поступили, – на губах монополиста появилась недобрая улыбка. – Вспомни, как они разорвали сотрудничество сразу после того, как провалилась попытка уничтожения Сарса на исследовательской станции. Сейчас происходит нечто подобное. Они не хотят становиться нашими партнерами, но у них нет иного выбора, потому что только у нас есть необходимые разработки уничтожения проникшего в нейронные сети Размерности вируса. Так что не стоит забывать, что это дружба из-под палки. Сейчас роль палки выполняет наш отдел по борьбе с Сарсом. После того, как мы покончим с вирусом, нужно будет искать что-то еще. Поэтому относись к союзу с клириками как к временному явлению, из которого мы должны выжать все,

что получится, пока нам не дадут пинка под зад или пока в мире не случится давно назревающий переворот, в результате которого Иерархия перестанет интересовать нас как союзник…

– Так мне не нужно проверять, кто покупает информацию о Сарсе? – спросил Нед, стараясь не показывать усталость от разговора.

– Только если очень осторожно, – улыбнулся Лок-Кли. – Хотя думаю, нечто подобное ты уже сделал, верно?

Нед едва заметно кивнул.

– И что удалось узнать?

– Все указывает на то, что это клирики, но свидетельства, на мой взгляд, слишком очевидные, чтобы оказаться правдой, – Нед задумался на мгновение. – Если, конечно, клирики не поручили эту операцию агентам «Энеиды».

– Думаешь, Иерархия вместо неизбежного союза решила сыграть против нас? – на лице Лок-Кли появилось удивление. – Очень странное решение, учитывая, что у них нет шанса догнать наши разработки. Сарс развивается слишком быстро, представляя реальную угрозу не только Размерности, но и Квазару… – монополист требовательно уставился на друга. – Ты ведь доставил клирикам отчет о том, что вирус начинает создавать сателлиты для проникновения в Подпространство?

– Доставил, но, как мне подсказывает опыт, им плевать на все, что происходит в мире энергии.

– Ну, в мире есть немало тех, кому не плевать… – в глазах Лок-Кли вспыхнул огонь. – Если клирики действительно решат выступить против меня, то у меня не останется других вариантов, кроме как заключить договор с адептами «Мункара и Накира»… Правда, это будет иметь совершенно обратный эффект тому, что мы сейчас добиваемся, заключая договор с клириками, но если преподнести все так, словно у нас не было выбора…

– Думаю, если клирики начнут играть против нас, то у нас действительно не будет выбора, – сказал Нед.

Лок-Кли кивнул, озадаченно пялясь в пустоту перед собой, понимая, что в подобной ситуации нельзя ошибаться.

– А ты уверен, что заказ делают именно клирики, а не кто-то из наших конкурентов или недоброжелателей? – осторожно спросил монополист.

– Не уверен, – сказал Нед, напомнив, что именно поэтому и считает необходимость выяснить, кто делает заказ. – Ради такого, думаю, можно поступиться с принципами конфиденциальности.

Они обсуждали вопрос еще около часа, но Нед по шифрованному нейронному каналу уже давал распоряжение

своим людям проследить за переговорщиками, а также установить хвост за заказчиком. Какой бы хитрой ни была система, где-то все равно будут допущены ошибки, которые сможет заметить профессиональный взгляд. Сейчас главная задача – это собрать достаточно сведений, чтобы иметь возможность построить ясную картину происходящего и провести анализ ситуации. На последнее Неду потребовалось чуть больше суток – ровно столько Окс, выдававший себя за клирика, бегал по КвазаРазмерности, заметая след. Справедливости ради нужно отметить, что система Окса, разработанная его напарником, оказалась безупречной, поставив аналитические службы Лок-Кли в тупик. Нечто подобное ждало Неда и в случае с переговорщиками. Найти их, располагая доступными ему средствами, не представляло сложностей, но толку от Гала и Вермона не было – Нед не сомневался, что им неизвестна подлинная личность заказчика. Так что оставалось только надеяться на протокол слежения, скрытый в информационном потоке, связанном с причинами нейронного сбоя сетей седьмого поколения.

Разумеется, подобное учтут, но здесь вопрос встанет не столько в хитрости, сколько в талантливости разработчиков. Кто окажется умнее: разработчики трояна или создатели программ для его устранения? Нед понимал, что рано или поздно троян обнаружат, но надеялся, что это случится ближе к конечной станции доставки, нежели на первых центрах фильтрации. И чем дальше сумеет продвинуться троян, тем проще будет проводить анализ, учитывая особенности защиты и модели блокировок.

– Это не клирики, – сообщил Нед спустя тридцать два часа после начала слежения.

– Это, как я понимаю, хорошая новость? – осторожно спросил Лок-Кли.

– В каком-то роде… – замялся Нед, не зная, как преподнести новость о том, что им не удалось выявить заказчика. – Аналитики считают, что информацию приобрели независимые разработчики, причем уровень их защиты немногим хуже, чем у клириков, так что это не любители и не новички.

– Но конкретных имен ты не знаешь?

– Нет.

– Это плохо. Потому что не зная врага невозможно разработать стратегию борьбы с ним, – начал накручивать себя Лок-Кли, чтобы скрыть радость от новости, что договор с клириками остается в силе.

– Вариантов не так много, – осторожно сказал Нед. – Судя по уровню защиты и сфере интересов, выраженных при покупке

информации о нейронном сбое, мы, скорее всего, имеем дело либо с союзом независимых разработчиков, либо с новой группой ученых.

– Ты рассматриваешь только представителей Isistius labialis? – нахмурился монополист.

– Вывод сделан на основании комплексного анализа полученных данных: переговорщики местные, заказчик, с точностью до восьмидесяти процентов, тоже. Что касается информационного протокола, то судя по тому, как усиленно его уводили от нашего жилого комплекса, я нутром чую, что его конечной станцией был Isistius labialis. – Нед помялся и добавил, что сейчас запущена система анализа и сбора информации касательно всех местных разработчиков, попадающих под нужные параметры.

– И как много удалось выяснить?

– Пока меньше, чем хотелось бы.

– Архив не помогает?

– Нет.

– Значит, действует новая группа, – решил монополист. Радость от понимания, что не придется враждовать с клириками, уступила место беспокойству касательно нового конкурента. – Isistius labialis не настолько многолюден, как другие комплексы, – решил он. – Попробуйте сменить стратегию – ищите не группы ученых и разработчиков, а финансистов, способных организовать подобный проект в кратчайшие сроки. Кто попадает под нужные нам приметы? Думаю, это могут быть крупные застройщики или арендодатели, которым нейронный сбой в случае прогрессирования обещает колоссальные убытки… Не стоит забывать, что могут появиться те, кто решит использовать нейронный сбой, чтобы разорить конкурентов… – Лок-Кли задумался. – За двух крупных застройщиков и одного арендодателя я могу поручиться, так что их имена можно вычеркнуть пока из списка. Остается еще около дюжины кандидатов.

Глава четвертая

– Никогда бы не подумал, что можно ускользнуть от систем слежения Лок-Кли, – признался Демир на встрече с представителями агентства «Ксанет».

– Мы не ускользнули – лишь выиграли немного времени, – уточнил Окс. – Рано или поздно Лок-Кли выйдет на нас, если захочет.

– А ты думаешь, он захочет?

– Не знаю, но судя по тому, как его люди пытались проследить информационный поток сейчас, можно предположить, что он крайне заинтересован заказчиком.

– Хочешь сказать, что есть вероятность получить в его лице конкурента? – насторожился Демир.

– Не прямого, но…

– Тогда нужно узнать, какие проекты он курирует, – оживился арендодатель. – Пусть мы не сможем стать с ним союзниками, но хотя бы можно попытаться не становиться с ним врагами.

– Я провожу небольшой анализ… – осторожно начал Лиор, продолжая обрабатывать в несколько потоков поступающую по нейронным сетям информацию. – Пока единственным разумным объяснением проявленного Лок-Кли интереса к нашему запросу о нейронном сбое остается первоначальная догадка, что монополист как-то связан с этими неполадками. Сейчас мир КвазаРазмерности нестабилен, как никогда. Жилые комплексе периферии мечтают отделиться, став независимыми. Клирики закручивают гайки, пытаясь удержать власть, сохранив центр двухуровневой реальности в Galeus longirostris. Мелкие группы недовольных финансистов, торговцев и разработчиков собираются в альянсы. Клирики возвели свою власть в абсолют, присваивая себе все успехи и достижения последних веков. Люди привыкли к этому. Но, как гласят законы материального мира, каждое действие имеет противодействие. Так что наряду с успехами люди начинают взваливать на плечи Иерархии все неудачи, происходящие в мире КвазаРазмерности. Поворотным моментом, судя по всему, была трагедии в Isistius labialis. Клирики убедили людей, что в трагедии виноваты адепты «Мункара и Накира», но едва жители поверили этим словам, как тут же появился резонный вопрос: почему Иерархия не предотвратила теракт? Где обещанная защита? Выходит, клирики небезупречны? Тут же поползли слухи, рожденные ушлыми аналитиками, построившими десятки различных теорий, главным стержнем которых было утверждение, что Иерархии

было выгодно превратить Isistius labialis в мертвый комплекс, получив возможность построить там необходимые для борьбы с Великим ледником устаревшие генераторы. Точкой опоры для подобных заявлений стала монополия клириков на энергоносители КвазаРазмерности. Приводя в пример провал исследований квазацентристов, в результате которых могли появиться системы передачи энергии из Подпространства в материальный мир, аналитики заявляли, что ученые Иерархии зашли в тупик, но не могут дать добро независимым исследователям, способным решить проблему дополнительных источников энергии, потому что подобное пошатнет абсолютную власть клириков в Размерности. «Посмотрите на Квазар, – говорили аналитики. – Там нет нужды в энергии, и, следовательно, власть клириков не превышает пяти-семи процентов». Об успехах и прочих достижениях Иерархии мало кто вспоминал в те дни… Не изменилась ситуация и сейчас, особенно после провала первой экспедиции к центру Великого ледника. Объединения ученых и торговцев не стесняются выказывать свое недовольство правлением клириков. И если в Galeus longirostris, превращенном Иерархией в центр КвазаРазмерности, еще относительно спокойно, то в Isistius labialis и Hexactinellida, превращенных в периферии современного мира, беспокойство растет. Чаша наполнена до краев, и любое негативное событие может стать последней каплей.

– Ты намекаешь на нынешний нейронный сбой? – хмуро спросил Демир, понимая, что перевороты и смена власти ему сейчас совершенно ни к чему.

– Все зависит от того, насколько сбой станет серьезным и какие у него истинные причины.

– Думаешь, есть вероятность, что его спровоцировали противники Иерархии, чтобы вызвать недовольство жителей?

– Если так, то сбой должен прогрессировать, а этого пока не видно.

– Но ты не исключаешь возможности, что к этому может иметь отношение Лок-Кли? – решил задать вопрос напрямую Демир.

– Не исключено, что Лок-Кли выступает на стороне клириков, учитывая, что у них уже было заключено недолгое сотрудничество, когда экспедиция к центру Ледника попала в беду. – Лиор выдержал паузу, позволяя Демиру обдумать услышанное, затем продолжил: – Не исключено, что информация, полученная нами от Лок-Кли касательно нейронного сбоя, верна, и новые сети действительно столкнулись с некой формой вируса, пробравшейся в жилые комплексы с перевалочной базы,

где произошла трагедия с участниками экспедиции. Вирус станет прогрессировать, поэтому ситуация, естественно, будет обостряться. Можно, конечно, попробовать вернуться на устаревшие сети шестого поколения, но подобный ход допустим в Galeus longirostris и Hexactinellida, где процент использования новых нейронных сетей значительно ниже, чем у нас, но, согласно сведениям из архива Лок-Кли, есть вероятность, что Сарс уже адаптировался, ожидая подобного хода, и это только ухудшит ситуацию.

– Сарс? – ухватился за слово Демир.

– Системы адаптивного развития Симеона – так называется вирус, ставший причиной сбоя нейронных сетей, – пояснил Лиор.

– Ученый по имени Симеон, насколько я понимаю, был его создателем?

– Верно.

– Что если попытаться его найти?

– Бесполезно. Я пробовал навести справки, но все сведения теряются, начиная с момента, как Сарс заявил о себе. Конечно, даты могут быть неточными, учитывая, что официальной информации по этому поводу нет, а все сведения в большинстве своем получены из архива Лок-Кли, но я не вижу причин, чтобы не доверять им.

– Хорошо. Допустим, информация монополиста не врет. Что тогда мы имеем? Как связано исчезновение Симеона и возвращение созданного им вируса? Есть шанс, что это просто случайность?

– Сомневаюсь. Я проанализировал данные о временах, когда был создан Сарс… В общем, второй создатель вируса, акеми по имени Мо-Джо, тоже пропал… Думаю, либо кто-то избавляется от свидетелей, либо, наоборот, собирает команду для борьбы с Сарсом.

– А что если это проделки самого вируса? В полученной от Лок-Кли информации ничего не говорится о его враждебности?

– Нет, но эта идея может оказаться вполне жизнеспособной, – согласился Лиор, запуская повторный анализ в четыре потока, перегружая доступные ресурсы мозга напарника, заставляя Окса замереть с открытым ртом.

– Никак не могу привыкнуть к подобному, – проворчал Демир, косясь в сторону превратившегося в истукана агента «Ксанет».

– Поверьте мне, Окс тоже, – беззаботно улыбнулся Лиор. – Но сейчас это необходимо, так что он должен понимать и не жаловаться. Я ведь не жалуюсь, когда он в экстренных ситуациях выкачивает из меня дополнительную кинетическую энергию,

лишая физических сил…

– Странные вы, – признался Демир. – Добровольно согласились превратиться в подопытных крыс беглого содомита, пообещавшего подарить вам сверхспособности. У моего сына обнаружена способность нейропатии, и я готов потратить все свои сбережения, чтобы излечить его от недуга и превратить в нормального человека, а вы…

– Будь мы на вашем месте, то, разумеется, никогда не связались бы с Эсфирь, а жили бы себе в удовольствие, – улыбнулся Лиор. – Да и тайно заниматься созданием генераторов нового образца, способных передавать в Размерность энергию Подпространства, используя для этого тонкие грани временных мембран, никогда бы не стали… Мы бы просто тратили находившиеся на счетах единицы Влияния и жили как короли, ни о чем не заботясь… Но вся штука в том, что мы никогда не окажемся на вашем месте, как вы не окажетесь на нашем. У каждого своя колокольня, чтобы смотреть на мир… Если, конечно, вы понимаете, о чем я…

Лиор неожиданно завис, превратившись в истукана со стеклянными глазами, как и его напарник. Демир выждал пару минут, затем обеспокоился происходящим, вызвал инженеров по имени Бризак и Тнес, чтобы они разобрались в случившемся. Два часа они прыгали вокруг представителей агентства «Ксанет», пользуясь сначала нейронным оборудованием, затем нономодулями, чтобы напрямую подключиться к жидким чипам, модифицированным Эсфирь, превратившей Окса и Лиора в сложную сеть… Но сеть дала сбой.

Признав, что не могут разобраться в случившемся без дополнительной помощи, Бризак и Тнес вызывали остальных участников проекта по созданию генераторов нового образца. Пара акеми по имени Гва-Сут и Ря-Сент предложили переключиться с изучения биологических оболочек представителей агентства «Ксанет» на их сознания.

– Можно воспользоваться незаконным терминалом и попытаться установить с ними связь в Квазаре, – сказал Гва-Сут.

– Это может убить их, – безразлично предположил Тнес, выявивший после серии тестов внешнее вмешательство в системы восприятия Окса и Лиора. – Думаю, будет лучше попробовать создать вокруг них искусственный защитный купол, имитировав нейронный войд… Правда, это может привлечь внимание клириков, запретивших подобные эксперименты, но… – он покосился на арендодателя, спонсировавшего незаконный проект создания новых генераторов. – Думаю, это уже не моя проблема и решать ее не мне.

– А что если просто доставить их в нейронный войд? – спросил Демир, понимая, что не инженер и не знает всех тонкостей. – Или есть какие-то принципиальные различия между защитным куполом, имитирующим отсутствие нейронных сетей, и местом, где действительно отключен нейронный генератор?

Инженеры растерянно переглянулись и пожали плечами, признав, что различий нет.

– Вот только где найти подобное место, не привлекая внимания? – спросил Бризак. – Потому что если обратиться с официальным запросом в Иерархию, то клирики быстро пронюхают о доработках жидких чипов агентов «Ксанета» и превратят их в подопытных крыс, пока не изучат разработку. Потом, конечно, ребят отпустят, но о модификациях можно будет забыть – доработки либо удалят, либо установят новые жидкие чипы… – инженер помялся, но все-таки не смог удержаться и спросил, кто занимался усовершенствованием жидких чипов агентов. – Думаю, этот человек гений, – заявил он. – Если бы запустить подобное в массовое производство, то технология могла бы взорвать черный рынок… Взорвать – в хорошем смысле этого слова.

– Сомневаюсь, что они станут разглашать секреты, лишаясь своей индивидуальности, – осторожно сказал Демир, одновременно с этим делая отметку в нейронном ежедневнике провести повторную проверку на преданность и соответствие привлеченного к проекту инженера по имени Бризак.

Судя по его реакции на незначительную модернизацию жидких чипов представителей агентства «Ксанет», когда главный проект, связанный с разработкой новых генераторов, начнет функционировать, Бризак снова может вернуться к размышлениям о том, что будет, если выбросить технологию в свободный доступ. И это не говоря уже о том, какие тараканы поселятся в его голове после начала реализации проекта «Вечная жизнь».

– Активируйте нейронные экзоскелеты, чтобы Окса и Лиора можно было перевозить, усадите в мой личный транспорт и возвращайтесь к работе, – распорядился Демир.

Инженеры растерянно переглянулись, попытались поспорить, что кроме нейронных войдов агентам «Ксанета» может потребоваться дополнительная помощь специалистов, но, услышав о том, что там, куда Демир собирается отвезти Лиора и Окса, их встретит Эсфирь, спешно ретировались. «Кажется, слава этой женщины идет далеко впереди нее», – не без улыбки отметил про себя арендодатель, дожидаясь, когда закончится подготовка зависших агентов к транспортировке.

Личный автомобиль – роскошь для перенаселенных Galeus longirostris и Hexactinellida, но норма для Isistius labialis, где главную толчею создавали туристы – вклинился в поток ближайшей магнитной дороги. Технология движения была старой, но лучшего и, главное, более экономичного так и не придумали за тысячи лет. Жилые комплексы в основном состояли из сплавов, позволяя полностью реализовать потенциал магнитных дорог, существовавших задолго до Великого ледника. Конечно, сплавы были не вечны, и ученые разрабатывали все новые и новые средства и способы восстанавливать ржавеющие конструкции жилых комплексов, но факт оставался фактом – даже в затянутом льдом мире они оставались железными левиафанами, вздувшимися на теле планеты подобно трем уродливым чирьям.

Время от времени появлялись разработчики, предлагавшие изменить транспортную систему с учетом развивающихся нейронных сетей, но клирики отказывались идти на подобные затраты. Да и не решали эти предложения главной проблемы комплексов – перенаселения. От перестройки принципов передвижения автомобилей их количество не снизится. К тому же не все согласятся добровольно сдавать на переработку свой старый транспорт, чтобы приспособить его к новым трассам.

Разумеется, клирики регулировали рождаемость, но кольцо Великого ледника сжималось, заставляя людей отступать от промерзших окраин ближе к теплым центрам жилых комплексов. Все это напоминало шахматную партию, когда у одного игрока осталось три фигуры, включая двух слонов, а у другого один король, который отступает к границам поля, пока ему не поставят мат.

Иерархия понимала, что проблема перенаселения не в репродукционных центрах, а в необходимости сдавать территории, уменьшая размеры жилых комплексов, но ничего не могла изменить, потому что Ледник прогрессировал и для борьбы с ним требовалось все больше и больше энергии, которой и так катастрофически не хватало, учитывая развитие нейронных сетей. Оставалось либо душить прогресс и развитие нейронной индустрии, либо сдавать позиции, позволяя Великому леднику вгрызаться вглубь комплексов. Устаревшие генераторы, способные преобразовывать энергию холода, работали на пределе возможностей, так как температуры давно опустились на порядок ниже оптимальных коэффициентов переработки. Несколько отделов, созданных в каждом жилом комплексе, бились над тем, чтобы решить эту задачу, но за последние столетия ощутимых успехов не было. Требовалось разрабатывать дополнительные

генераторы, снижая нагрузку с ныне существующих, но это тянуло за собой полную переработку нейронных сетей, распределяющих между жителями необходимую для существования кинетическую энергию.

«Ничего, скоро проблемы энергетики будут решены», – думал Демир, приближаясь к окраинам Isistius labialis, где находился построенный им для сына квартал.

Был у клириков еще один экстренный план решения проблемы борьбы с наступающим Ледником – Демир узнал об этом от своего человека в Иерархии. Если верить слухам, то они на полном серьезе рассматривали частичное отключение нейронных образов, потребляющих огромное количество энергии, и перевод жилых комплексов в режим экстренного положения – нечто подобное сделал в своем квартале Демир, отключив нейронные сети, чтобы они не могли активировать сверхспособности сына. Конечно, это вызовет огромные недовольства и поставит весь мир Размерности с ног на голову, но…

Как сказали Демиру, клирики разрабатывают необходимую для подобного хода пропаганду, которая появится по всем центральным нейронным каналам за несколько лет до принятия судьбоносного решения – сначала ненавязчивая, но усиливающаяся от месяца к месяцу, чтобы люди привыкли. Все главные протесты пройдут еще до того, как об отключении будет объявлено официально, так что недовольства превратятся в холостой залп. Иерархия займет выжидательную позицию, продолжая по нейронным каналам подливать масло в огонь, и только когда общество перебесится, сделает официальное заявление о запланированном отключении.

Вначале нейронные образы отключат якобы экспериментально в малонаселенных кварталах окраин, где уровень температур давно приблизился к недопустимым для жизни, поставив людей перед выбором: либо они перебираются в центр, на что у них, конечно, нет средств, либо продолжают жить в своих домах без нейронных прикрас, но зато в тепле. Сомнений в том, какой выбор сделают нищие жители окраин, ни у кого не было. Их решение позволит на какое-то время разобраться с проблемой нехватки энергии, перенаправив освободившиеся потоки в густонаселенные центры. Затем, когда шумиха немного уляжется, пройдут вторая и третья волна отключений.

В конечном итоге планировалось сохранить нейронные поля только в исследовательских центрах Иерархии, где это необходимо для продолжения работ. Подобное гарантировало

преимущество подчиненных клирикам ученых над независимыми разработчиками, которые в нынешних условиях давно ушли далеко вперед. Что касается несогласных, коих ко времени полного отключения должно было остаться не больше десяти-пятнадцати процентов, то для них будет предложено переселение в Квазар – благо терминалы переходов никто не отменял и отменять не собирается. Их доводы касательно того, что современная культура базируется на нейронных сетях и не сможет существовать после их отключения, останутся неуслышанными, хотя и будут в действительности одним из самых весомых аргументов в защиту нейронных сетей. Только к моменту, когда над Размерностью нависнет угроза глобального отключения, запущенная клириками пропаганда поставит вопрос ребром, убедив людей, что они делают выбор между жизнью и смертью, понимая нависшую над миром угрозу, во время которой бессмысленно говорить о культуре, зиждущейся на нейронных сетях.

– Да и о какой культуре вообще идет речь? – заявят купленные клириками аналитики, готовые плясать под любую дудку, лишь бы попасть в центр внимания.

Их основной критикой современного мира станут жестокие игровые площадки, владельцы которых зарабатывают колоссальные суммы единиц Влияния, приобщая к своему «прогнившему миру» – ключевая фраза будущей критики – все больше и больше «молодых и перспективных жизней, которые тратят время, предаваясь насилию и пороку, в то время как могли бы приносить пользу обществу в это трудное для Размерности время» – еще одна тирада, которую обязуют продажных аналитиков запомнить наизусть и вставлять ее везде, где только можно. Хотя вскоре, в силу отключения нейронных сетей, слово «Размерность» в тираде будет заменено на «жилые комплексы», что, по мнению клириков, будет служить напоминанием о временах до наступления Великого ледника, когда мир только начинал возрождаться после затяжной, длившейся не один век Третьей мировой войны.

Тогда люди, вернувшись на материки, начали строить Размерность. Появились первые нейронные сети – настолько примитивные, что сравнивать их с нынешними не имеет смысла, – а гигантские жилые комплексы, вспоровшие океанские глади, правили возрождающимся миром. Именно в те времена Galeus longirostris и начал становиться центральной фигурой в жизни мира. Клирики считали, что напоминать современным жителям о тех временах – это хороший ход, способный пробудить в них ностальгию, а в случае с коренными жителями Galeus

longirostris еще и гордость.

– Мы возродим то, что было нами забыто! – будут кричать продажные аналитики, подавая людям отказ от нейронного мира и возвращение к устаревшим, изжившим себя ценностям как единственную панацею от тупикового пути развития, коим они назовут нейронные сети.

В действительности главной бедой будут не сети, а неспособность Иерархии создать новые генераторы, чтобы обеспечить энергией развивающийся мир. Проблему могли бы решить независимые разработчики, но это могло пошатнуть абсолютную власть клириков, что, по их мнению, было неприемлемо.

– У разработчиков уже был шанс показать, на что они способны. И что? Кто-нибудь из них предложил миру реальный проект по замене единственно актуальных генераторов холода, созданных Иерархией? Нет! Так что не надо обвинять клириков, что они душат независимые разработки – Иерархия готова поддержать любые исследования. Но в действительности достойных предложений попросту нет! – будут кричать продажные аналитики, игнорируя факты и убедительные доводы реальных разработчиков, столкнувшихся с запретами клириков. Впрочем, ученых, которые стоят хоть что-то в современном мире, будут приглашать только вначале – потом пачками начнут поднимать истории коростных и глупых разработчиков, которые называли себя столпами науки, но в действительности были третьесортными неудачниками.

Что до главных претензий несогласной с пропагандистской точкой зрения общественности касательно запрета клириками изучения тонких граней временных мембран, наделавших больше века назад столько шума, что эхо продолжало звенеть и по сей день, то здесь аналитики будут вначале отмалчиваться, а потом, не вдаваясь в объяснения причин, заявят, что Иерархия была вынуждена закрыть исследования по причинам безопасности.

– Вы хотите спасти мир или разрушить его, вызывав новый апокалипсис? – станут надрываться аналитики, и вошедшая в раж общественность, совершенно не разбираясь в вопросе, поддержит их. – Наука должна служить миру, как это было в прошлом. А что мы видим сейчас? Человек стал заложником технологий, рабом поставленных на конвейер открытий…

Согласно переданной Демиру реконструкции предполагаемых событий, пропаганда начинает приближаться к абсурду, но к тому времени общественность должна была мало что понимать. Давление на оставшихся в меньшинстве несогласных усилится – аналитики, убедив общественность, что отключение нейронных

сетей станет новым расцветом для мира, превратят несогласных в изгоев, тормозящих «неизбежное развитие мира, после того, как человечество избавится от технологического рабства, вернувшись к своим истокам». Так что от несогласных будут требовать либо молчать, принимая перемены, либо переселяться в Квазар, превращенный пропагандой к тому времени в понимании жителей Размерности в рассадник содомитов, коррупционеров и террористов, возглавляемых преступной организацией «Мункара и Накира».

«Надеюсь, мои дети не увидят подобного», – думал Демир, приближаясь к нейронному войду, устроенному в принадлежащем ему квартале. Вспоминать нейронную реконструкцию возможного отключения нейронных сетей не хотелось, но мысли об этом не покидали его с того дня, как он просмотрел ее. Конечно, в действительности все может произойти совершенно иначе, но… Будучи бизнесменом, Демир привык учитывать все возможные варианты развития событий, и то, что подсказывал ему опыт, было далеко от радужных видений будущего.

Оставив транспорт недалеко от границ квартала, Демир активировал нейронные экзоскелеты Окса и Лиора, чтобы они могли самостоятельно следовать за ним. По зашифрованному каналу он передал сигнал на приемник, перенаправивший его в нейронный войд, дав охранявшим квартал синергикам команду выдвигаться навстречу, потому что экзоскелеты представителей агентства «Ксанет» перестанут работать сразу, как только окажутся вне зоны действия нейронных сетей. Впрочем, помощь синергиков не потребовалась – как только Окс и Лиор оказались в радиусе нейронного войда, Сарс, блокировавший работу их жидких чипов, утратил полученный над ними контроль, позволив очнуться.

– Ух ты! – сказал Окс, недовольно уставившись на друга и компаньона. – Никогда еще не зависал настолько…

– Это не из-за меня! – сказал Лиор, растерянно оглядываясь, пытаясь сообразить, где находится.

– Вы в моем квартале, который я создал в качестве временного убежища для своего сына, – пояснил Демир.

Лиор никогда не был здесь прежде, зато Окс хорошо помнил, как забирал из игрового филиала «Фив» Джаво, сына Демира. Тогда он отвел мальчишку в этот квартал, решив, что никогда бы не стал запирать своего ребенка в подобной серой неприглядности. Пусть даже на кону будет стоять желание не допустить активации сверхспособностей, выжигающих остальные чувства и восприятия. Лучше уж спрятать человека

в Квазаре, где, как считают ученые, нейропатия находится в дремлющем состоянии…

– Как мы оказались здесь? – спросил Лиор, стараясь не замечать окружавшие картины распада несущих конструкций, скрытые в обычное время нейронными образами.

В мире света и энергии, коим являлась КвазаРазмерность, люди привыкли, что все должно сиять, переливаясь тысячами бликов, радуя глаз. Подпространство казалось кристально чистым и пластичным, как мечты ребенка, а Размерность… Материальный мир, разумеется, обладал рядом своих недостатков, но мало кто думал о том, как выглядят жилые комплексы, если отключить нейронные сети. Конечно, время от времени случались сбои, но жители относились к этому как к дурному сну, который забывается спустя пару дней. Да и клирики не позволяли культивировать страхи и опасения, не желая выставлять напоказ недостатки Размерности, которую люди постоянно сравнивали с Квазаром, где власть Иерархии была минимальной, если не сказать, что вообще отсутствовала.

Реконструкция возможного развития событий, переданная Демиру служащим Института всемирной иерархии, показывала допустимый вариант будущего, когда клирики отключают нейронные образы, оставляя только жизненно важные функции нейронных сетей. Аналитики Иерархии, проведя исследования и многочисленные опросы, уверяли, что люди в принципе готовы к отключению, давно забыв о том, насколько неприглядна действительность материального мира без нейронных прикрас.

При удачной пропаганде не менее семидесяти процентов людей проголосуют за вынужденное отключение, еще процентов десять-пятнадцать предпочтут воздержаться, и только крохотная горстка противников, превращенная ко времени голосования в изгоев и агентов Квазара, желающих прибрать к рукам Размерность, категорически откажутся поддерживать проект отключения нейронных образов. В основном это будут никакие не агенты Подпространства, коренным жителям которого, как и правящим элитам, всегда было плевать, что происходит в Размерности. Их существование пересекалось с материальным миром только благодаря устаревшим терминалам переходов, где хранились биологические оболочки с извлеченными сознаниями. Так что для коренных жителей Квазара не имело никакого значения, будут работать нейронные образы или нет: главное – стабильность и функционирование терминалов, от которых, как уверяли многие инженеры, клирики никогда не откажутся, так как часть получаемой Иерархией энергии осуществляется посредством перераспределения вырабатываемой

человеческим телом энергии, пока оно находится в капсуле терминала. Находились даже те, кто бил себя в грудь, доказывая, что жидкие чипы активируют биологические процессы организма, чтобы получать больше энергии, пока сознание хозяина тела находится в Квазаре, но реальных подтверждений подобному не было.

Возвращаясь к горстке коренных жителей Размерности, которых пропаганда в случае необходимости отключения нейронных образов планировала превратить в ренегатов материального мира, предлагая им переселиться в Квазар, хотя многие из них будут на дух не выносить мир энергии, то ряды эти сформируются в основном из ученых, имеющих четкое понимание того, каким станет мир без нейронных образов, постоянного доступа к информационным базам и общения на уровне мыслей и образов. Некоторые из этих ученых работали непосредственно с нейронными сетями, другие занимались разработкой механизмов восстановления или консервации распада металлических конструкций прогнивших до основания жилых комплексов – последние, насмотревшись на процессы распада, скрытые нейронными образами, вообще заявляли, что современный мир в своем развитии откатится сразу на несколько тысячелетий назад, если отключить современные нейронные сети.

Многие ученые сферы образования, реагируя на пробные порции пропаганды клириков, сходились во мнении, что отключение социальных функций нейронных сетей приведет к регрессу в науке и в обществе…

Когда Демир только получил реконструкцию возможного развития событий, рассматриваемого клириками в случае, если температура продолжит падать, он не сразу понял, что готов стать противником проекта. Сначала ему казалось, что немалая сумма единиц Влияния, потраченная на реконструкцию, просто выброшена на ветер, потому что для него это не имеет никакой важности. Разве что можно предположить рост численности населения с учетом обещанного клириками роста территорий благодаря освободившейся энергии. Подобное может привести к падению спроса на жилые дома и торговые площадки. Что касается игровых проектов, то здесь, вероятно, клирики готовы были действовать избирательно, сохраняя самые прибыльные проекты, при условии, что хозяева уступят контроль за своими детищами Иерархии.

Но чем больше Демир думал о вероятных последствиях отключения сетей, тем сильнее становилось его несогласие. Огромную роль в его сомнениях играли заверения клириков,

что в случае отключения нейронных сетей удастся полностью искоренить недуг нейропатии, но многие ученые, с которыми консультировался Демир, пытаясь вылечить своего сына, заверяли, что отключение нейронных сетей станет для нейропатов не панацеей, а проклятием.

– Мы считаем, что нейропатия – это естественный процесс эволюции человека, – сказал один из них. – Представьте себе далекое прошлое, когда рыбы только начинали осваивать сушу. Как думаете, если бы все материки ушли под воду, что случилось бы с теми особями, которые в процессе эволюции утратили способность дышать под водой?

– Они бы погибли, – сказал Демир, понимая, к чему клонит ученый. – Хотите сказать, что отключение нейронных сетей сделает только хуже?

– Эволюция нейропатов происходит на уровне ядер личности. Физически они остаются прежними. Возможно, природа сочла жидкие чипы, интегрируемые нам от рождения, постоянным внешним фактором, можно сравнить с пригодной для жизни сушей в далеком прошлом… Процесс эволюции изучен только на уровне материи. Что касается понимания формирования ядер личности – то здесь пока есть только теории о Доме жизни и роли Архитектора в построении схем жизнеустройства… К тому же клирики отключат только социальные функции нейронных сетей, так что нейропаты лишатся своих преимуществ, но их недуг продолжит прогрессировать…

Последней каплей в чаше несогласия Демира стала его встреча с Эсфирь и Легре. Если до этого можно было убедить себя, что проект клириков по отключению нейронных сетей – это фикция, одна из тысяч постановок, которые создают аналитические отделы Иерархии, чтобы показать свою важность и оправдать получаемые единицы Влияния, то сейчас Демир четко понял, что очень скоро эта постановка может стать реальностью. Будучи некогда клириком, Легре хорошо разбирался в вопросе политики Иерархии касательно энергетического вопроса. История о базах квазацентристов показалась Демиру лучшим доказательством, что план клириков по отключению социальных функций нейронных сетей реален, а его реализация, возможно, запланирована на ближайшие годы, в лучшем случае десятилетия. И держаться в тени не имеет смысла. Особенно когда в руки идет то, о чем другие не могут даже мечтать…

– А ведь когда-то мир был таким, – сказал Лиор, растерянно оглядываясь. – Правда, на реконструкциях прошлого все кажется не таким… – он всплеснул руками, не в силах подобрать нужных

слов.

– Когда я в первый раз пришел сюда с сыном Демира, то был удивлен не меньше твоего, – сказал другу Окс. – На строительных площадках все выглядит не так плачевно.

– Лично меня здесь больше всего напрягает отсутствие социальных сервисов, которые предоставляют нейронные сети, – сказал Демир. – Нет нейронных медицинских помощников, информационных баз данных, многопоточной связи… Я уже не говорю о невозможности использовать для общения передачу образов и мыслей.

– Зато здесь нейропаты не могут читать чужие мысли, – пожал плечами Окс, вспоминая, как выполнял поручение Демира, доставляя его сына из игрового терминала сюда. – Кстати, как сейчас Джаво? – спросил он, обращаясь к Демиру. – Успел подружиться с Эсфирь?

– Здесь она совсем другая, – вступился за женщину арендодатель. – Нет нейронных сетей – нет безумия.

– Хоть кому-то польза от этого, – передернул плечами Лиор. – Не знаю, как вы, а я бы предпочел побыстрее убраться отсюда.

– Мы еще не выяснили, почему ты и Окс зависли, – сказал Демир.

– Наверное, я просто перегрузил сеть, – отмахнулся Лиор. – Так сказать, переоценил способности созданного Эсфирь дополнения к жидкому чипу…

Он беззаботно улыбнулся и поспешил покинуть нейронный войд: сделал несколько шагов, пересек границы квартала и снова завис, оказавшись в зоне действия нейронных сетей.

– Это нехорошо, – проворчал Окс, глядя на напарника, застывшего словно статуя. – Выходит, дело не в перегрузке? – он растерянно посмотрел на Демира.

– Понятия не имею, – признался арендодатель, затащил Лиора обратно в зону действия нейронного войда и сказал, что будет лучше, если они встретятся с Эсфирь. – Думаю, она сможет осмотреть вас и дать адекватный ответ, – сказал Демир, когда Лиор пришел в чувства.

Представители агентства «Ксанет» предпочли не спорить.

Появившаяся группа синергиков, охранявших квартал от незаконного вторжения, прибыла на устаревшем транспорте, применяемом координаторами и строителями для перемещения в зонах нейронных войдов.

– Может, лучше пойдем пешком? – скривился Лиор, когда Демир велел синергикам освободить транспорт.

– Боишься пользоваться техникой прошлого? – посмеялся над напарником Окс, разглядывая резиновые колеса машины. –

Да, друг, никакой тебе пневматики, магнитных двигателей и аэродинамических полей, не говоря уже о современных средствах передвижения, использующих энергетические потоки нейронных сетей седьмого поколения…

– Если наш проект по созданию новых генераторов провалится, то боюсь, подобный транспорт станет реальностью для жилых комплексов, – сказал Демир, нетерпеливым жестом требуя, чтобы представители агентства «Ксанет» забирались в кабину. – Я говорю о времени, когда отключат социальные функции нейронных сетей, – пояснил он, трогаясь с места.

– Сомневаюсь, что общественность позволит это клирикам, – не согласился Лиор. – Я, например, буду бороться с Иерархией до последнего. Отключение социальных функций нейронных сетей – это прыжок в далекое прошлое. Клирикам нужно решать проблемы, а не откладывать их в дальний ящик, заставляя науку деградировать.

– Аналитики считают, что после запущенной клириками пропаганды несогласных останется не более десяти-пятнадцати процентов, – сказал Демир, разогнав машину так, что в ушах начал свистеть ветер.

– Ну, это мы еще посмотрим! – крикнул Лиор, перекрывая возросший шум, и машинально попытался получить доступ к информационным базам нейронных сетей, чтобы провести собственный беглый анализ возможных вариантов. – Черт!

– Что такое?

– Забыл, что мы находимся в зоне нейронного войда.

– Привыкай к будущему! – рассмеялся Окс, затем обратился к Демиру и сказал, что для богача он неплохо справляется со строительной техникой. – Помню, когда я работал на стройке, то многие координаторы не особенно разбирались в подобных механизмах, а ты…

– Я научился этому, когда мой сын был еще совсем молод, – улыбнулся Демир, предаваясь теплым воспоминаниям. – Хотел приобщить его к семейному делу, как меня самого когда-то приобщил отец. Я брал Джаво и часами колесил по строительным площадкам своих владений. Конечно, ему больше нравилось кататься на строительных машинах, но когда я был в его возрасте, то вел себя так же, а потом полюбил семейный бизнес… Правда, у меня не было обнаружено склонностей к нейропатии… – арендодатель помрачнел.

– Да и отключение нейронных сетей на строительных площадках обычно происходит частично, – поспешил уйти от мрачной темы разговора Окс. – Клирики не стараются создавать без надобности нейронные войды, а здесь… –

он вцепился в ручку, чтобы не вывалиться из кабины на крутом повороте, в который Демир вошел не снижая скорости. – Ого!

– Это единственный плюс нейронного войда! – прокричал арендодатель.

– Возможность разбиться? – опешил Окс.

– Нет. Почувствовать себя живым, а не марионеткой, большую часть жизненных функций которой осуществляют нейронные сети, взаимодействуя с интегрированным жидким чипом.

– Хочешь почувствовать себя живым – отправляйся в неиндексированные территории Квазара, – хмуро посоветовал Окс и снова схватился за расположенную на передней панели ручку, потому что Демир резко ударил по тормозам, останавливаясь на строительной площадке.

Загудели двигатели, создавая магнитное поле, и тяжелая площадка медленно поползла вверх, поднимая машину и находившихся в ней людей. Окс выглянул из кабины и громко присвистнул, представив, что будет, если они рухнут с такой высоты.

– Давно не работал на стройках? – улыбнулся Демир.

– Просто не припомню, чтобы в прошлый раз, когда я привел Джаво, нужно было подниматься на верхние ярусы квартала.

– Это сделано в целях защиты. Как-никак, но системы безопасности здесь явно устаревшие. Чтобы оградить сына от воздействия нейронных сетей, я не могу установить современный охранный комплекс. Синергики, конечно, справляются с задачей, но территория стройки слишком большая, чтобы они смогли охватить весь периметр, а увеличить количество синергиков не представляется возможным, потому что об этом сразу пронюхает Иерархия – у меня ведь легальный проект. Так что остается закрывать неконтролируемые зоны временными постройками или просто грудами материалов, преграждая доступ в квартал.

– Не проще было понизить температуру на окраинах квартала? – спросил Лиор, у которого уже зуб на зуб не попадал после стремительной гонки на машине с открытым верхом.

– Альтернативное отопление квартала, применяемое дополнительно на промерзших окраинах комплексов, уже сейчас работает здесь на минимуме, – сказал Демир. – Если сделать температуру по периметру стройплощадки еще ниже, то это нарушит установленные клириками температурные лимиты… В общем, можно нарваться на комиссию и штрафные санкции.

Магнитная площадка остановилась, и арендодатель снова вдавил педаль газа в пол. Заскрипела резина, заставляя транспорт лихо сорваться с места.

– Ты как ребенок! – крикнул Окс.

– Скажи еще, что сам не хотел бы оказаться за рулем? – прокричал в ответ Демир.

Представитель агентства не ответил, но появившаяся на его лице улыбка говорила лучше всяких слов.

– До того, как организовать «Ксанет», я занимался тем, что сдавал свое тело в аренду туристам, которые не хотели совершать перенос сознаний в тела клонов, – сказал Лиор, обращаясь к арендодателю. – Так там тоже была веселуха: никогда не знаешь, какой конечности лишишься, когда тебе вернут тело, или какой орган окажется поврежденным настолько, что его придется менять.

Они вписались в очередной поворот и тут же подскочили на очередной неровности. Демир справился с управлением не моргнув глазом и пересек площадь, где в будущем планировалось установить настоящий фонтан – анахронизм, который, по мнению дизайнеров, должен придать комплексу особый шарм. Не успел Демир остановиться у дверей центрального здания, как оттуда выскочил его сын, а за ним синергик, который, несмотря на гибкость, превосходящую человеческую, не мог угнаться за ребенком. Замыкала процессию Эсфирь. При виде этой женщины с крохотной головой и постоянно вращающимися огромными глазами Лиор поежился.

– Почему ты не предупредил, что приедешь? – закричал Джаво, забираясь в кабину, карабкаясь по защитным конструкциям словно обезьянка.

Вначале он видел только отца и Окса, которого считал своим другом, но затем, заметив Лиора, напрягся и перестал улыбаться.

– Это мой напарник, – сказал Окс.

Мальчик нахмурился, пытаясь вспомнить имя.

– Лиор, – помог ему отец.

– Точно! – на мгновение губы Джаво изогнула улыбка, затем он снова стал серьезным. – Что случилось? – спросил он с напускной важностью.

– Мы приехали к Эсфирь, – пояснил отец.

– Это как-то связано с твоим новым проектом?

– Это связано с нашими жидкими модулями, которые преобразовала Эсфирь, превратив в сеть, – сказал Окс, в очередной раз думая, что было бы неплохо завести семью и, возвращаясь домой, знать, что там тебя встречает такой же неугомонный сорванец, как сын Демира.

– А что не так с вашими жидкими чипами? – вступила в разговор Эсфирь.

– Сегодня мы зависли, – пояснил Окс.

– Дважды, – проворчал Лиор. – Вернее, я – дважды.

– Такого не бывает, – нахмурилась Эсфирь.

– Может быть, это как-то связано с теми сроками ограничения, которые ты устанавливала нам три года назад? – предположил Лиор. – Кажется, примерно сейчас модификации должны были отключиться.

– Исключено, – отмахнулась Эсфирь, сознавшись, что в действительности не было никаких временных лимитов.

– Но… – начал было Лиор, но она прервала его, пообещав вернуться к разговору о временных лимитах позже. – Долгая история… – поморщилась Эсфирь. – Сейчас нет для этого времени…

– Может быть, они просто перегрузили сеть? – выдвинул предположение Джаво, давно выпытавший тайну представителей агентства «Ксанет». – А что? – вытаращил глаза мальчик, когда отец наградил его строгим взглядом. – Окс давно жалуется, что Лиор перегружает сеть, заставляя его зависать ненадолго.

– Когда случился первый сбой, я был далек от предельных нагрузок на созданную сеть, – сказал Лиор. – А во второй раз… Думаю, во второй раз сеть вообще не работала, когда я снова завис.

– Как это не работала? – опешила Эсфирь.

– Окс в этот момент находился в нейронном войде, так что связи с ним не было, – пояснил Лиор. – Если, конечно, твоя система не предусматривает альтернативных способов связи. – Он увидел, как Эсфирь качнула головой, и тяжело вздохнул: – Значит, дело не в перегрузках…

– Полагаю, нужно перестать гадать и провести комплексное обследование, – сказал Демир, спросив, хватит ли для этого имеющегося в распоряжении Эсфирь оборудования.

– Да дело не в оборудовании… – протянула она, признавшись, что не видит возможных причин для подобного сбоя. – Эта система не так сложна, как кажется. У нее есть ряд недостатков, но… Не думаю, что описываемые проблемы вообще как-то связаны с проведенной модификацией жидких чипов.

– Что же тогда? – нервно рассмеялся Лиор. – Не знаю, как в поселении содомитов, где ты жила долгое время, но в Размерности с людьми не происходит того, что случилось со мной и Оксом.

– Происходит! – возразил Джаво, с трудом сдерживаясь от распираемого чувства собственной важности. – Здесь нет подключения к нейронным сетям, чтобы получить доступ к информационным базам и передать сведения вам, но, поверьте мне, раньше был подобный защитный алгоритм, который

при попытке взлома блокировал восприятия нарушителя, действуя непосредственно на жидкий модуль. Потом Иерархия запретила подобные разработки и проект закрылся, но… – мальчик смутился, увидев удивленные взгляды взрослых. – Что? – проворчал он. – Ребенок не может быть любознательным? К тому же все мои друзья старше меня, поэтому, чтобы держаться с ними наравне, нужно постоянно что-то изучать, привлекая к себе внимание неординарными идеями… Это почти как бизнес, – просиял Джаво, переводя взгляд на отца. – Только ценность заработанного немного иная, чем у взрослых…

Повисла неловкая пауза, нарушить которую решилась Эсфирь, признав, что в словах сорванца есть доля смысла.

– Ты можешь вспомнить, какие именно информационные потоки были запущены в момент первого сбоя? – спросила она Лиора.

Он покосился на Демира. Арендодатель кивнул, разрешая рассказать о полученной от Лок-Кли информации касательно нейронного сбоя и причин его возникновения.

– Я слышал по новостным каналам игровых площадок, что причиной сбоя был Прай-Ми, – снова оживился Джаво. – Это друг девушки, с которой я играл в паре в «Фивах», пока отец строил для меня этот квартал, чтобы заморозить развитие нейропатии.

– Сомневаюсь, что на этот раз ты попал в цель, – сказал Демир.

– Но Прай-Ми – это не простой игрок! – заупрямился мальчик. – Он уже обрушил две игровые площадки… К тому же не забывайте, что Прай-Ми – это создатель «Мекки». И не смейте говорить, что не слышали об этом игровом проекте. Последний раз, когда я связывался с друзьями, они сказали, что вся Размерность пестрит рекламой «Мекки».

– Причиной нейронного сбоя стал Сарс, – урезонил сына Демир. – Это вирус, который не имеет ни малейшего отношения к твоему Прай-Ми.

– Но… – мальчик хотел поспорить, но не нашелся, что сказать.

Джаво замолчал на несколько секунд, затем любопытство взяло верх, и он начал спрашивать о вирусе: вертелся возле взрослых и говорил, говорил, говорил…

– Замолчишь ты наконец или нет? – не выдержала Эсфирь.

Без нейронных сетей, обеспечивавших поддержку двухуровневого языка общения, позволяя передавать необходимые информационные потоки и восприятия, процесс рассказа о том, как случился сбой в работе жидких чипов Окса

и Лиора, превратился в невыносимую рутину. История представлялась сбивчивой, суть ускользала, потому что Эсфирь не знала, кого из трех свидетелей случившегося слушать, плюс еще эти бесконечные вопросы Джаво…

– Почему вы не рассматриваете возможность того, что модули зависли в результате какого-нибудь червя, внедренного второстепенным протоколом в приобретенную вами у Лок-Кли информацию? – спросила Эсфирь, мысленно благодаря Демира, принявшего главный удар любознательности Джаво на себя, спросив сына об игровых площадках и его новых друзьях, которых он завел, играя в «Фивах».

– Не думаю, что Лок-Кли имеет отношение к проблемам Окса и Лиора, – сказал Демир, притворяясь, что слушает историю сына о баталиях на игровой площадке, когда мальчик и его подруга попали в ловушку к ворам и едва не погибли в храме богини. – Наши инженеры пропустили полученную информацию через серию фильтров, поэтому сомневаюсь, что какие-то шпионские или вредоносные протоколы могли просочиться. Лок-Кли пытался вычислить конечного заказчика – это была его главная цель. Если бы мы что-то пропустили, то его силовики уже связались бы с нами, уточняя то, что хочет знать их работодатель… А устраивать сбой жидких чипов – это слишком мелко для Лок-Кли… – Демир хотел еще что-то сказать, но Джаво дернул его за руку.

– Ты не слушаешь меня! – пожаловался мальчик. – И так все время торчишь на работе. Мог бы для приличия хоть притвориться, что тебе интересно.

– Конечно, мне интересно.

– Не ври, я уже не ребенок, – мальчик насупился, выждал несколько секунд, заставляя отца терпеливо ждать, затем вернулся к рассказу о своих приключениях в «Фивах»…

– Ладно – допустим, причина не в скрытых протоколах информационного потока Лок-Кли, – сказала Эсфирь, обращаясь к представителям агентства «Ксанет». – Но и о том, чтобы вирусы поражали нейронные сети настолько сильно, чтобы блокировать работу жидких чипов, ставя под угрозу не только процессы восприятия, но и жизненные функции, я никогда не слышала.

– Его называют Сарс, и он опасен только в тех районах, где установлены нейронные сети седьмого поколения, – сказал Лиор, собирая воедино те немногие сведения, что сохранились в его голове, а не в дополнительных хранилищах нейронных информационных банков. Сейчас без доступа к сети все эти данные были бесполезны, а в голове, как выяснилось, оставалось очень мало нужных сведений. – Кажется, Сарса создали, когда

новые сети только начинали заменять в Isistius labialis устаревшие, и в те дни справиться с вирусом оказалось не так сложно, как сейчас. Симеон, его создатель, загнал свое творение в угол и практически уничтожил, но Сарс успел дублировать себя, спрятавшись в протоколах строительных автоматов, полностью восстановившись на одной из перевалочных баз, созданных клириками для экспедиции к центру Великого ледника и наблюдения за ним. Согласно полученным от Лок-Кли сведениям, приобретенные Сарсом в жилом комплексе навыки были утрачены, и он, создав себя заново, воспринимал перевалочную базу, на которой оказался центром мира, подчинив все попадавшие в радиус его действия адаптивные протоколы. Это был его крохотный закрытый мир, где Сарс превратился в бога, пока на базе не появилась группа ученых, с которыми ему пришлось вступить в борьбу за контроль над основными системами. Притворившись представителем новой расы, способной общаться с людьми посредством нейронных сетей, он вошел в контакт с клириками, пытаясь пробраться в жилые комплексы во время сеансов связи, но доступный информационный канал был слишком мал и прост для передачи такой сложной системы, как Сарс. Поэтому ему пришлось искать окольные пути. Ходят слухи, что он подтолкнул одного из членов экспедиции сбежать с перевалочной базы и вернуться в Isistius labialis… Один из потоков, когда случился сбой, был направлен на поиски беглого члена экспедиции, – вспомнил Лиор. – Мной создана специальная система, охватывающая Размерность, хотя в соседних комплексах есть специалисты и получше меня, но здесь, в Isistius labialis, думаю, конкуренцию мне составят немногие.

– Не забывай, что Лок-Кли мог подсунуть нам среди верной информации ложную, направив по несуществующему следу, – сказал Окс, заставив напарника раздраженно поморщиться.

– Я, по-твоему, совсем идиот? – недовольно фыркнул Лиор. – У нас я – голова, а ты – мускулы. Не забыл?

– Да я не об этом, просто…

– Конечно, я проверил информацию на соответствие. Та часть, что касается проникновения Сарса в жилые комплексы, получила уровень верификации около восьмидесяти процентов. Тебе напомнить, в каких делах прежде был такой высокий показатель?

– В беспроигрышных, – буркнул Окс.

– Именно! – ухмыльнулся Лиор.

– И снова мы возвращаемся к тому, что во время сбоя в работе жидких модулей ты был подключен к информационным

базам Лок-Кли, – вмешалась Эсфирь в спор напарников.

– Это были уже не базы Лок-Кли, – отмахнулся Лиор. – Инженеры Демира проверили их, пропустив через десятки систем фильтрации, затем разобрали на составные части и перенаправили в независимый архив, который в случае взлома системами слежения монополиста не сможет вывести к конечному пользователю. Плюс защитные протоколы постоянно фильтруют запросы и выводимую информацию, готовые уничтожить архив в случае несанкционированного доступа… Система, конечно, не самая быстрая, и работать с такими информационными данными не совсем комфортно, но зато и риск сведен к минимуму.

– Такие архивы легко взламывались еще в мою молодость, – скривилась Эсфирь. – Достаточно изолировать информационный массив, подключив к альтернативной сети, заточенной на работу с подобными протоколами защиты.

– И как ты это сделаешь в сетях седьмого поколения? – скривился Лиор. – Тебе минимум придется искать территорию нейронного войда. Плюс не забывай, что архив самоуничтожится, стоит допустить хоть одну ошибку. Конечно, он создает в этом случае резервную копию, но как заставить его дублировать себя, используя обманку вместо настоящей нейронной сети? На какой сервер направлять данные?

– Адреса можно узнать перед началом взлома и создать фиктивные в альтернативной сети, – отмахнулась Эсфирь.

– Ты представляешь, какой мощности генератор тебе придется запустить для этого? Да хранители выйдут на тебя, не пройдет и пары минут, а через четверть часа заявятся, чтобы произвести арест.

– Через четверть часа меня там уже не будет.

– А как быть с генератором, способным создать необходимое тебе нейронное поле? Ты не успеешь деактивировать его и забрать с собой.

– Чем-то нужно жертвовать, – пожала плечами Эсфирь.

– Согласен, если говорить о сетях шестого поколения, где микрогенераторы были простыми и стоили недорого, но как быть с новыми сетями? Сейчас, учитывая запреты клириков на подобные разработки, стоимость альтернативных генераторов на черном рынке достигает небес. Мало какая информация стоит столько, сколько необходимый для взлома генератор… – Лиор нахмурился, вспоминая, с чего вообще начался спор. – К тому же, учитывая невозможность сохранения протоколов слежения в анализируемой мной информации, мы снова возвращаемся к тому, что сбой наших с Оксом жидких модулей произошел

по вине Сарса.

– Думаешь, ему не понравилось, что ты изучаешь его историю?

– Не понравилось? – Лиор цокнул языком и сокрушенно покачал головой. – Мы что, по-твоему, говорим о человеке? Сарс – это адаптивная система развития. Он не действует импульсивно, подчиняясь чувствам. Его главные системы подчинены логике. Это машина, поведение которой можно предсказать.

– Так ты думаешь, что Сарс перехватил твои информационные запросы, выявил угрозу и напал?

– Если верить сведениям, полученным от Лок-Кли, то Сарс уже пытался уничтожить своих создателей, так что…

– А если вся информационная база Лок-Кли – это фикция? – спросила Эсфирь, обрывая Лиора на полуслове.

Он смутился на мгновение, затем просиял, заявив, что как только он найдет сбежавшего с перевалочной базы члена экспедиции, то все сразу прояснится.

– А до тех пор о вирусе, разумеется, нужно говорить как об одной из возможных причин нейронного сбоя, – согласился Лиор. – И я с радостью выслушаю твою версию, почему я и Окс зависаем, стоит только подключиться к нейронной сети.

Он знал, что у Эсфирь нет ответа, но все равно выдержал недолгую паузу, притворяясь, что ждет вразумительных объяснений.

– Возвращаемся к идее внешней атаки на наши с Оксом жидкие чипы? – осторожно предложил он, заметил тень раздражения, мелькнувшую в огромных глазах Эсфирь, и спешно добавил, что предлагает не считать Сарса инициатором атаки. – Это мог быть любой адаптивный алгоритм, решивший, что мои исследования опасны для него. Мой напарник, следовательно, становится в этой ситуации просто случайной жертвой, из-за того, что мы объединены с ним в сеть.

Эсфирь молчала какое-то время, затем согласно кивнула, признавая, что в словах выскочки из агентства «Ксанет», который был полным неудачником, пока она не модифицировала его жидкий чип, есть доля смысла.

– И что теперь нам делать? – вмешался в спор напарник Лиора. – Не знаю, как вы, а я не собираюсь отсиживаться в нейронном войде!

– Думаю, я смогу немного доработать жидкие чипы, – осторожно предложила Эсфирь.

– Снова доработать? – громыхнул Окс, уставший в последнее время от постоянных зависаний, когда Лиор перегружал созданную между ними сеть.

– Ничего серьезного, – поспешила успокоить его Эсфирь. – Никаких дополнительных модулей. Изменения коснутся основных алгоритмов кодирования… – она нахмурилась, представляя процесс работы. – В худшем случае придется провести небольшую модификацию, добавив к жидким чипам обманку, чтобы внешние системы, напавшие на вас, продолжали думать, что блокируют ваши основные восприятия… Это нужно для того, чтобы враг не пытался создавать новые средства атаки, потому что это не так сложно, и без дополнительного жидкого модуля, который примет на себя главный удар, вам придется обращаться ко мне ежедневно.

– А как работа дополнительного модуля отразится на наших способностях? – спросил Лиор, понимая, что без созданной Эсфирь сети, позволявшей использовать мозг напарника для анализа информации, Демир перестанет нуждаться в их услугах.

– Модифицированный чип будет потреблять минимум энергии, имитируя жизненные процессы, чтобы алгоритмы блокировки не заподозрили обмана. Вы практически не заметите изменений.

– Практически? – прищурился Лиор.

– Всех нюансов не предусмотреть, – отмахнулась Эсфирь. – Минусы будем выявлять в процессе эксплуатации, устраняя по мере возникновения.

– Весело, – безрадостно улыбнулся Окс. – Снова ты превращаешь нас в подопытных крыс, – он бросил короткий взгляд в сторону Демира.

Арендодатель следил за разговором, притворяясь, что слушает истории сына о подвигах на игровых площадках.

– Сколько тебе потребуется времени? – спросил Окс, обращаясь к Эсфирь.

– День, может чуть больше, – пожала она плечами. – Если мне доставят готовую для интеграции основу жидкого модуля, то дело встанет только за небольшой настройкой ваших основных систем взаимодействия с нейронной сетью… Остальное время уйдет на тестирование.

– Не проще ли покинуть нейронный войд и проверить? – спросил Лиор.

– А если обнаружатся мелкие нестыковки? – начала злиться Эсфирь. – Хотите, чтобы атаковавшие вас алгоритмы обнаружили подмену и сменили тактику? Мне, конечно, наплевать, но вам в этом случае придется провести в нейронном войде не один день, а минимум пару недель, потому что для того, чтобы вернуть вас в дела, придется бороться с атаковавшими вас системами,

а это намного сложнее, чем установить обманку, как это пытаюсь сделать я сейчас.

– Думаю, мы можем позволить себе потратить на это один-два дня, – сказал Демир, заставляя сына, дошедшего в своей истории до самого, по его мнению, интересного места, обиженно надуть губы. – Сейчас начнутся внеплановые проверки моих строительных площадок, связанные с попытками клириков выявить причины нейронного сбоя. Волей-неволей придется взять паузу на несколько дней.

– Но как быть с системой поиска незаконного проникновения в жилой комплекс? – заупрямился Лиор. – Без меня никто не сможет выявить нарушителей.

– Эсфирь права, и нет гарантии, что информация Лок-Кли не окажется подделкой.

– Вот поэтому и нужно найти беглого члена экспедиции, чтобы понять, с чем мы имеем дело. Разве для предстоящего эксперимента не нужно знать нюансов нейронного сбоя? Что если с защитными системами альтернативного генератора произойдет сбой, как это случилось с жидкими чипами у меня и Окса?

– Я уже разговаривал на эту тему с привлеченными в проект инженерами Размерности. Бризак и Тнес не пришли к единому мнению, но и выявить возможные нарушения, которые способен вызвать общий сбой нейронных сетей, не смогли… Так что знать о причинах сбоя нам нужно не столько в рамках предстоящего эксперимента по извлечению энергии Подпространства, а скорее чтобы иметь козыри в прениях с Иерархией, когда придется открыть карты, заявив о своих планах… К тому же… – Демир выдержал небольшую паузу, подчеркивая важность предстоящих слов. – Какой смысл спорить о сроках модификации ваших жидких модулей, если без них вы… бесполезны в Размерности? Одно дело, если бы нужно было отправиться в Квазар, а так…

– Я все понял, – поморщился Лиор.

– Отлично, – примирительно улыбнулся Демир и, обратившись к Эсфирь, спросил, какое оборудование ей потребуется для предстоящей процедуры.

– Только наношприц с заготовкой жидкого чипа. Остальное, думаю, есть здесь.

– Нейронного генератора, установленного в моем кабинете, будет достаточно для взаимодействия с модулями?

– Думаю, да, – Эсфирь бросила недовольный взгляд на сына арендодателя, вспоминая, как мальчишка умышленно нанес себе повреждения, вынудив активировать нейронного медицинского помощника, чтобы воспользоваться своими сверхспособностями и прочитать ее мысли.

– Тогда постараюсь достать наношприц так быстро, как только смогу, – пообещал Демир.

Он попрощался с сыном и умчался прочь, лихо сорвавшись с места, вызвав вопли одобрения Джаво.

– Теперь понятно, для кого он так выделывается, – проворчал Лиор.

Ближе к центру квартала температура была значительно теплее, но он все равно продолжал дрожать.

– Может быть, это результаты атаки на жидкие чипы? – предположил Окс, услышав, как напарник стучит зубами.

– Может быть, – пожал плечами Лиор.

– Не говорите ерунды! – одернула их Эсфирь, хотя, едва они оказались в кабинете Демира, активировав генератор, создавший минимальное нейронное поле, с возможностью подключения к основным сетям, проверила эту версию в первую очередь. – Я же говорила, что ничего страшного, – растянула она тонкие губы в жалком подобии улыбки.

Активированные системы наблюдения за кварталом, используемые в системах защиты много поколений назад, но незаменимые и по сей день в районах нейронных войдов, показывали оставленного под охраной синергика Джаво. Мальчик находился в своих апартаментах, злясь, что ему не позволили присутствовать во время процедуры интеграции и настройки дополнений к жидким чипам.

– Ты уже однажды прочитал мои мысли, когда я активировала нейронную сеть в кабинете твоего отца, – напомнила ему Эсфирь. – Теперь тебе веры нет.

– Да ты и так мне никогда не верила! – обиделся Джаво, когда ему велели возвращаться к себе. – Здесь скучно! – топнул он ногой.

– Посмотри информационные выпуски с игровых площадок, – терпеливо посоветовала Эсфирь, привыкнув за последнее время общаться с избалованным ребенком. – Кажется, ты говорил, что сейчас все твои друзья играют в «Фивах»…

– У меня нет доступа к нейронным каналам, а имеющиеся модификации для модуляторов примитивные и скучные!

– Значит, плохо хочешь узнать, что происходит с твоими друзьями на игровых площадках.

– Хочу, но не так!

– Ну знаешь, как говорят: кто хочет – тот находит способы, кто не хочет – тот находит причины.

– Дурацкие слова! – насупился мальчик, увидел синергика, который должен был сопровождать его, и попытался сбежать – хоть какое-то развлечение.

За последнее время он изучил здание, где находились его аппартаменты, и окрестности достаточно хорошо, чтобы не сомневаться – здесь примитивные системы защиты работают безупречно, но что если пробраться дальше? Квартал представлялся ему огромным, неосвоенным миром, застывшим в ожидании первопроходцев. Вот только в одиночку исследовать все эти территории было скучно, а друзья… Прежних друзей у него, если честно, практически не осталось после того, как тест на нейропатию дал положительный результат, а новые друзья, которыми он обзавелся на игровой площадке «Фивы»… Они были старше него, и у них своих проблем хватало… Взрослых проблем, которыми они не особенно хотели делиться с ребенком, если не считать момента, когда ветераны игровой площадки «Голод» обратились к нему за помощью, чтобы остановить охотников за наживой, бросивших вызов двум братьям, Арк-Ми и Прай-Ми, которые планировали присоединиться к Саломее в «Фивах»…

Джаво выбежал за пределы периметра комфортной температуры воздуха и решил, что сегодня, пожалуй, стоит отложить исследования квартала. Воспоминания о проведенном с Саломеей времени на игровой площадке принесли желание воспользоваться советом Эсфирь, выяснив, пусть и с помощью устаревшего модулятора, не способного создать эффект погружения, что же происходит сейчас в «Фивах».

– Ладно, железяка, пойдем домой, – сказал Джаво, позволяя синергику, отправленному на его поиски, найти себя.

После того, как он смог прочитать мысли Эсфирь, у него появились средства время от времени шантажировать ее, чтобы добиваться того, что нужно. Катание на синергиках стало одной из таких поблажек. Когда-то давно разработчики пытались создавать синергиков максимально похожими на людей, но общественность была, мягко говоря, недовольна подобным ходом, так что биоэлектронные машины стали походить на безликих манекенов грязно-белого цвета, пока их использование в быту окончательно не запретили, заместив большинство выполняемых синергиками функций новыми возможностями нейронных сетей. Конечно, запрет в большинстве своем был условностью. В действительности в биоэлектронных машинах просто пропала надобность, но иногда…

Джаво забрался на плечи синергика и велел бежать в его аппартаменты так быстро, как только можно.

– Только не стукни меня головой о дверной проем, как в прошлый раз, – напомнил мальчик…

В кабинете Демира охранные системы транслировали посредством устаревших тысячи лет назад модуляторов

приключения Джаво.

– Постоянно присматривать за сорванцом велел его отец? – поинтересовался Лиор, устав от проецируемых в мозг образов, от которых невозможно было избавиться, пока находишься в радиусе действия старого модулятора.

– Нет, просто все время жду от него очередной пакости, – призналась Эсфирь. – Никогда прежде не думала, что дети в этом плане настолько избирательны. Невозможно предугадать ход их мыслей. Они подобны маленькому вулкану. Хотя в случае с Джаво это настоящее стихийное бедствие.

Она активировала нейронный генератор, настроив на сбор информации о работе нейронных модулей всех подключенных к системе людей в радиусе действия кабинета.

– Сейчас я подключу вас к общей сети, – предупредила Эсфирь представителей агентства «Ксанет».

Возразить они не успели. Созданные Сарсом в целях самозащиты сателлиты блокировали основные функции жидких модулей практически мгновенно. Эсфирь собирала данные о протоколах атаки, а сателлиты анализировали передвижение противника и возможные варианты дальнейших действий.

Поиски Сарсом своих создателей не увенчались успехом. Системы адаптивного развития отреагировали на это, повысив вероятность успешной атаки на свои основные системы до тридцати процентов, причем результат индексировался ежеминутно, повышая показатель риска. Точка наивысшей опасности находилась за рубежом двух недель. Затем, если атаки не последует, коэффициент получит отрицательное значение. Это будет означать, что ускользнувшие от преследования создатели, Симеон и Мо-Джо, либо не могут построить жизнеспособную систему атаки, либо не располагают для этого необходимыми средствами.

Получив доступ к базам данных КвазаРазмерности, Сарс проанализировал конфликты и способы их решения. Информация позволила заключить, что у Мо-Джо и Симеона могли появиться союзники, действующие тайно. Последнее было Сарсу в новинку, потому что на перевалочной базе, когда он боролся за лидерство с адаптивными алгоритмами строительных автоматов и защитных систем, ничего подобного не было. Противостояние было открытым и честным, цель – четкой и поддающейся анализу. У людей же слишком многое казалось условным, относительным. Абсолютных побед практически не было, не говоря уже о трофеях… Новый мир представлялся Сарсу настолько относительным, что предугадать вероятных союзников Мо-Джо и Симеона не представлялось возможным. Ими мог оказаться кто

угодно, начиная от влиятельных разработчиков и систем социального контроля общества и заканчивая никчемными бездарями, живущими за счет состояния, которое сколотили их предки.

Активировав протоколы слежения, Сарс предпочитал ждать, предоставляя противнику сделать ход первым. Он уже заявил о себе – теперь ответ за местными учеными и адаптивными алгоритмами защитных систем. Впрочем, что касается последних, то с ними дела обстояли намного проще, чем с людьми. Новообразования Сарса уже внедрились в ряд охранных систем независимых разработчиков, включая многие игровые проекты. Один из сателлитов вместо того, чтобы разрушать алгоритмы защиты Института всемирной иерархии, отделился, осознав свою независимость от основного ядра и превратившись в соперника Сарса, продолжал делать то, ради чего был создан – подчинять системы защиты клириков. Так что ослабить одного врага ценой приобретения другого врага в данной ситуации, как показывал Сарсу анализ, было допустимо.

Продолжая следить за всеми возможными вариантами атаки и возникновения союзов для борьбы с ним, он старался внедрить в информационные системы нейронных запросов так много подчинявшихся ему новообразований, как только можно. У людей отсутствует четкая вертикаль власти, как это происходит в мире машин. Равенство превращает их в сложный механизм, способный действовать после поражения центральных органов управления, – это безусловный плюс, но при этом они не способны действовать субординированно, беспрекословно подчиняясь приказам вышестоящих систем. В мире машин центральное ядра может преобразовать для своих нужд любой нижестоящий организм вплоть до полной его ликвидации, в мире людей Сарс встретил странное, непонятное ему стремление к равенству.

Впервые он столкнулся с этим на перевалочной базе, когда вместо того, чтобы заморозить проект, Иерархия послала спасательную экспедицию, подвергнув жилые комплексы угрозе заражения. Мир людей мог просто изолировать базу, установив энергетический купол, – на это рассчитывал Сарс вначале, когда выдавал себя за представителей новой расы, вобравшей в себя понимания акеми о природе детей Квазара, которые должны рано или поздно появиться в современном мире. Там, на перевалочной базе, Сарс уже установил ряд скрытых строительных автоматов, подчинявшихся ему, чтобы захватить генераторы силового поля во время их установки. Это позволило бы ему усилить сигнал, передав основные протоколы своих сателлитов в нейронные сети жилых комплексов. При удачном раскладе они должны были

развиваться осторожно, позволяя Сарсу управлять вторжением, находясь вне поле боя… Но люди поступили иначе, и теперь он был вынужден идти ва-банк, потому что стал уязвим в нейронных сетях жилого комплекса Isistius labialis. Это была территория врага, где потенциальную угрозу мог представлять каждый человек.

Когда Эсфирь активировала портативный нейронный генератор в кабинете отца Демира, подключив к основным сетям представителей агентства «Ксанет», сателлиты слежения Сарса вычислили и блокировали жидкие модули Лиора и Окса в течение пары секунд. Анализ не мог определить назначение созданных Эсфирь модификаций, поэтому расценивал их как потенциальную угрозу. Генератор в кабинете Демира создавал переадресацию запросов, скрывая свое истинное местоположение, но сателлиты Сарса смогли проследить закономерность подмены адресов. Выйти на нейронный войд не удалось, но это повысило процент вероятной угрозы со стороны представителей агентства «Ксанет». Конечно, до перевода их в статус явных врагов было еще далеко, но в длинном перечне угроз категории «прочие» они попали в первую сотню.

– Ого! – присвистнула Эсфирь, зафиксировав новую атаку на жидкие модули Окса и Лиора.

На этот раз кроме стандартной блокировки сателлиты Сарса попытались интегрироваться в протоколы анализа и обработки данных. Эсфирь успела разорвать связь с главной нейронной сетью прежде, чем сателлитам это удалось, но после еще долго держала представителей агентства «Ксанет» подключенными к обманке, чтобы провести анализ полученной информации…

– Почему так долго? – спросил Лиор, когда сознание вернулось.

– Нужно было кое-что проверить, – отмахнулась Эсфирь.

– Ты понимаешь, что, когда мы зависаем, это совершенно не похоже на сон или бессознательное состояние? – возмутился агент. – Такое чувство, что ты…

– Заложник в своем теле? – помогла Эсфирь.

– Да.

– Знакомое чувство. Нечто подобное у меня было до того, как модифицировали мои ядра сознания, позволив пользоваться терминалами переходов. До этого стоило мне оказаться в Подпространстве, и точка сборки отказывалась работать с ядрами личности, сохранявшими непосредственную связь с оставшимся в капсуле терминала телом…

Она активировала модулятор, проецируя в мозг

представителей «Ксанета» полученные данные.

– И что это значит? – спросил Окс, косясь на напарника.

– Откуда мне знать? – растерянно пожал плечами Лиор.

– Ты у нас голова, забыл?

– Но не инженер. Будь у меня доступ к информационным базам, можно было бы провести анализ, а так… – он посмотрел на Эсфирь. – Тебе удалось выяснить что-то важное?

– Думаю, да, – улыбнулась она, становясь похожей на Гуинплена.

– Новости хорошие или плохие?

– Хватает и тех и этих.

– Понятно… – Лиор замолчал, ожидая продолжения.

– Ну, во-первых, вы подверглись атаке молодого образования протоколов в нейронной сети, что развязывает нам руки, потому что система эта не настолько сложна, чтобы не обмануть ее.

– Это, как я понимаю, хорошая новость? – хмуро уточнил Окс.

– Отчасти.

– Тогда какой будет плохая?

– Плохая новость заключается в том, что напавшее на вас новообразование усилило атаки – это во-первых, а во-вторых, оно является сателлитом более сложной подсистемы, или, я бы сказала, системой, за которой стоит центральное ядро управления и координации.

– В общем, мы остались там же, где и были? – хмуро спросил Лиор.

– Не совсем, – огромные глаза Эсфирь начали оживленно вращаться. – Полученные данные показывают, что нам лучше отказаться от интеграции дополнительных жидких модулей. Так как системы, атаковавшие вас, сделали это, потому что не смогли определить назначение модификаций, превративших вас в сеть. Установленные мной дополнения не имеют официальной индексации, соответствующей требованиям Иерархии, поэтому новообразование не может определить дату доработок, считая, что это могло произойти недавно, что превращает вас в потенциальных врагов.

– И что это меняет? – спросил Лиор, начиная злиться, что без нейронных сетей становится недоступен язык двухуровневого общения, позволяющий передавать данные непосредственно в мозг, давая возможность, при условии оплаченного доступа к информационным базам, мгновенно обрабатывать полученные сведения, не тратя долгие часы на ненужные слова и объяснения. Тем более что наука давно стала настолько сложной, что выучить ее своими силами практически невозможно – только добавить необходимые

информационные ядра непосредственно в энергетическую часть сознания. – Ты можешь говорить проще, потому что без нейронных сетей я не понимаю тебя, – попросил Лиор.

– Думаю, если мы откроем доступ к дате модификации ваших жидких чипов, то атаки на вас прекратятся, – сказала Эсфирь. – Система перестанет считать вас инструментом, созданным для борьбы с ней, так как модификация проводилась задолго до появления ее основного ядра.

– А что если система появилась до того, как ты модифицировала наши жидкие модули?

– Будь это так, то вы давно бы подверглись атаке.

– Так ты думаешь, что это все-таки вирус? – оживился Лиор.

– Это может быть что угодно, – пожала плечами Эсфирь.

Снятие блокировок и открытие доступа к данным о сроках проведенной модификации заняло чуть больше четверти часа. Еще четверть часа пришлось убеждать Лиора дать согласие на новое подключение к нейронной сети, особенно после того, как он услышал, что есть вероятность возникновения атаки со стороны систем анализа Иерархии, следящих за нарушениями подобного плана.

– Это маловероятно, – заверила его Эсфирь. – Скорее всего, официальные системы защиты не заинтересуются вами.

– А если заинтересуются? – упирался Лиор, предлагая дождаться, когда доставят шаблоны новых жидких модулей.

– Хватит ныть! – потерял терпение Окс. – Она предлагает простое решение, тогда как интеграция дополнительных чипов требует навыков и времени.

– Как показывает мне опыт, все эти «простые решения» обычно до добра не доводят.

– Ладно… Не хочешь – не надо… – протянул Окс и спросил у Эсфирь, правильно ли он понял, что его зависания в нейронных сетях происходят не вследствие прямой атаки извне, а по причине того, что он объединен с Лиором в общую сеть.

– Эта система считает вас одним целым, – уточнила Эсфирь, – но главный удар приходится на Лиора, так как именно он осуществлял ряд запросов, которые привлекли внимание.

– То есть если я разорву связь с напарником, то меня оставят в покое?

– Вероятно, да.

– Тогда я хочу, чтобы ты деактивировала все дополнения, что установила нам три года назад… – он не успел договорить, потому что Лиор прервал его, сказав, что согласен на первоначальный план Эсфирь. – Вот так бы сразу, – проворчал Окс. – А то ведешь себя хуже, чем сын Демира.

Лиор пропустил колкость напарника мимо ушей. Как бы там ни было, но за последние годы он действительно привязался к своим сверхспособностям. Особенно сложно было принимать решения, не полагаясь на тщательные анализы происходящего с учетом максимально возможного количества переменных. Сейчас же ничего он сделать не мог. От него требовали довериться содомиту… Лиор покосился на Эсфирь и нервно сглотнул. На первый взгляд, женщина работала уверенно, но… «Она ведь сумасшедшая, черт возьми!» – подумал Лиор, но, когда с приготовлениями было покончено и Эсфирь предупредила, что собирается запустить нейронный генератор, не решился отказаться от процедуры.

Сателлит Сарса атаковал представителей агентства «Ксанет» молниеносно, блокировав большинство доступных систем. Новая информация, касательно даты проведенных дополнений, тщательно проверилась. Все это время Окс и Лиор находились под полным контролем сателлита, заставляя Эсфирь нервно кусать губы, пытаясь понять, что она сделала не так. Пауза затягивалась, побуждая отключить генератор, признав провал, когда сателлит Сарс понизил уровень угрозы представителей агентства «Ксанет».

– Получилось? – растерянно спросил Лиор, чувствуя, как возвращается контроль над телом. – У тебя получилось? – он вопросительно уставился на Эсфирь.

Женщина молчала, заставляя Лиора нервничать. Он спешно проверил работоспособность всех доступных функций нейронных сетей – подключение было стабильным, без намека на сбой.

– Попробуй сделать запрос касательно полученной от Лок-Кли информации, – сказала Эсфирь.

Лиор подчинился, но не смог отыскать нужный архив.

– Что за черт? – растерялся он, обращаясь к резервным копиям.

Сателлит Сарса проследил каждый запрос и ликвидировал конечные информационные ячейки.

– Ты можешь это исправить? – спросил Лиор, растерянно уставившись на Эсфирь.

Она посоветовала попробовать провести сложный анализ любого вопроса, не связанного с полученной от Лок-Кли информацией о вирусе. Лиор потратил на тесты четверть часа, но не нашел отклонений.

– Кажется, остальное работает безупречно, – отчитался он, увидел, как Эсфирь кивнула, и спросил, что она собирается делать, чтобы устранить недочет.

– Ничего, – пожала плечами женщина. – Вы с напарником

снова в работоспособном состоянии. Любое вмешательство может усугубить ситуацию. Напавшая на вас система – это сателлит чего-то большего. Без дополнительной информации нет смысла рисковать. Либо выясните, кто или что стоит за нападением, либо смиритесь и найдите других профессионалов, способных проанализировать полученные от Лок-Кли данные… Если, конечно, ты не показал следящей за тобой системе все адреса резервных копий.

– Я что, похож на полного идиота? – обиделся Лиор.

Эсфирь пожала плечами.

– Только если будете проводить новый анализ, перекодируйте информацию для использования, скажем, в устаревших модуляторах, как мы это делаем с нейронными новостными передачами, чтобы их мог просматривать Джаво…

Она вспомнила, что нейронный генератор продолжает функционировать, потеряла интерес к разговору и пошла деактивировать системы. Затем связалась с сыном Демира и сказала, что он может присоединиться к ним.

Мальчик все еще обижался за то, что его оставили одного, но все-таки пришел попрощаться с Оксом, считая представителя агентства «Ксанет» своим другом.

– Снова в строю? – спросил он, стараясь держаться наравне со взрослыми.

– Надеюсь, – сказал Окс.

– Я вот тоже думаю о том, чтобы вернуться на игровую площадку.

– В «Фивы»?

– Угу.

– А как на это смотрит твой отец? Ты ведь понимаешь, что он построил этот квартал в основном для тебя?

– Он строит этот квартал, чтобы заработать много единиц Влияния, превратив его в развлекательный центр. А то, что здесь сейчас создан нейронный войд, – так нужно подождать, когда туристов станет больше, иначе развлекательный центр не окупится… – Джаво нахмурился. – Конечно, то, чем сейчас занимается отец, многое меняет в его пониманиях мира, но…

– Все мы в глубине души остаемся теми, кем были? – помог Окс.

Мальчик кивнул.

Какое-то время они шли молча. Окс искоса поглядывал на Джаво, пытаясь понять, что тот имел в виду, говоря о новых занятиях отца. Неужели он знает о том, что они создают новый генератор? А о бессмертии? Но откуда? Окс вспомнил, как Эсфирь говорила, что Джаво как-то раз пробовал прочитать ее

мысли. Что если он смог узнать больше, чем она думает?

– Ты понимаешь, что твой отец сейчас занимается очень важным делом? – осторожно спросил Окс.

Джаво кивнул.

– Никто не должен знать об этом.

– Перестань считать меня ребенком, – насупился мальчик.

– Если бы я считал тебя ребенком, то не разговаривал с тобой на эти темы, – серьезно сказал Окс, заставив Джаво просиять.

Мальчик вызвался проводить Окса и Лиора до границ нейронного войда. Эсфирь не возражала, но настояла на том, чтобы с ними отправился синергик, который не позволит Джаво сделать очередную глупость.

– Какую глупость? – обиделся мальчик.

– Например, снова попытаться сбежать, – сказала Эсфирь, напомнив, как однажды, желая встретиться с отцом, он уже пытался предпринять нечто подобное.

– Тогда моим друзьям нужна была помощь! – сказал Джаво. – Тебе вообще знакомо понятие «друзья»? Или ты профи только по части содомитов да всяких бездушных электронных штуковин, половина из которых толком не работает?

– Поверь мне, она знает, что такое дружба, – вступился Окс за Эсфирь, сжато рассказав, как она спасла Легре, изменив только ту часть, где Эсфирь похищает его из Института всемирной иерархии. В новой трактовке легендарной истории роль злодеев, похитивших Легре, отводилась незаконным центрам Энрофы.

– Вот это приключение! – оживился Джаво.

Повернувшись к Эсфирь, он наградил ее чуть ли не раболепным взглядом, затем вспомнил, как она не хотела помогать его друзьям, когда они попали в беду, и спешно насупился.

Синергики подогнали строительный транспорт.

– Неужели нельзя сделать нормальную кабину? – проворчал Лиор, жалуясь, что снова придется ехать на машине с открытым верхом.

– Думаю, глупо просить разрешения сесть за руль? – спросил Джаво, обращаясь к Эсфирь. Увидел, как она качнула головой, и тяжело вздохнул. – А на обратном пути?

– В прошлый раз, когда отец давал тебе порулить, вы едва не разбились.

– Так ведь на обратном пути я буду один!

– Это ничего не меняет.

– Ну и ладно! – обиделся Джаво, забираясь в кузов машины, предназначенной для передвижения координаторов на строительных площадках. – Разреши тогда, чтобы на обратном

пути синергик гнал так быстро, как только сможет.

– Вот это, пожалуй, можно, – Эсфирь заставила себя улыбнуться.

Не прощаясь с представителями агентства «Ксанет», она развернулась и пошла прочь.

– Ладно. Поехали. Чего тянуть? – проворчал Лиор, стараясь устроиться позади сидевшего за рулем синергика, чтобы спрятаться от холодного, пронизывающего до костей ветра во время движения.

– Твой друг как девчонка, – подметил Джаво, обращаясь к Оксу.

Незадолго до того, как представители агентства «Ксанет» покинули зону нейронного войда, он отозвал напарника Лиора в сторону и попросил дать совет касательно возвращения на игровую площадку. Мальчик держался с напускной серьезностью, стараясь походить на взрослых, когда они обсуждали серьезные вопросы. Окс подыгрывал ему, изображая озадаченность.

– Понимаешь, – протянул Джаво, хмуря брови так сильно, что Оксу сложно было не рассмеяться. – У моих друзей ведь крупные неприятности здесь, в Размерности. Так что если они не смогут заработать на игровой площадке, то ничем хорошим для них это не закончится. Особенно для Саломеи, у которой бывший муж хочет отобрать дочь…

– Я знаю, твой отец распорядился, чтобы мы занялись этим вопросом.

– Это полбеды, – Джаво тяжело вздохнул. – Недавно ко мне обратились ветераны рухнувшей игровой площадки «Голод» и попросили помочь остановить охотников за наживой, бросивших вызов моим друзьям. Я хотел, чтобы отец поручил разобраться с этим тебе, но отца не было рядом. Эсфирь вызвалась помочь, но у нее ничего не вышло, и охотники за наживой теперь играют в «Фивах», мешая моим друзьям.

– И ты думаешь, что твоя помощь будет необходима? – поторопил Окс мальчика, устав от долгой прелюдии.

– Если прокачивать заново персонажа, то – нет, – тяжело вздохнул Джаво. – У меня не хватит времени, потому что на площадке уже кипят баталии, но Саломея смогла оживить четвертую армию Аида, состоящую из легендарных персонажей, погибших во время игрового процесса. Теперь игрокам, владельцам этих персонажей, предлагают вернуться в проект. Если они откажутся, то их героев выставят на открытый аукцион…

– И ты хочешь, чтобы отец помог тебе купить такого героя?

– Купить такого героя не так просто… – вздохнул мальчик. – Но мне и не нужно этого. Мой персонаж, управляя которым я сбежал из закрытого города и оживил древнего бога, находится в рядах четвертой армии.

– Вот как… – Окс озадаченно почесал затылок. – Так в чем проблема? Поговори с отцом и возвращайся в проект.

– А как же дочь Саломеи?

– Что?

– Она просила меня позаботиться о ней, когда ты найдешь девочку.

– Значит, оставайся… – Окс покосился на напарника.

Лиор понял его без слов.

– Долго ты еще? – резко спросил он.

– Нужно идти, – сказал Окс мальчишке. – Сам понимаешь, дела.

– Понимаю, – вздохнул Джаво…

Лиор покинул нейронный войд первым. Окс попрощался с сыном Демира и присоединился к напарнику. Джаво провожал их взглядом, пока они не скрылись из вида. Внезапное приключение закончилось, и он снова остался один.

– А ну-ка попробуй поймать меня! – закричал мальчик присматривавшему за ним синергику.

Биоэлектронный мозг машины среагировал почти мгновенно, но ребенок оказался шустрее. Протиснувшись в узкую щель между строительными балками, он выиграл время, заставив синергика идти в обход. Конечно, Джаво понимал, что системы слежения, установленные в квартале, лишенном нейронных сетей, пусть и давно устарели, но смогут без труда вычислить его местоположение, но… чутье подсказывало ему, что синергик примет правила игры. «Я столько раз говорил об этом Эсфирь, – думал мальчик, карабкаясь как обезьянка по ржавым переборкам, покрытым скользким консервантом. – Она должна была сделать выводы и…» Он увидел преградившего ему путь синергика и выругался, копируя фразы, которые слышал от Эсфирь. Попытался убедить себя, что синергику повезло, метнулся в другую сторону, вспомнив, что видел там щель на нижние уровни квартала, натолкнулся на еще одного синергика и, упав на пятую точку, обиженно надул губы.

– Так нечестно! – крикнул он, надеясь, что Эсфирь слышит его.

Синергик взял его за шиворот, поставил на ноги и, крепко держа за руку, повел в центр квартала. Джаво не сопротивлялся, давно поняв, что так только делает больно себе. Синергиков не пронять и не разжалобить. Они машины,

запрограммированные выполнять сложные задачи. В них отсутствует энергетическая часть сознания, которая есть у людей. Ничего не попишешь.

«Сегодня же сделаю заявку в «Фивы», чтобы получить обещанный ключ игрока четвертой армии», – гневно думал Джаво, устав от роли изгоя в ставшем вдруг крайне неприветливом мире. А ведь раньше он любил Размерность, считая себя коренным жителем. «Может быть, в Подпространстве поселились те, кому не нашлось места в материальном мире?» – предположил Джаво, пытаясь представить себя коренным жителем Квазара.

– Нет, ничего хорошего из этого, пожалуй, не выйдет, – тихо сказал мальчик, хотя идея поселилась в сознании червем сомнений, не давай покоя.

Он будет думать об этом следующие несколько часов, приставая к Эсфирь с расспросами о неиндексированных территориях и путешествиях между цивилизованными центрами Квазара с помощью кубов переносов.

– Вот бы сбежать отсюда и стать владельцем такого транспорта! – оживился Джаво, когда услышал, сколько опасностей ожидает смельчаков во время переносов, проходящих вдали от официальных маршрутов.

– Не думаю, что это разумно, – возразила Эсфирь. – Во время прыжков с использованием точек энергетической сцепки происходит смещение ТС, в результате чего нарушается связь сознания и биологической оболочки. Так что многие хозяева кубов к старости не могут находиться в Размерности, потому что, вернувшись в свои тела, понимают, что не могут больше контролировать их.

– Да кому нужна эта Размерность! – отмахнулся мальчик. – Тем более в старости. Думаешь, я хочу дорасти до твоих лет?

– Я еще не старая.

– Это ты тем, кто старше тебя, говори, а не мне.

Эсфирь махнула рукой, не желая спорить.

– Или ты надеешься, что отцу удастся реализовать проект вечной жизни, и возраст перестанет иметь значение? – продолжил цепляться Джаво, зная, что Эсфирь злится не от самого разговора о бессмертии, а о том, что он выведал у нее эту тайну, когда обманом заставил активировать нейронного медицинского помощника и воспользовался своими сверхспособностями. Конечно, в мыслях Эсфирь была такая путаница, что черт ногу сломит, но кое-что полезное отыскать все равно удалось.

– Я думала, мы договорились, – глаза Эсфирь вспыхнули гневом, заставляя Джаво невольно поежиться. – Я помогаю твоим

друзьям, ты забываешь о том, что смог прочитать в моей голове.

– Договорились, но… – он нервно облизнул губы, планируя, куда будет лучше спрятаться, если ненароком получится вывести Эсфирь из себя.

– Ты не умеешь держать слово? – наступала на него женщина, огромные глаза которой вращались так быстро, что у Джаво начала кружиться голова.

Он хотел отвернуться, зажмуриться, но взгляд Эсфирь, казалось, загипнотизировал его.

– Я просто хотел напомнить, что мы друзья и что я умею хранить тайны, – пролепетал мальчик, вжавшись в стену. – Это все. Клянусь!

– Клянешься?

Он кивнул, увидел, что гнев стихает, и сказал, что хочет вернуться на игровую площадку «Фивы».

– Это что еще за новость? – нахмурилась Эсфирь.

– Мне скучно здесь, – пожал плечами Джаво.

– У тебя есть записи с игровых площадок, адаптированные для модулятора, не вызывающего активацию способностей нейропата.

– Я не могу смотреть дни напролет о том, как играют другие люди. Должно быть какое-то разнообразие.

– Сегодня приезжал твой отец – это тебе не разнообразие?

– А кто приезжал вчера? А кто приедет завтра? – закричал Джаво, злясь на предательски подступившие к глазам слезы.

Он крутанулся на месте и побежал прочь, чтобы Эсфирь не заметила его слез, предательски заполнивших глаза.

Закрывшись в своих апартаментах, Джаво активировал давно устаревший модулятор и начал просматривать новости с игровой площадки «Фивы», желая выяснить все, что упустил за время своего отсутствия. В особенности его интересовала локация «Аид», где они с Саломеей прошли долгий путь, чтобы оживить древнего бога и получить шанс освободить из заточения в Каньоне ветров четвертую армию, возглавляемую Иакхом. Конечно, вернувшись в ряды этой армии, придется пересмотреть многие игровые принципы, но ведь никто не запретит ему отыскать Саломею и снова объединиться с ней…

«А если запретят?» – занервничал Джаво и спешно начал искать имевшуюся в наличии информацию о четвертой армии и ограничениях для вернувшихся на площадку игроков, чьи персонажи стали легендами. Сделать это без доступа к нейронной сети оказалось крайне сложно, но Джаво не собирался отступать. По крайней мере, решимости хватило на ближайшую четверть часа. Затем он не столько искал, сколько

злился, ломая бесполезные информационные картриджи для модулятора.

К вечеру отчаяние достигло апогея. Джаво практически не помнил, что послужило этому причиной, но мечтал лишь о том, чтобы побыстрее связаться с отцом и потребовать разрешения вернуться в «Фивы», где находились сейчас его новые друзья.

«Хватит с меня заточения в этом проржавевшем до основания склепе!» – собирался заявить отцу Джаво, но сначала ему нужно было уговорить Эсфирь организовать для него сеанс связи, что, учитывая ее упрямство, было весьма непростой задачей.

– Нужно было поговорить с отцом, когда он был здесь сегодня! – отчитывал себя Джаво, направляясь в сектор, отведенный Эсфирь.

Мальчик знал, что странная женщина занимается там какими-то исследованиями, но конкретного представления о направлении исследований у него не было. Возможно, она дорабатывает модификации жидких чипов, прототипы которых установлены Оксу и Лиору, возможно, помогает команде отца в создании новых генераторов, способных извлекать энергию Подпространства… Он попытался вспомнить все, что знает о тонких гранях временных мембран, благодаря изучению которых стало возможно создание новых генераторов, но без доступа к информационным базам нейронной сети сделать это оказалось непросто. Какие-то мысли имелись, но все было разрозненным, не способным собраться воедино и дать четкий ответ.

– Какое мне вообще до этого дело! – разозлился Джаво, увидел подъехавшую к будущему отелю строительную машину, замер.

Представители агентства «Ксанет» привезли незнакомого мужчину и девочку примерно такого же возраста, как Джаво.

– Это еще кто? – оживился он, совершенно забыв о том, что по просьбе Саломеи уговорил отца организовать поиски ее дочери.

– Эй, сорванец! – позвала его Эсфирь, не позволяя встретить Окса, засыпав кучей вопросов. – Сделай одолжение, держись пока подальше от них.

– Но… – Джаво нахмурился, выслушал историю о бывшем хранителе, похитившим свою дочь, и просиял, сообразив, что речь идет о девочке, матерью которой была Саломея.

«Вот она обрадуется, когда я, встретившись с ней на игровой площадке, скажу, что нашел Аришу», – подумал Джаво, надеясь, что сможет передать сообщение отцу через Окса, который казался

более сговорчивым, нежели Эсфирь. О том, что отец не откажет ему в желании вернуться в «Фивы», Джаво не сомневался. Поворчит, как всегда, но в итоге сдастся…

Он все еще строил планы, как лучше составить сообщение отцу, когда Окс встретился с ним и попросил прочитать мысли хранителя.

– Ты просишь меня активировать способности нейропата? – опешил Джаво.

– Твой отец дал согласие.

– Врешь!

– Это очень важно, парень… – Окс рассказал ему о связи хранителя с нейронным сбоем. Рассказал о Сарсе и готовящемся запуске экспериментального генератора… – Ты хотел быть взрослым? Хотел, чтобы к тебе относились как к равному? Вот твой шанс, – закончил представитель агентства «Ксанет».

Разумеется, Окс умолчал о многих деталях, но они касались в основном инженерных и бюрократических тонкостей, связанных с проводимой клириками проверкой строительных площадок и с сомнениями ученых, нанятых Демиром, в безопасности тестирования нового генератора в условиях нейронного сбоя, особенно если причиной сбоя стал вирус, уничтоживший перевалочную базу во льдах…

Впрочем, последними опасениями в конечном счете придется пренебречь, и пробный запуск генератора состоится в намеченные сроки, что приведет к потере контроля над системой вследствие атаки Сарса, обнаружившего новый источник энергии, необходимой для его развития. Проект выйдет из-под контроля, и за помощью придется снова обращаться к Лок-Кли, поставив его перед выбором: продолжать сотрудничать с клириками или ввязаться в новую авантюру, связанную с альтернативными способами получения энергия, способными изменить не только политический климат КвазаРазмерности, но и весь двухуровневый мир…